

РОССИЯ

АРМЕН ГАСПАРЯН

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ТАЙНЫЕ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
САМОЙ СТРАШНОЙ
БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Annotation

Гражданская война в России не была случайностью. Октябрьская революция 1917 года не оставила противоборствующим сторонам выбора. Красивые обещания всеобщего равенства, свободы и выхода из войны обернулись долгой кровавой братоубийственной войной.

История крупнейшей национальной трагедии до сих пор не до конца изучена. Вопросов здесь куда больше, чем ответов. Большевики, на которых за последние годы привыкли возлагать вину за все произошедшее, ничем не отличались от белогвардейцев по части проявления жестокости. Вторая русская смута проходила с небывалым ожесточением обеих воюющих сторон.

Из книги вы получите ответы на следующие вопросы:

Были ли все первые белогвардейцы поголовно крупными фабрикантами и помещиками? Кто и как создал Красную армию? Почему адмирал Колчак восстал против себя всех? Что помешало белым победить? Закончилась ли Гражданская война после ухода армии Врангеля из Крыма?

И самое главное – вы поймете, почему никогда больше в России не должна повториться Гражданская война!

-
- [Армен Гаспарян](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Молодость, доблесть, Вандея, Дон](#)
 - [Кто и как создавал Красную армию?](#)
 - [Легенды чрезвычайных комиссий](#)
 - [Адмирал](#)
 - [Поход на Москву](#)
 - [Двадцатый год – прощай, Россия](#)
 - [Галлиполийское чудо](#)
 - [Армия в изгнании](#)
 - [Комиссары в пыльных шлемах](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Список использованной литературы](#)
-

Армен Гаспарян

Россия в огне Гражданской войны: подлинная история самой страшной братоубийственной войны

Посвящается А. О.

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: Михаил Гершман, Иван Шагин /РИА Новости, Архив / РИА Новости

Художественное оформление серии *П. Волкова*
Фото А. Гаспаряна на обложке из личного архива

«Убедительность, логичность, грамотное оперирование фактами, неподвластность медийной сиюминутной конъюнктуре – так можно охарактеризовать стиль Армена Гаспаряна – известного историка, журналиста и общественного деятеля, члена Центрального совета Российского военно-исторического общества. И дело не только в тайных смыслах того, что происходило тогда, в 1917 году. Дело и в очевидном и открытом смысле наших выводов и преподнесенных историей уроков. Главный из которых видится в давно назревшей актуальности всеобщего примирения».

Владислав Кононов,
исполнительный директор
Российского военно-исторического общества

«Армен Гаспарян человек, обладающий уникальным даром. Чувствовать события минувших дней так остро и ярко, как будто они разворачиваются здесь и сейчас. В основе этого дара лежит тщательная, скрупулезная работа с архивными материалами, где он последовательно разбирает ключевые моменты истории. Причем делает это живым, разговорным языком, приводя много фактов и интересных сравнений, давая порой жесткие оценки историческим деятелям»

Владимир Соловьев,
теле- и радиоведущий, известный журналист

Предисловие

Совсем скоро мы будем отмечать скорбную дату: сто лет с начала Гражданской войны в России. Это хороший повод для того, чтобы наконец-то сделать правильные выводы из этого рокового урока истории. Нам стоит использовать этот юбилей с максимальной пользой. Главное – начать обсуждать в обществе те драматические годы не через привычную многим призму классовой борьбы. К событиям второй русской смуты нам пора подходить так же тщательно, как и к событиям Великой Отечественной. Нам с вами могут не нравиться какие-то ее эпизоды, но мы ведь не уклоняемся от их изучения и анализа. Доблесть должна называться доблестью, а преступление – преступлением. В случае же с Гражданской войной эта практика, к сожалению, не работает.

Большинство никак не может начать взвешенно относиться к тем событиям. Речь идет даже не о каких-то частностях, на которые можно было бы закрыть глаза. Проблема глубже – речь идет об оценке эпохи. Взгляды многих людей остаются столь же радикальными, как и сто лет назад. Одни категорически не приемлют большевизм, другие люто ненавидят контрреволюцию. Беда в том, что обе эти гражданские позиции основываются не на знании той эпохи, а на эмоциональном восприятии многочисленных мифов, будь то советских или эмигрантских. И, разумеется, каждая из сторон активно занимается переписыванием истории.

Можно ли считать подобный подход к собственному прошлому здоровым или хотя бы несущим в себе элементы конструктивности? Конечно же, нет. История нам может категорически не нравиться. Так бывает. Но ее невозможно переиграть. Трагедия Гражданской войны давно уже стала частью нашего очень сложного прошлого. Герои тех дней, если, конечно, к событиям братоубийственной войны допустимо такое определение, давно уже ушли на суд Божий. При жизни они оставались смертельными врагами. Должны ли их потомки поступать так же? Убежден, что это недопустимо.

Для меня важны все многочисленные события тех трех страшных лет – от зарождения Добровольческой армии и строительства Рабоче-крестьянской Красной армии до распыления частей барона Врангеля по Европе. Это была жуткая, но судьбоносная эпоха для нашей страны. Место разрушенной Российской империи заняла молодая Советская

республика. Романтизм и героизм приходили на смену разочарованию и апатии неоднократно. Но все очевидцы событий были убеждены в том, что это великая эпоха. Страшная, кровавая, судьбоносная. Этим переполнены все их воспоминания о тех днях. Так не пора ли нам, потомкам, начать так же относиться к тем событиям? Без переписывания неудобных фактов, без фанатизма в утверждениях, но со знанием реалий того периода.

Это было невероятно сложное время. Те три года вместили в себя больше, чем десятилетия истории любой другой страны. Харизматичные лидеры, масштабные социальные потрясения, бесчисленное множество жертв. Чрезвычайные комиссии, белые контрразведки, регулярные части обеих противоборствующих армий, откровенные бандформирования. Террор в тылу и героизм на поле боя. Я вовсе не нахожу в этом какого-то повода для гордости, как кто-то поспешил бы подумать, но уважение, безусловно, испытываю. Уважение к важной части нашей сложной истории. К этому я призываю и вас.

В гражданской войне не бывает победителей. Это только кажется, что одна сторона доказала свое превосходство. В русской смуте проиграли все, потому что страна оказалась затоплена кровью. Наши прадеды, пылая невероятной ненавистью друг к другу, оказались по разные стороны баррикад. Прежде всего, нам нужно честно ответить самим себе на целый ряд вопросов. Понимаем ли мы, что такое Гражданская война и почему ее история до сих пор вызывает столь ожесточенные споры? Нам важно разобраться, кем на самом деле были первые белогвардейцы, кто и как создавал Красную армию, почему войскам Деникина не удалось взять Москву, каков процент правды в многочисленных утверждениях о Красном терроре, почему Врангель считал уход из Крыма передышкой перед возобновлением борьбы с большевиками. Без осознания всех этих процессов мы никогда не поймем сути русской смуты, унесшей жизни миллионов жителей России.

За годы работы на радио я рассказал о Гражданской войне, казалось бы, все. Не обходил острые углы, не уклонялся от обсуждения самых сложных моментов. Говорил обо всем подробно. Но вопросов ко мне не становилось меньше. Напротив, они росли как снежный ком. Пользуясь грядущим юбилеем тех событий, я попытаюсь ответить на большую часть из них в этой книге.

Вы держите в руках не очередную тяжело читаемую монографию, снабженную подробнейшим научно-справочным аппаратом и дополненную многочисленными приложениями в виде архивных документов. Подобных

изданий скоро будет много. Если будет на то интерес – без труда сумеете ознакомиться. Перед вами и не учебник истории. Читайте, что вы включили радио. Устраивайтесь поудобнее и слушайте. Я продолжу вам рассказывать точно так же, как вы привыкли за эти годы. Все останется, как и прежде: неожиданные сравнения, ирония, сарказм, уважение, негодование и беспристрастные оценки.

Я выражаю огромную признательность Владимиру Соловьеву, в чьих эфирах на радио «Вести FM» окончательно сформировался стиль этой книги. Отдельное спасибо – читателям моего твиттера, которые помогли определить основные мифы эпохи и понять, на что обязательно нужно обратить внимание.

Молодость, доблесть, Вандея, Дон

Только военная диктатура могла с надеждой на успех бороться против диктатуры коммунистической партии.

Генерал Деникин

Уже, наверное, не осталось людей, которые хотя бы раз в жизни не слышали этих знаменитых строк Марины Цветаевой. Какую книгу о Гражданской войне ни откроешь – обязательно наткнешься на них. Кто-то ограничивается одной строчкой, кто-то цитирует стихотворение полностью. Дошло уже до того, что авторы не расшифровывают смысл. Дескать, и так всем все понятно, чего время-то терять? А я вот в свойственной мне отвратительной манере вопрос задам. Как всегда, простой. А что, собственно, понятно из этих известных строк прекрасной русской поэтессы?

Не торопитесь сразу отвечать. Подумайте. Все повторяют вслед за Цветаевой про Вандею, но даже не подозревают, насколько же несопоставимо это сравнение с событиями зимы 1918 года. Я напоминаю, что те события во Франции современники характеризовали как объединение религиозных и преданных знати крестьян, которые под руководством мелкого дворянства пытались восстановить монархию и спасти католицизм. Как мы понимаем, с генералом Корниловым и его армией здесь нет ничего общего. Религиозный фактор не был ключевым у первых белогвардейцев, хотя определенное значение, безусловно, имел. Говорить о том, что основой добровольцев были преданные знати крестьяне, конечно же, можно, но только если принципиально не изучать не то что архивные документы, но даже опубликованные хорошими по нынешним меркам тиражами работы современных историков. Наконец, восстанавливать монархию Корнилов на том этапе точно не собирался. И при всем этом – все равно Вандея.

Согласимся, образ сильный и запоминающийся. И совершенно понятно, почему он активно использовался участниками событий. Им нужен был символ в противовес символизму французской революции у большевиков. Только и всего. Но как большевики с большим отрывом

превзошли своих идейных предшественников, так и донская Вандея не идет ни в какое сравнение с французским аналогом. Не потому, что «дым отечества нам сладок и приятен», а в силу своего влияния на последующие процессы.

С тех пор прошел уже без малого век, но в обществе до сих пор нет не то что примирения, а хотя бы элементарного понимания того, почему русская смута шла с таким ожесточением. Почему те русские, которые вынуждены были по итогам Гражданской войны покинуть Россию, долгие годы жили с одной мыслью: «Война еще не закончилась»? Почему тысячи эмигрантов оказались на стороне фашистской Германии, сделав роковой для себя выбор? Что должно было произойти с человеком, чтобы он присоединился к тем, кто идет уничтожать его же народ?

Начиная работать над этой книгой, я специально поинтересовался у своих читателей в твиттере: «Закончилась ли Гражданская война?» Сотни ответов. Градус радикализма суждений меня неприятно поразил. Такое впечатление, что одна половина до сих пор примеряет вечерами пыльные шлемы комиссаров, а вторая – спит и видит себя в ладной офицерской гимнастерке Марковского полка. Истоки этого – в холодной зиме 1918 года. В Ростове. Если угодно – в той самой Донской Вандее.

В начале русской смуты не было ничего романтического. Оркестр не играл встречный марш, а гимназистки не махали вслед платочками, утирая слезы восторга. Скорее напротив: все было исключительно буднично.

Ночь на знакомую всем дату – то самое 23 февраля. Ростов погружен в кромешную темноту. Город спит и не подозревает, что в эти самые минуты Добровольческая армия уходит в свой первый поход. Это потом он станет легендарным Ледяным, а его участники будут заслуженно гордиться своим статусом первопоходников. Это потом его опишут в сотнях книг и тысячах статей, а знак участника Кубанского похода на колодке георгиевских цветов станет символом русской контрреволюции. Все это будет потом. В ту ночь об этом никто не думал – не до того было людям.

Холодный ветер и одиночные ружейные выстрелы, сухо скрепит снег под сапогами. Немногочисленные участники похода не стремились укрыться от непогоды в теплых квартирах или шумных ростовских трактирах. Со стороны они казались обреченными. Редкие прохожие и не догадывались, что эти люди в военной форме готовы бросить вызов не только холоду и снегу, не признаваемому ими новому правительству России и инертности масс. Они бросали вызов самим себе. Делать это им было привычно.

Рядом стоят живые легенды русской императорской армии: генералы

Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Романовский. Овеянные славой первые корниловцы полковник Неженцев и штабс-капитан Скоблин, командир георгиевского батальона полковник Тимановский и последний командир лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов. Неподалеку в шеренгах стоят будущие легенды всего Белого движения на Юге России: тогда еще прапорщик Ларионов и поручик Левитов, штабс-капитаны Марченко и Бузун. Перечислять можно долго.

*В их облике не было напускного героизма. Никакой рисовки.
Полная концентрация.*

Только холодная решимость в глазах и замершая в уголках рта команда самим себе «Господа офицеры, вперед!» Вера в собственную стойкость и стойкость тех, кто стоит в этой шеренге с ним плечом к плечу. Каждый понимал: на них сейчас смотрят и равняются кадеты и юнкера, откликнувшиеся на призыв генерала Корнилова и вступившие в Добровольческую армию.

За всю многовековую историю нашей страны такой армии никогда не было. И я очень надеюсь, что и не будет. Большая часть выступивших в поход из Ростова – офицеры. Все они прошли через бои Первой мировой войны. Многие за военную доблесть были награждены георгиевскими крестами и золотым георгиевским оружием. И вот теперь они, по сути, стали на положение рядовых. Никто не роптал. Свое нынешнее положение поручики, штабс-капитаны и полковники расценивали как проявление высшего долга перед Родиной в исключительно сложный для нее момент. Большинство вообще считали, что надо было еще на германском фронте формировать сугубо офицерские части. Это могло бы изменить ситуацию. Но и сейчас еще не все потеряно.

У них единая цель, общность духа и чувство ответственности. У них крепкая дисциплина, сплоченность и боеспособность. Они на глазах становились армией. Боевой и моральной силой. А безусые еще юнкера, подбадривая скорее сами себя, залихватски пели: «Так за Корнилова, за Родину, за веру мы грянем дружное «Ура! Ура! Ура!»

Первый день похода. Все командиры Добровольческой армии идут пешком. Корнилов – не исключение. Он категорически отказывается от лошади, предложенной кем-то из конного дивизиона. Этим он показал, что будет делить трудности наравне со всеми. Для него были абсолютно равны и георгиевские кавалеры с полковничьими погонами, и юнкера, и ударники. Глубокий снег и реющий над ним национальный трехцветный флаг

объединяли молодую армию. В этом был глубокий символизм.

Л. Г. Корнилов. Главнокомандующий Добровольческой армии, главный враг советской власти

Представьте себе эту картину: впереди колонны в полушубке, в высокой папахе идет, опираясь на палку, бывший верховный главнокомандующий русской армии, генерал от инфантерии, его высокопревосходительство Лавр Георгиевич Корнилов. Сотни глаз внимательно всматриваются в него. Всех мучает один лишь вопрос: сумеет ли он вывести армию, а за ней и страну из того тупика, в который, по их мнению, загнал Россию злополучный 1917 год? Одним из смотревших на

Корнилова был генерал Деникин. Позже в своих фундаментальных «Очерках русской смуты» он так опишет те мгновения: *«Внутреннее бурное горение с печатью того присущего ему во всем – в фигуре, взгляде, речи – достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни».*

Вслед за своим командующим, растянувшись на несколько километров, шли повозки с боеприпасами и лазаретом. А между ними – колонны. Вид у них был своеобразный. Своей одинаковой формой выделялся только Корниловский ударный полк. Ровные ряды красно-черных фуражек и таких же погон, скалящиеся черепа на нашивках. А дальше – кто во что горазд. Еще не все будущие марковцы одеты в черные гимнастерки, еще не скоро алексеевцы приобретут свои привычные бело-синие полковые цвета. Офицерские шинели и сапоги мерно чередовались со штатскими пальто, гимназическими фуражками, валенками.

Сегодня в Интернете чрезвычайно распространен так называемый мем «хруст французской булки». Это понятие, которое образно характеризует все утерянное вместе с Российской империей. Позволю себе скромно поинтересоваться у повторяющих эту ахинею: могут ли они назвать хотя бы одного участника похода Корнилова, который чем-то там хрустел? В ту эпоху их идейные противники как раз начали планировать ликвидацию безграмотности – тот самый ликбез. Им мы и займемся, чтобы хотя бы через сто лет перестать бездумно повторять и тиражировать вздор.

Под тем самым мемом обычно имеется в виду все утерянное вместе с Российской Империей. Разумеется, в первую очередь – поместья, заводы, фабрики и золотые прииски. Так вот, открываем список участников Кубанского похода. Все фамилии сегодня известны, биографии уточнены. И что же мы видим? В ночь на 23 февраля из Ростова уходит Добровольческая армия. В ее состав входили:

242 штаб-офицера (из них 190 полковников);

2087 обер-офицеров (из них 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 поручика, 535 подпоручиков и 668 прапорщиков);

1076 нижних чинов и ударников (из них 437 юнкеров и кадетов).

630 добровольцев (из них 364 унтер-офицера, 235 солдат и 66 чешских добровольцев).

Кроме этого, в поход идет медицинский персонал в составе 148 человек (из них 122 сестры милосердия и 24 врача).

Возможно, для кого-то это будет потрясающей новостью, но абсолютное большинство офицеров Российской императорской армии были неимущими и жили исключительно на скромное жалованье. Забудьте вы

уже привычный миф «дворянство содержало офицерский корпус». В начале XX века ничего подобного уже не было. Офицерами становились люди без достатка, зачастую откровенные бедняки. Многие помещичьи роды к тому моменту уже разорились, и определение 17-летнего сына на казенное иждивение в военное училище было решением многих тяжелых проблем для его родителей.

Рассуждающие про «хруст французской булки» демонстрируют поразительную неосведомленность. Они даже не понимают, что офицерство империи было настолько бедно, что законом им было запрещено вступать в брак. У большинства была только одна возможность получить прибавку к скромному жалованью. Для этого нужно было служить в Туркестане, Забайкалье, Амурской и Тургайской областях. Да и это мало спасало ситуацию, потому что денежное довольствие выдавалось офицеру не полностью. Существовало немало обязательных вычетов: в пенсионный фонд, как мы сказали бы сегодня, в казну, в заемный капитал офицеров полка, на содержание полковой библиотеки и даже в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения. Например, кровать нужно было покупать самим.

Будущий последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковник Месснер оставил безукоризненное свидетельство на этот счет: *«Офицеру разрешалось владеть помещьем или торговым промышленным предприятием, но управлять им воспрещалось. Общество офицеров не противилось тому, чтобы офицерская жена была преподавательницей гимназии, но традиция воспрещала ей служить, скажем, в конторе какой-либо фабрики».*

Корниловцы Ледяного похода

Объясняю популярно. У офицеров, вышедших с генералом Корниловым в Кубанский поход, фабрик, мануфактур и заводов не имелось. Богатых имений и алмазных рудников за ними не числилось. Им бы денег на походную кровать скопить. Все, что у них было, – верность своей стране и офицерская честь. И вот тут возникает совершенно потрясающая коллизия. Рассуждающие про хруст булки, не делая никакой паузы, тут же меняют свою точку зрения на 180 градусов, как только речь заходит о Великой Отечественной войне. Сразу же появляется гордость за верность Родине и офицерскую честь.

А я человек с этой точки зрения недобрый, и потому, откашлявшись, задам очень простой вопрос: а в чем тогда разница между условным штабс-капитаном Ивановым, павшим смертью храбрых за свои убеждения в Кубанском походе, и капитаном Ивановым, геройски погибшим при

обороне Москвы в 1941 году? Почему над памятью об одном герое вы считаете возможным для себя глумиться, а память о втором для вас священна?

Не надо только мне рассказывать, что один погиб за Родину в борьбе против внешнего врага, а другой – в братоубийственной смуте. Дело в том, что генералы Алексеев и Корнилов, а следовательно, и вся Добровольческая армия, мира с немцами не заключали. Для них война продолжалась. Просто противников теперь стало больше. Полковник Дроздовский, формировавший тогда свой отряд в Румынии, записал в дневнике: «*Немцы – враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим*». Это была абсолютно консолидированная позиция русского офицерства, для которых Великая война не закончилась.

Примирение в обществе, о необходимости которого накануне столетия начала Гражданской войны активно говорят, невозможно до тех пор, пока некоторые будут относиться с глубочайшим презрением к собственному прошлому.

И ладно бы оно базировалось на серьезных исторических познаниях. Это еще можно было бы если не принять, то хотя бы понять. Но в нашем случае – напротив, все основывается на вопиющей, ослепляющей безграмотности (которой еще и гордятся).

А не надо иметь фундаментальных познаний, скажет мне иной читатель. Все и так предельно ясно. Хрустели французской булкой и были в бешенстве, что нет у них больше псовой охоты, борзые не стелют, не слышен доезжачих крик. Вот и начали расстреливать и вешать всех подряд по приказу Корнилова. Об этом и любимый вами Деникин писал, и десятки других белогвардейцев вспоминали. Будете спорить?

Я тяжело вздохну. Спорить придется, хотя и очень не хочется. Потому что в этом случае я буду выглядеть не в самом привлекательном свете. Известно ведь, что из двух спорящих всегда один – дурак, а второй – подлец. С другой стороны, ничего не поделаешь, положение обязывает. Я готов побыть подлецом. И даже холодным циником. Чтение архивных документов этому способствует.

Вы никогда не пытались задать себе простой вопрос: а почему расстреливали пленных? У любой жестокости всегда есть объяснение. Довод, что подобными действиями двигала исключительно классовая ненависть буржуазии к пролетариату, отмечаем сразу же. Дело в том, что, во-первых, ненависть была взаимной, и еще очень спорный вопрос, кто

кого ненавидел больше: первые корниловцы первых большевиков или наоборот. А во-вторых, куда было девать пленных? Своей территории и тыловых структур у Добровольческой армии не было, численность минимальная, каждый человек на счету. Как ни ужасно это прозвучит, но выделять ежедневно конвой для охраны пленных Корнилов физически не мог. И еды для них у него не было, и медикаментов. Своим и то не хватало. Наконец, в-третьих, все постоянно забывают про обстоятельства эпохи. Шла война. А значит, действовали законы военного времени. По ним за измену Родине полагается смертная казнь. Корнилов искренне считал большевиков если не прямыми агентами Германии, то, выражаясь современным языком, активно действующими агентами влияния. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Тем паче, что эти пленные зачастую вели себя тоже соответственно – на допросах упорно вели революционную агитацию. Это не оправдывает жестокость, но должно приниматься во внимание.

А вот теперь главное: знаменитый приказ Корнилова, согласно которому всех пленных расстреливали, существовал только в умах деятелей советского агитпропа. В противном случае его бы давным-давно опубликовали. Сей документ активно искали долгие годы, но даже следа не нашли. Сегодня упоминания о нем равносильны отсылам к рассветной дымке. Другое дело, что сам командующий Добровольческой армией искренне считал, что излишние колебания вредны, особенно в те моменты, когда на карту поставлена судьба России. Именно поэтому еще в январе 1918 года, выступая перед офицерами Корниловского ударного полка, он заявил: *«В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы»*.

Вот и тот самый приказ, скажут мне. И совершат характерную ошибку, потому что с этой точки зрения тогда надо и Ленина оценивать. Владимир Ильич в своих письмах соратникам по партии много чего позволял себе рекомендовать. Но при этом в форме декретов, указов, приказов и иных нормативных актов эти самые рекомендации не выходили. Понимаете разницу? Всем известны эти слова Корнилова, но ни обстоятельств их произнесения, ни контекста, ни отношения к этому остальных вождей Добровольческой армии никто не знает. Еще раз повторяю: жесткость Гражданской войны ни в коем случае не оправдывается. Но нам необходимо понимать это в свете той непростой эпохи, о которой мы только начинаем говорить.

Кстати, о позиции остальных вождей. Какой-то единой стратегии даже по ключевым вопросам у отцов-основателей Белого движения на тот момент не наблюдалось. Обсуждалось два варианта. Первый предполагал

уход в район Зимовников. Переждать пару месяцев, изучить обстановку, а после этого начинать серьезную борьбу. Второй вариант был более решительным – идти на Екатеринодар (так в то время назывался Краснодар). Там можно было бы увеличить численность армии. Корнилов выступал за осторожный вариант, Алексеев и Деникин – за решительный.

В Бразилии каждый может тренировать футбольную сборную. В России все поголовно мнят себя крупными знатоками истории. Только этим можно объяснить маниакальное желание жарко спорить спустя без малого сто лет о том, чья позиция была более правильной в тот момент. Даже если гипотетически допустить, что не погибнут последовательно Корнилов, Марков, Дроздовский и Тимановский, что бы поменялось в итоге в судьбе Добровольческой армии? Я лично не убежден, что и в этом случае воинство Святого Георгия не превратилось бы в итоге в «жоржиков», как охарактеризовал символ русской контрреволюции капитан марковского полка Сергей Эфрон. Он был первопоходником и хорошо знал, о чем говорил.

Тысячи могил и десятки тысяч инвалидов войны, рассеянных потом по всему миру. Цепь безукоризненных военных подвигов и бесконечные расстрелы, погромы, сожженные деревни, грабежи. Подвижничество и террор. Условно говоря, Святой Георгий точно так же помог бы дойти до Орла, но потом Белая армия все равно была бы отброшена в Крым. И никакие Корнилов и Марков не смогли бы этому помешать, как не смогли потом обмануть судьбу и их боевые соратники. Они научились героически умирать за идею, но разучились при этом понимать, в чем именно эта идея заключалась. Нельзя бесконечно жить по принципу Портоса «дерусь, потому что дерусь». Особенно когда жизнь эта проходит в огне бесконечных атак без единого выстрела.

Отсутствие внятной идеи губило все. Большевики пообещали землю крестьянам и фабрики рабочим. Белое движение ограничилось лозунгом «Единая и неделимая Россия». Для победы в Гражданской войне этого, мягко говоря, было недостаточно. В каждом городе и в каждой станице, куда заходили добровольцы Корнилова, им неизменно задавали подкупающий новизной вопрос: «А за что вы, добры молодцы, так геройски воюете?» «Ну как, – отвечал бравый двадцатилетний поручик, – за Россию-матушку, что вскормила нас. За единую, великую и неделимую». Но обыватель, задававший вопрос, обычно такой формулировкой почему-то не удовлетворялся. Его интересовала конкретика. Например, земельный вопрос. И тот самый поручик, прошедший вихри яростных атак, терялся и не знал, что сказать. Он, собственно, об этом и не задумывался никогда. И

не только он. Все его сослуживцы по полку тоже едва ли смогли бы сказать что-то внятное по этому поводу.

Вы никогда не пробовали сравнить песенное наследие белых и красных? Это очень увлекательно, поверьте мне. После этого многие вопросы решились бы сами собой. У большевиков – сплошная конкретика. Цель обозначена, и путь к ней указан. Белые пели о чем угодно в диапазоне от любви к Отчизне до смерти за Родину. «За Россию и свободу если в бой зовут, то корниловцы и в воду и в огонь пойдут», «Смело мы в бой пойдём за Русь святую и как один прольём кровь молодую». Именно так они и поступали, потому и результат был соответствующим. И никакие Корнилов, Марков или Дроздовский этого исправить не смогли. Не только потому, что сами действовали точно так же. Не хватало сущего пустяка: полностью отсутствовала четкая схема действий.

Ну как же, возразит мне кто-то, а знаменитая программа Корнилова? Соглашусь, была такая. А вы хорошо помните ее содержание? Генерал предлагал уничтожение классовых привилегий, восстановление в полном объеме свободы слова и печати, всеобщее обязательное начальное образование. Созыв Учредительного собрания, которое должно будет решить аграрный вопрос. За отдельными народностями, входящими в состав страны, признавалось право на широкую местную автономию. Но только при условии сохранения государственного единства. Все прекрасно, за исключением незначительной мелочи. Эта программа была хороша для предвыборной агитации в мирное время, но совершенно не подходила к условиям Гражданской войны. Побеждает в ней не тот, кто готов пролить больше крови, а тот, кто увлечет своей идеей массы. И вот с этим у добровольцев вышел промах.

Представьте себя гимназистом того времени. Вы зачитываетесь приключениями Пинкертона. Над кроватью висит портрет Блока. На ваших глазах рухнул привычный уклад жизни. Все вокруг говорят и спорят о невиданной свободе. Активнее всех это делает Временное правительство. Потом его свергают большевики и обещают построить совершенное новое общество, в котором все будут равны. А с другой стороны – генерал Корнилов. Ничего не обещает, но призывает всех встать на защиту исторической России. Это только в сказке Гайдара запишут поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дадут ему целую бочку варенья да целую корзину печенья. В реальности ничего подобного не будет. Да, в том же Харькове молодежь одно время будет грезить о корниловской или дроздовской фуражке, но и только. Обыватель отнесется к идее Добровольческой армии в лучшем случае выжидательно. В худшем –

недоверчиво.

О каком Учредительном собрании вы тут толкуете, милейший, если большевики уже землю всю раздали и в деревнях ее делят? О каких классовых привилегиях изволите говорить, если все уже ликвидировано ленинским правительством? И зачем нужна полная свобода слова, если и без того каждый делает и пишет, что хочет? Остается только «Единая и неделимая Россия». Точнее всех проблему обозначил Деникин: *«Не было возможности внушить истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования? Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха и раболепства»*.

В сухом остатке это означает, что командованию Добровольческой армии, с его сугубо консервативными взглядами, было очень трудно бороться со способностью большевиков убеждать массы, с их многочисленными щедрыми митинговыми обещаниями. Причем выражение «очень трудно» в данном случае употребляется в значении «почти невозможно». Но тем, кто пошел за Корниловым, это было не важно. Для них этот поход и есть сама Россия. Разваливаются сапоги, и ноги натерты до острой боли. Завязают в грязи сестры милосердия. Их маленькие ножки вылезают из больших для них сапог, которые остаются в размокшей глине. Но они идут. Ими воплощаются в жизнь жесткие слова Корнилова: «Если не суждено будет победить – покажем, как умеет умирать русская армия».

В бою человек проявляется отчетливее всего. Так было принято считать в то время. Яростные атаки в полный рост ровными шеренгами, зачастую в кромешной темноте, спаяли их кровью – своей и чужой. Под огнем они были равны: генерал Марков и вчерашний юнкер Ларионов, легенда Корниловского ударного полка штабс-капитан Скоблин и юнец в сбившейся набок фуражке ростовской гимназии. Это было жертвоприношение за Россию во всех смыслах этого слова. Чистое, безумное, красивое и напрасное. Пусть военное счастье изменяет Корнилову, пусть на исходе боеприпасы, пусть после упорных боев изрядно поредевшее войско едва держится на ногах. Для них это ничего не значит. «Мы говорили в дни Батгя и на полях Бородина: “Да возвеличится Россия! Да сгинут наши имена!”». Это словно о них сказано, о первых добровольцах.

Корнилов понимал всю тяжесть положения. Он решает атаковать всеми оставшимися силами и взять Екатеринодар штурмом. Остальные лидеры Белой армии понимают, что лично для Лавра Георгиевича это

вопрос решенный. Но они пытаются спорить и приводят в принципе убедительные доводы. Даже у этих стальных людей есть предел человеческих сил, армия рискует быть почти полностью уничтоженной во время боев за город. К тому же взятие Екатеринодара будет классической пирровой победой. Сил контролировать город у Добровольческой армии нет. Но Корнилов непреклонен.

*Генерал-майор Н. В. Скоблин.
Последний начальник Корниловской ударной дивизии*

Генерал Марков не спал двое суток. На совещании усталость взяла

свое. Он проснулся как раз в момент оглашения окончательного решения. Как и все, воспринял его спокойно. Вернувшись в свой полк, лишь сказал нескольким офицерам страшные слова: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Город не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Еще более жуткие слова были произнесены в разговоре Деникина с Корниловым. Лавр Георгиевич сразу обозначил свою позицию: если Екатеринодар не будет взят, он пустит себе пулю в лоб. Антон Иванович, опешив на пару секунд от этого, взялся убеждать не принимать скоропалительного решения. Нельзя бросать армию, которая доверяет своему командующему. В случае неудачи штурма отступить будет тяжело, потому что уже некому будет выводить выживших. Корнилов незаменим – в этом Деникин был абсолютно прав.

Весь советский период истории имя прославленного русского генерала ассоциировалось с клеймом «злейшего врага трудового народа», «отъявленного белогвардейского отребья». И до сих пор подобные оценки звучат с завидной регулярностью. Но стоит прочитать отзывы современников о Лавре Георгиевиче, и перед нами предстанет храбрый и честный офицер, символ верности долгу и любви к Родине. Таких людей во все времена были единицы. Такими не рискуют напрасно. Но отговорить Корнилова, к сожалению для Белого движения, не получилось.

27 марта 1918 года Добровольческая армия, по меткому выражению одного из офицеров, пошла на свою всеночную – на бой, из которого не возвращаются, на штурм Екатеринодара. Атака безупречно ровных рядов корниловцев с блестящими погонями и винтовками наперевес вызвала в плохо еще организованном красном войске такую панику, что они поспешно бежали, несмотря на более чем пятикратный перевес в силах. В ходе этих боев Добровольческая армия, потеряв более тысячи человек убитыми и ранеными, смогла закрепиться в предместьях города. На помощь корниловцам подошел полк генерала Маркова, но и офицеры не смогли переломить ход сражения.

Всех добровольцев, остававшихся к тому времени в строю, не насчитывалось и двух тысяч, в то время как красный гарнизон Екатеринодара составлял более 50 тысяч человек.

30 марта в Корниловском ударном полку оставалось всего около 200 бойцов.

Когда Добровольческая армия занимала позиции для последнего

штурма Екатеринодара, Корнилов выбрал в качестве своего наблюдательного пункта одиноко стоящее на возвышенности здание фермы. Офицеры попросили Лавра Георгиевича перенести штаб, так как красные обстреливали это место с самого начала боев. Но Корнилов и в этом был непреклонен: «Теперь уже не стоит, скоро штурм». Как вспоминали позднее добровольцы, генерала слишком потрясла гибель командира Корниловского ударного полка полковника Неженцева. Корнилов стал угрюм и задумчив. Ни разу с тех пор шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки.

Когда к штабу на повозке подвезли тело Неженцева, командующий склонился над ним, долго с глубокой тоской смотрел ему в лицо. Потом перекрестил и поцеловал, прощаясь как с любимым сыном. А утром 31 марта разорвавшийся в штабном домике артиллерийский снаряд лишил Добровольческую армию ее командующего Лавра Корнилова. В своих «Очерках русской смуты» уже в эмиграции генерал Деникин напишет: *«Дыхание становилось все тише, тише и угасло. Сдерживая рыдания, я приткнулся к холодеющей руке почившего вождя. Рок – неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления».*

Сначала смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Но вскоре об этом узнало все войско. Боевые, израненные офицеры Корниловского ударного и Марковского полков, награжденные георгиевскими крестами и золотым георгиевским оружием за храбрость, плакали навзрыд, как дети. Кадеты и юнкера печально молчали. Это были мгновения всеобщего горя, ведь в Корнилове сосредоточилось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца добровольцев начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Поползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских полках и дивизиях, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Бурка, брюки, полушубок и папаха Лавра Георгиевича были разрезаны офицерами на кусочки и разобраны на память.

Ледяной поход. Как писал эмигрантский поэт «Перешагнув, живые шли соблюдать черед, только в одной России мог быть такой поход»

В ночь на 2 апреля тела генерала от инфантерии Корнилова и полковника Неженцева были тайно погребены на пустыре за немецкой колонией, в 50 верстах от Екатеринодара. Вместо похоронного салюта верных войск Корнилова провожали в последний путь залпы вражеских, хотя и своих, русских орудий. На месте захоронения не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Карты местности с координатами могил взяли с собой три офицера Корниловского ударного полка. Добровольческая армия, выполняя приказ нового командующего генерала Деникина, отступала. Утром в колонию вошли большевики. Место захоронения было достаточно быстро обнаружено, трупы вырыты. Корнилова опознали по погонам полного генерала. Сорвав с него мундир, тело бросили на повозку, покрыли брезентом и отвезли в Екатеринодар. Сначала оно было доставлено во двор гостиницы, где квартировало командование красных войск. Сброшенное на землю тело Корнилова сфотографировали, после чего попытались повесить на дереве, но веревка оборвалась.

Созданная впоследствии в Белой армии «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков» беспристрастно зафиксировала

факты глумления над телом генерала Корнилова: *«Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские боины, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях. Собранный пепел был развеян».*

Когда Добровольческая армия, уже во Втором кубанском походе, взяла Екатеринодар, в могиле Корнилова были обнаружены лишь куски гроба. Этого никогда не забывали и не прощали в Корниловском ударном полку. С пленными комиссарами и бывшими офицерами русской императорской армии, пошедшими на службу к большевикам, потом уже не церемонились. Началась эпоха взаимной всепоглощающей ненависти.

На месте гибели Корнилова его офицеры поставили скромный деревянный крест. Но и он простоял недолго. В 1920 году красные, едва войдя в Екатеринодар, уничтожили его. Но ни этот факт, ни годы замалчивания и откровенного шельмования фигуры генерала Корнилова в СССР не смогли вычеркнуть его имени из истории. И прав был митрополит Русской православной церкви за рубежом Анастасий, заметивший, что придет время, и Россия воздаст дань ее благородным рыцарям.

«Не умеете вы, русские, ценить своих талантливых полководцев». Эти слова произнес весной 1918 года командующий оккупационными германскими войсками на Украине генерал фон Арним.

Обращены они были к делегации из Ростова в ответ на их торжественное заявление: *«Военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром».* Вдумаемся в эту ситуацию. Мы даже спустя сто лет не можем признать то, что было очевидно современникам еще век назад. И не нашим соотечественникам, а противникам в Первой мировой войне. Вместо этого отдельные «пикейные жилеты» с маниакальным упорством продолжают ссылаться на безграмотное мнение своих идейных предшественников из когорты разнообразных второсортных глашатаев, успешно превративших во многом правильный советский агитпроп в посмешище. А я вот возьму и процитирую Ленина. Да, именно его. Он по похожему поводу предельно внятно высказался в свое время: *«Все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные советской власти, – являются вздором».* Применительно к Корнилову лучше и не скажешь.

Не надо сейчас закатывать глаза и с ненавистью рассуждать о классовой борьбе. Во-первых, наши современники в большинстве своем работ Ленина не читали и упорно судят об истории страны в трактовке различных сказочников. Так им привычно и очень удобно. А во-вторых, в условиях той самой классовой борьбы у ее современных сторонников были все основания самим оказаться у стенки, причем даже опередить в этом многих буржуев. Сомневающимся рекомендую вспомнить события конца 30-х годов, когда даже девять наркомов первого ленинского правительства были расстреляны как враги народа.

Так вот о Корнилове. Сегодня в моде патриотизм и любовь к России. Гордость за ее историю и стремление сделать ее лучше. Неприятие внешнего врага и презрение к его сторонникам внутри страны. С этой точки зрения генерал от инфантерии – ярчайший пример для подражания. Не было тогда большего патриота исторической России, чем Корнилов. Равно как и не было большего врага у немцев, многочисленных сепаратистов и у большевиков.

Многие делают ошибку, считая, что большевики образца 1917 и 1941 годов – одно и то же явление. Ничего подобного. Это были уже, по сути, разные партии с разными установками. В 1917 году ни о какой России никто в Совнарком не всерьез не думал. Целью была объявлена мировая революция. Отношение к народу – соответствующее. Ленина читать нынче не любят, а потому и не знают, что в своих посланиях вождь большевиков отзывался о русских зачастую в уничижительной форме. Чего стоит только его знаменитое «Ивашек» надо дурить». Я уже скромно молчу про многочисленные «повесить (непременно повесить), чтобы народ видел» и «надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы». А советский представитель в Швейцарии однажды получил от Ильича указание: «Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор)». Сравните мысленно с известным тостом Сталина за русский народ в 1945 году и сами сделайте выводы.

А теперь ответьте самим себе честно на невероятно простой вопрос: вам бы понравилось такое отношение к государствообразующему народу, его истории и культуре? Вы бы в самом деле не протестовали, хотя бы в глубине души, против такого отношения к вам и вашим родителям? Ответ очевиден. Но почему же тогда многие продолжают поносить последними словами генерала Корнилова за то, что он первым выступил против вакханалии и безбожия? Проблема лежит исключительно в плоскости исторической безграмотности. Мы до сих пор блуждаем в потемках и «как

чужие идем по родимой своей стороне». Нам нужно знать истоки. В том числе те события в морозных кубанских степях 1918 года.

После гибели Корнилова Добровольческую армию возглавил Деникин. Иных кандидатур, в принципе, и не было. Только в офицерском полку появились сомнения. Они хотели видеть на посту главнокомандующего своего командира, генерала Маркова. Его считали «шпагой Корнилова». Он всегда личным примером увлекал добровольцев в яростные атаки своим привычным кличем «Друзья, вперед!» Марков почувствовал настроение своих офицеров и был, как всегда, точен в сжатой оценке: «Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!» Сергей Леонидович имел все основания так говорить.

В 1899 году военный министр Алексей Куропаткин, представляя выпуск Академии генерального штаба Николаю II, сказал: «Этот офицер не причислен к Генштабу за свой плохой характер». Только спустя два года министр признал, что допустил ошибку. Человек с плохим характером во время Первой мировой войны стал одним из символов русской армии. Антон Иванович Деникин – кавалер ордена Святого Георгия двух степеней, награжденный георгиевским золотым оружием, был командиром легендарной «Железной бригады», которую панически боялись немцы и их союзники.

Наследство от Корнилова досталось удручающее. Дело даже не в том, что обычная нестигаемость первых добровольцев сменилась тревогой за исход кампании. И вовсе не в том, что красные войска продолжали преследовать сильно поредевшую Добровольческую армию. Обоз растянулся почти на 10 километров. Деникин принял первое тяжелое решение – избавиться от обузы. Беженцев поместили по шесть человек в телеге, почти 200 подвод вместе с ненужным грузом уничтожили. Но нужно было решить главный вопрос: брать с собой раненых или оставить их в станицах, постаравшись обеспечить их безопасность. Алексеев, Романовский и Марков высказались за предложение оставить. Разумеется, в Добровольческой армии это решение не вызвало восторга, но никто не осуждал командиров. Все понимали: с ранеными армия обречена, а так появлялся хоть какой-то шанс. Но Деникина этот случай мучил до конца жизни. В своих воспоминаниях Антон Иванович напишет потом: *«Делясь тогда впечатлениями с Романовским, мы оба пришли к одинаковому заключению: подписать приказ заставлял тяжелый долг начальника, но если бы пришлось оставаться самим, мы предпочли бы пустить пулю в лоб».*

У армии на тот момент оставалось лишь 30 снарядов. Положение было критическим. И все-таки добровольцы не превратились в обезумевшую людскую массу. Сказались характер и долг русского офицера. Они шли, теряя в боях друзей. Шли в том числе за генералом Марковым. Именно он стал одним из символов Ледяного похода.

К сожалению, Марков погиб через несколько месяцев. Хронологически это уже Второй кубанский поход. Но поскольку имя Сергея Леонидовича тесно связано с первыми шагами Добровольческой армии, правильнее будет рассказать о нем подробнее именно в этой главе. Он до сих пор толком не известен широкой общественности, хотя доктора исторических наук Василий Цветков и Руслан Гагкуев многое сделали для возвращения России имени этого выдающегося патриота и безукоризненного русского офицера.

«Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к России и бранным подвигам» – эти слова из приказа генерала Деникина о смерти генерала Маркова как нельзя лучше характеризуют Сергея Леонидовича. Когда потребовалось, он, бывший начальник штаба двух фронтов русской армии, стал во главе только что образованного Офицерского полка, в котором было всего лишь 1000 человек. Марков обошел строй и обратился к подчиненным: *«Не много же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела».*

Каждое утро полк выступал походным порядком в авангарде Добровольческой армии, и всегда впереди был Сергей Леонидович в белой высокой папахе и черной куртке с белыми генеральскими погонями. Резкие черты лица и такая же резкая характерная речь, на слова он не скупился...

Далеко не случайно многие, отдавая должное Корнилову, именно Маркова считали истинным вождем Белого движения.

Что было тому причиной? Его харизма, истовость, с которой он отдавался делу, его особое магическое обаяние? Одно можно сказать наверняка: доверие к Маркову со стороны единомышленников было исключительным. Один из выживших участников Ледяного похода впоследствии напишет: *«Его можно было видеть повсюду – в боях, на самых важных участках, он был там и брал на себя руководство. Казалось, что не мы, а он, титан, схватился с врагом, а мы – только молчаливые зрители».*

*Генерал С. Л. Марков.
Его называли «шпагой Корнилова»*

Марков относился к той редкой категории людей, которых уважали и ценили даже его противники. Вот и «красный граф» Алексей Толстой, а именно так называли писателя в эмиграции, в своем знаменитом романе «Хождение по мукам» обрисовал Сергея Леонидовича метко и ярко: *«С биноклем на коне или с шашкой в наступающей цепи, командуя страшной игрой боя, он, должно быть, испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. Марков был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью, выйдя впереди цепи с хлыстиком под секущий свинец»*. Такая оценка говорит о многом и дорогого стоит.

Сергей Леонидович Марков погиб в бою у станции Шаблиевка 25 июня 1918 года. Предпоследний снаряд отходящего бронепоезда красных разорвался рядом и смертельно ранил генерала. Перед смертью он попросил поднести находившуюся в доме икону Казанской Божией Матери и благословил ею Кубанский стрелковый полк. Буквально искромсанный осколками, Марков умирал тихо, без единого стона. Благословляя иконой рыдавших офицеров, он успел только сказать: *«Умираю за вас, как вы за*

меня». Простые, строгие слова. Таким же простым и строгим было его отношение к смерти. Еще уходя на Русско-японскую войну, Марков писал своей матери: *«Я смерти не боюсь, больше она мне любопытна, как нечто новое, неизведанное, и умереть за своим кровным делом – разве это не счастье, не радость?! Мне жаль тебя и только тебя, моя родная, родная бесценная мама».*

Остановитесь на мгновение. Прочтите эти слова еще раз. Подумайте над ними. Это и есть та великая Россия, о потере которой мы скорбели в 90-х годах. Это тот самый легендарный русский характер, который после «Крымской весны» и событий на Юго-Востоке Украины начал возвращаться. Я в свое время в твиттере провел параллели, разумеется, условные, между Михаилом «Гиви» Толстым и генералом Марковым. Та же любовь к Родине, то же презрение к смерти, тот же самый порыв без перерыва. Даже та самая папаха. Это марковский дух и марковский стиль. Это русский дух, который никогда не суждено понять западному человеку.

Потрясенный гибелью близкого друга и соратника, генерал Деникин написал в своих «Очерках русской смуты»: *«Над гробом реял черный с крестом флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя. После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...»*

В Новочеркасске, в церкви епархиального училища, была отслужена панихида по Маркову, на которой в почетном карауле стоял его Офицерский полк. Во время прощальной речи генерала Алексеева, где тот подчеркнул верность Маркова России и его жертвенность христианина-воина, боевые офицеры, много пережившие на своем веку, не скрывали слез. Став на одно колено, бывший главнокомандующий русской армии обратился к матери Сергея Леонидовича: *«Благодарю вас, матушка, от имени земли Русской за то, что вы воспитали сына-рыцаря без страха и упрека!»* Полк дал прощальный салют.

Это была панихида по исторической России. И по только зародившемуся Белому движению. Тогда еще никто из участников печальной церемонии этого не сознавал. Но Ледяной поход, бескомпромиссная верность Родине – это великая история великой России. В этом я твердо убежден.

Кто и как создавал Красную армию?

Товарища Троцкого посадим управлять Красной армией не одной Республики, а может быть, Миром.

Начдив Апанасенко

Я задал вам вовсе не такой простой вопрос, как могло бы показаться. Как и в случае с Октябрьской революцией (об этом я подробно писал в предыдущей книге), создатели Красной армии менялись, как в калейдоскопе. Сначала единственным и неповторимым был Троцкий, что полностью соответствует исторической правде. Потом ему пару составил Ленин. В дальнейшем Ильич ненадолго выдвинется на первый план, но роль Троцкого в создании Красной армии все еще никто не отрицал. В начале 30-х годов всем будут уже руководить Ленин и Сталин. Потом – Сталин, при незначительной помощи Ленина. После смерти Великого кормчего, осуждения культа личности и десталинизации единственным создателем Рабоче-крестьянской красной армии объявят Ленина. И базу под это идеологическую подведут по всем правилам коммунистической агитации. Ведь еще 23 февраля 1918 года мудрый Владимир Ильич, подавляя клокотавшие в душе злобу и ненависть к трусам и паникерам, написал легендарную статью «Тяжелый, но необходимый урок». С тех самых пор в этот день мы чествуем защитников Отечества. А сам праздник еще не так давно назывался «Днем Красной армии и флота».

Ленинская работа «Тяжелый, но необходимый урок» входила в обязательный набор для изучения в Советском Союзе. Миллионы людей старательно конспектировали и зубрили потом ее наизусть, не особенно вдаваясь в суть. Неприятных вопросов не задавали. Генетическая память о 30-х годах срабатывала. Будь иначе – обратили бы внимание на тон той самой статьи. Весь ленинский посыл крайне прост: Советы испытали невероятный позор. И тут возникает закономерный вопрос: а что же мы тогда празднуем?

Давайте по порядку. Итак, в 1938 году на страницах главной газеты Советского Союза «Правда» методично печатался только что составленный «Краткий курс истории ВКП(б)». Автором был, по сути, лично товарищ Сталин. Этот, не побоюсь громкого слова, величественный эпос должен был раз и навсегда закрепить в сознании людей единственно верную

правду о партии. О ее борьбе, победах на фронтах Гражданской войны и трудовых свершениях. Нужна была каноническая версия. Единственная, на все времена. И она последовала в блестящей формулировке: **«Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. День отпора войскам германского империализма – 23 февраля – стал днем рождения молодой Красной армии».**

Никто, разумеется, со сталинским определением не спорил и в фальсификации истории гениального автора не упрекал. Хотя на тот момент еще живы были тысячи участников тех событий. И они знали неприятную правду. Псков немцам удалось захватить силами всего двух сотен человек. Сопротивления им революционные массы не оказывали и решительного отпора не давали. Достались в награду победителям прекрасные трофеи, ведь в городе располагался штаб Северного фронта. А посему оккупанты без боя взяли склады продовольствия и боеприпасов.

Ленин был в ярости. 25 февраля в вечернем выпуске газеты «Правда» появилась статья «Тяжелый, но необходимый урок». Получив известие, Ленин его какое-то время переваривал, собирался с мыслями, писал статью. Иначе она бы вышла уже 24 февраля. Но Ленину пришлось отрезвлять свою партию. Поэтому он выждал, пока собственное первое бешенство пройдет, и только потом взялся за дело. Откроем ту легендарную работу вождя большевиков. Армии у нас нет, справедливо сокрушается Ильич. Ее надо создавать. Страну надо защищать. Венчает статью главное: *«Учитесь у тяжелых, но полезных уроков революции, товарищи рабочие! Готовьтесь серьезно, напряженно, неуклонно к защите отечества, к защите социалистической Советской республики!»*

Что же все-таки произошло 23 февраля 1918 года? Командовал красными войсками Павел Дыбенко, балтийский матрос-большевик, ставший членом первого ленинского Совета народных комиссаров. Он взялся лично возглавить лихую атаку на противника. Но беда была в том, что красные моряки, прекрасно справившиеся с разгоном и расстрелом демонстрации в день открытия Учредительного собрания, немцев не осилили. Не по Сеньке оказалась шапка – пришлось отступить. Это если сказать мягко. А если называть вещи своими именами, то революционные матросы бежали с поля боя, сверкая пятками. Скорость забега была превосходной. Школа олимпийского резерва по легкой атлетике позавидует. Подгоняло красных моряков спиртное, которое они прихватили с собой. Чтобы врагу не досталось, разумеется. А вы о чем подумали? Впереди всех несли, разумеется, сам Дыбенко со своим штабом. Поймать их удалось только под Самарой.

Откройте любую карту. Посмотрите, где находится Псков, и где Самара. Оцените, сколько километров пронесли эти марафонцы по февральскому снегу. Нет, не на своих двоих, конечно же. Экспроприировали поезд. Согласимся, в теплых вагонах отступить комфортнее. Мин там не закладывают, на конные патрули не нарвешься и под артиллерийский обстрел противника не попадешь. Как бы вы поступили с таким воякой? Лично мне сразу вспоминается монолог Сильвера из «Острова сокровищ»: «И поэтому я голосую убить».

Не надо меня обвинять в кровожадности. Дыбенко – не просто революционный солдат, поставленный для отпугивания ворон у казармы в российском захолустье, а один из руководителей военного наркомата. И что такое долг перед страной в военное время, сознавать должен прекрасно. Терпеть дезертирство невозможно. Любая самая крепкая власть рухнет, если не будет таких вот «дыбенков» показательно карать в назидание другим. Сталин, кстати, этот тяжелый, но необходимый урок оперативно усвоил. Внял ленинским заветам. И в 1941 году, когда фронт рушился, он принял решительные меры. Не будем сейчас вдаваться в нудную полемику на тему «заслуживал ли генерал Павлов казни и он ли один был во всем виноват». Речь в данном случае идет о том, что это был своеобразный нашатырь для панически бегущей армии. Он подействовал. Опять же, не стоит меня упрекать в цинизме. Когда идет война, не до сантиментов. Два раза в XX веке руководители России колебались, и оба раза все заканчивалось крахом страны. Я говорю про февраль 1917-го и про события 1991 годов, которые многие мои читатели еще, полагаю, не забыли. Выводы напрашиваются сами собой.

Но как же поступили Ленин с Троцким? Они отдали Дыбенко под революционный трибунал и исключили из партии.

Но не расстреляли из-за заслуг перед революцией. Сказалось заступничество его жены Александры Коллонтай. Вам знакомо это имя? Конечно, кто же не слышал о первой в мировой истории женщине-министре! Но дело в том, что впервые товарищ Коллонтай прославилась не в Совнаркоме и даже не на привычной всем дипломатической ниве, а на фронтах любовных. Об этом сегодня если и вспоминают, то как-то не очень охотно.

В. И. Ленин. Вождь пролетарской революции быстро пересмотрел свои взгляды, и это позволило красным победить в Гражданской войне

Когда нынешние сторонники классовой борьбы стонут, что только и исключительно проклятая западная демократия развратила души россиян – это очередное проявление безграмотности. Потому как именно ленинский нарком товарищ Коллонтай в 1918 году заявила: «В свободном обществе удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды. Надо осознавать, что отказ – это каприз. Это эгоизм,

который уводит наше общество от идеала. Надо отодвинуть его на второй план ради идеи». Результаты в виде резкого увеличения числа заболеваний венерическими болезнями не заставили себя долго ждать. Только в Московском коммунистическом университете имени Свердлова в 1922 году гонореей болели 40 % студентов. Этот самый университет и издал «12 половых заповедей», среди которых была и такая: *«Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания».*

Справедливости ради стоит сказать, что Ленин крайне отрицательно относился к идеям Коллонтай. Прочитав статью «Крылатый Эрос», он с едким сарказмом написал ей: *«Спасибо Вам за такого рода марксизм!»* А в письме Кларе Цеткин он жаловался, что подобные вульгарные теории испортят молодежь. Но при этом Ильич не останавливал Коллонтай и не мешал ей удовлетворять свои растущие потребности с Дыбенко, Раскольниковым и остальными товарищами.

Мужа ей удалось отстоять. Хотя и сам он своей вины не отрицал, и за супругу не прятался. Больше того – признал, что лично несет полную ответственность за позорное бегство моряков. Позвольте, взволнованно спросит меня иной читатель, так что же мы празднуем 23 февраля, кроме марафонского забега Дыбенко и его матросов с канистрой спирта? Вопрос справедливый, ведь «Краткий курс истории ВКП(б)» ничего по этому поводу не сообщает. И многочисленные срыватели покровов с советского прошлого не рассказывают ничего другого, кроме ритуальных завываний про низость Павла Ефимовича Дыбенко.

Дело в том, что декрет Совнаркома об образовании Рабоче-крестьянской красной армии был принят 28 января 1918 года. Вождь большевиков тогда 20 миллионов рублей выделил для защитников первого в мире пролетарского государства. Сравните сами с мизерными цифрами, которыми оперировал руководитель Белого движения генерал Алексеев, и почувствуйте разницу. Спустя год, когда армия уже была создана и отчаянно сражалась на фронтах Гражданской войны, член ВЦИК товарищ Каменев предложил торжественно отметить годовщину РККА. Выбрали для этого 17 февраля 1919 года. Потом посмотрели внимательно на календарь и решили для всеобщего удобства перенести празднование на ближайшее воскресенье. Им и оказалось то самое 23 февраля.

Таким образом, никакой связи с трусостью Дыбенко этот праздник изначально не имел. Пришлось бы воскресенье на 22 февраля – отмечали

бы в этот день. Так же всенародно и с огромным энтузиазмом. И делали бы это до сих пор. А вот у многочисленных ревизионистов отняли бы хлеб. А то ведь как им удобно: от трусости одного негодяя протянули мостик и оскорбили всю армию. И до сих пор каждый год в этот день сотрясают информационное пространство ритуальные песни из уст либеральных публицистов и деятелей про подлость Ленина, который именно в честь дезертира решил организовать праздник Красной армии.

А все потому, что знать подлинную историю собственной страны этим гражданам категорически не хочется. Будь иначе, хоть кто-нибудь из них выбрался бы в Румянцевскую библиотеку. Оторвался бы от затяжных боев в твиттере и погрузился в удивительный мир пожелтевших газет времен Гражданской войны. И читал бы он с удивлением номер «Известий» от 23 февраля 1919 года. В нем содержится огромная статья Троцкого с указанием всей Рабоче-крестьянской армии, как действовать в эту непростую эпоху. Читатель узнал бы наконец, что никаких парадов в честь защитников Отечества тогда не проводилось. Потому что тот же Троцкий презрительно обозвал их «шагистикой» и «зрелищем для обывателя». А армия в тот момент была нужна для совсем другого.

Больше того, потом сделали перерыв на целых три года. Снова отметили день РККА только в 1922 году, даже парад провели. Было что праздновать без всякой низости Дыбенко. О ней, кстати, никто тогда не забывал. Первый красный офицер маршал Ворошилов в 1935 году в праздничной статье окончательно поставил точку в этой истории: *«Приурочивание празднества годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и трудно объяснимый характер и не совпадает с историческими датами».*

Теперь переходим непосредственно к созданию Рабоче-крестьянской армии. Той самой, которая сжимала властно свой штык мозолистой рукой. Никакого Ленина, Сталина или Ворошилова в тот исторический момент на авансцене не наблюдалось. Исполнил все один Троцкий. Сомневающимся я отправляю в увлекательное путешествие по газетам Советской России первых лет пребывания коммунистов у власти. Вы с удивлением узнаете, что именно Льва Давидовича пропаганда рассматривала как единственного и неповторимого вождя Красной армии. Точно так же считали во всем мире. Западная печать называла его «военным лидером большевизма».

Троцкий блестяще справился с задачей. Правда, только на внутреннем фронте. Попытка экспансии революции через советизацию Польши провалилась, хотя вины самого создателя армии в этом нет. Ответил за разгром на Висле лично «красный Бонапарт» Тухачевский. Его

предупреждали, но упрямство Михаила Николаевича множилось на его самовлюбленность, что привело к закономерной катастрофе. Впрочем, положение большевиков внутри России не пошатнулось – во многом благодаря заслугам Троцкого.

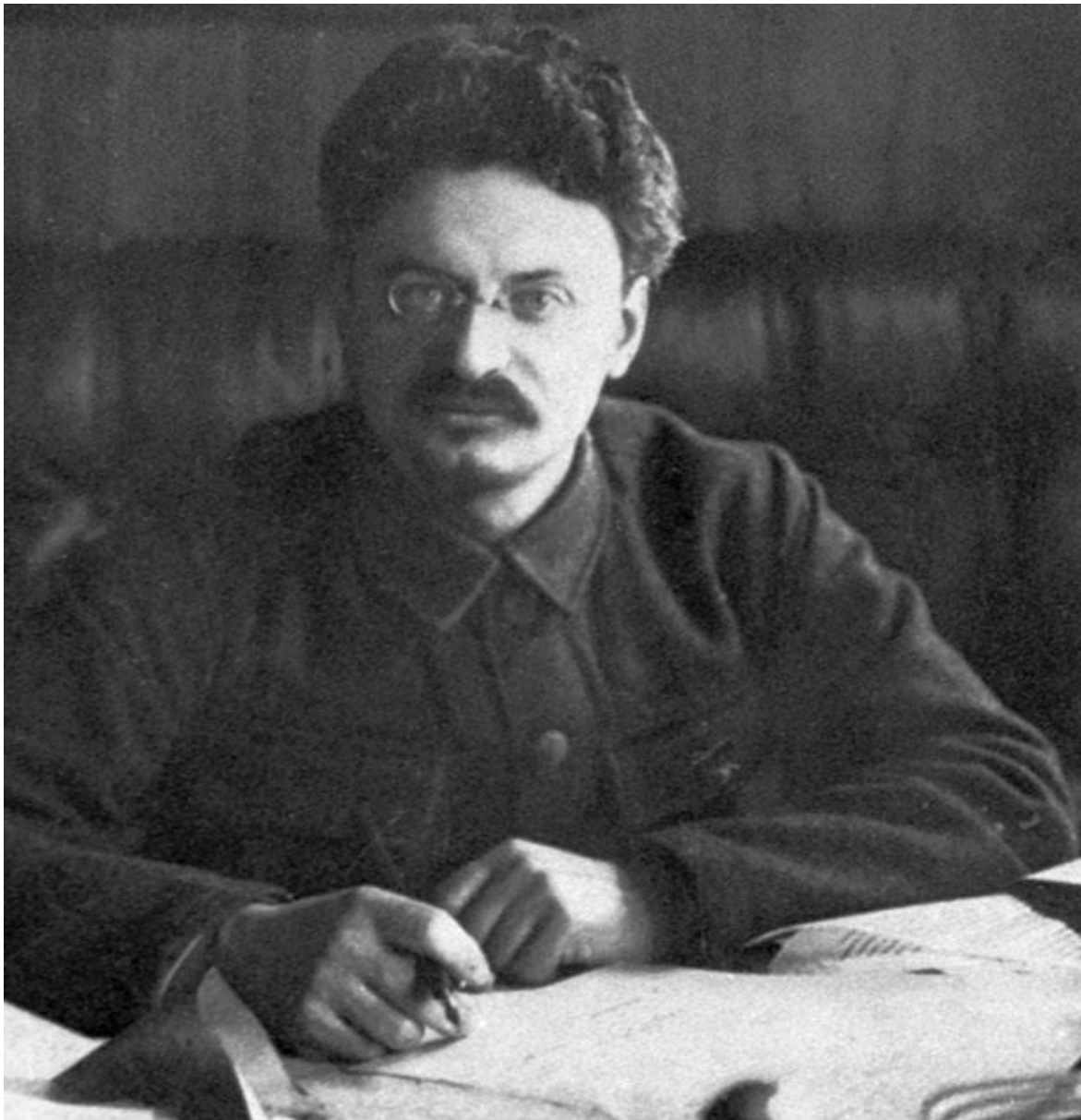
У него была тогда воистину необъятная власть. Сначала старые члены партии относились к нему настороженно, потом начали завидовать, а закончилось все это, мягко говоря, недолюбливанием Троцкого. Успешным всегда завидуют. Эту человеческую черту даже большевики всеми своими многочисленными декретами упразднить не смогли. Скорее напротив, они ее в какой-то степени культивировали – что Зиновьев, что Сталин, что Ворошилов. Каждый из них вступил с создателем Красной армии в жесткую конфронтацию в годы Гражданской войны. Тогда одолеть Троцкого у них не получилось. Время еще не наступило.

Наполеон однажды заметил, что в его отсутствие творятся одни глупости. Гитлер, руководя армией, проводил бесконечные пустопорожние совещания. Сталин любил в задумчивости слушать своих соратников. Всем им, с точки зрения управления вооруженными силами, было далеко до Троцкого.

Тот выстроил уникальную систему. Такого не было ни до, ни после него. На два с половиной года он поселился в вагоне, без усталости разъезжая по фронтам Гражданской войны. Легендарный «поезд председателя Реввоенсовета республики» отправился в путь в ночь с 7 на 8 августа 1918 года и совершил 36 рейсов протяженностью 106 тысяч километров. «На хозяйстве» в Москве все это время оставался заместитель Троцкого Эфраим Склянский, которого сам создатель Красной армии называл «превосходной человеческой машиной, работавшей без отказов и перебоев». Иначе и быть не могло. Нарком много требовал от других, но еще больше спрашивал с себя. Это вам не сибариты эпохи Временного правительства. Тут не люди, а действительно машины, неизменно приносящие результат.

Троцкий был педантом, и поэтому организация поезда была продумана в мельчайших деталях. Ничто не укрывалось от пристального взора «демона революции». Он не допускал ошибок. Он их предвидел и избегал. Вместе с ним по фронтам мотались более 200 сотрудников, в том числе 30 латышских стрелков для охраны и 37 агитаторов. Имелся даже собственный революционный трибунал – для тех, кто не способен был

понять и принять правила новой жизни. Или вздумывал заняться «партизанщиной».

Л. Д. Троцкий.

Подлинный создатель Рабоче-крестьянской армии

Его боялись и свои, и чужие. Троцкий был начисто лишен сантиментов. Например, перед выездом в Свияжск он издал показательный приказ: *«Врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет. В поезде Народного Комиссара по военным делам заседает Военно-Революционный Трибунал, который*

снабжен неограниченными полномочиями по отношению к полосе железной дороги, объявленной на военном положении. Со своими нерадивыми и преступными слугами Советская Республика будет расправляться не менее сурово, чем со своими врагами». И если находился кто-то сомневающийся в решительности Троцкого, он очень быстро жалел о своей ошибке. Если, конечно, оставался к тому моменту в живых.

У Троцкого был не только кнут в виде расстрелов, но и вагон пряников. В прямом смысле этого слова. Целый вагон занимали 180 пудов шоколадных конфет, которыми поощрялись наиболее отличившиеся в боях. Это не считая бесчисленных портсигаров, часов, портмоне и прочих красных революционных шаровар. Иногда подарки заканчивались. Были случаи, когда Троцкий отдавал героям Красной армии свои собственные часы и личное оружие. Он умел произвести на людей нужное впечатление. В 1919 году на митинге в Киеве он неожиданно для всех выдал: «Не смеет враг топтать землю матушки-Руси». Подобная лексика привычно звучала из уст, скажем, Деникина. Но от председателя Реввоенсовета республики слышать такое было удивительно. Это был мастер экспромтов и политик с большой буквы. Именно этим объясняется решение Троцкого привлечь к строительству армии бывших царских офицеров.

Э. М. Склянский.

Заместитель Троцкого в Революционном совете республики, один из творцов победы красных в Гражданской войне

Мятеж чехословацкого корпуса не оставил большевикам выбора. Ленин и Троцкий хорошо понимали, что без профессиональных вооруженных сил не то что мировую революцию не устроишь, но и власть в России потеряешь. Причем очень быстро. Именно поэтому большевики приняли решение начать создавать армию по всем правилам – от введения единоначалия до мобилизации. Немногие сегодня знают о том, что это противоречит программным установкам самого Ленина. Он еще в 1917 году в классической работе «Государство и революция» обосновал

необходимость замены постоянной армии на всеобщее вооружение народа. Не стоит забывать и демографический фактор. В России тогда большинство составляли крестьяне, которые по ленинской же оценке являлись «мелкой буржуазией». Но настоящий политик тем и отличается от дилетантов, что способен осознать и начать исправлять собственные ошибки.

Очень быстро Ленин с Троцким пришли к пониманию того, что без профессионалов армию не построишь. Слесарь с 10 годами стажа подпольной революционной борьбы может быть прекрасным агитатором широких масс, но успешно разрабатывать и, главное, осуществлять военные операции он не сумеет. Для этого нужны выпускники Академии генерального штаба. Понятно, что на 90 % это отъявленная «контра», но других нет и в среднесрочной перспективе не предвидится. Поэтому придется иметь дело с «золотопогонниками». Их вполне достаточно, можно выбирать самых покладистых. Желательно, ориентируясь на социально близкое происхождение, то есть из крестьян. В годы Первой мировой многие выходцы из сельской бедноты стали так называемыми офицерами военного времени.

Троцкий берется за дело. Провозглашает привлечение офицерского корпуса бывшей Русской императорской армии в РККА. Стремительный поворот на 180 градусов, поскольку до этого тех самых офицеров преследовали и уничтожали как бешеных собак. В лучшем для них случае их бросали в подвалы многочисленных «чрезвычайек», где они находились на положении заложников. Убьют где-нибудь видного революционера – большевики в отместку расстреляют десяток офицеров. Им не важно, что лично эти полковники и штабс-капитаны никакого отношения к террору не имели. Просто происхождением не вышли.

Председатель Реввоенсовета устанавливает новые правила игры в условиях диктатуры пролетариата.

В конце июля 1918 года вводится принудительная регистрация бывших офицеров и военных чиновников. Возрастной ценз строгий – от 21 до 26 лет.

Троцкий пишет программную статью «Офицерский вопрос», которую публикует газета «Известия». В дальнейшем последует особый декрет, в котором будет объявлено о взятии в заложники членов семей «военспецов». Чтобы дурных мыслей у тех не возникало.

Согласимся, методы чудовищные. Нам, живущим в XXI веке, это кажется дикостью. Но в ту эпоху иначе было нельзя. Временное

правительство, а затем и большевики демонтировали институт вооруженных сил в стране. И тут неожиданно выясняется, что без офицеров никак нельзя. Досадно. Значит, нужно с большевистским темпом и задором решать проблему. Идти наикратчайшим путем, невзирая на возможные сложности и не учитывая возможной негативной реакции сторонников. Логика революционной борьбы диктует свои правила. Ленин и Троцкий это прекрасно понимали.

В октябре 1918 года председатель Реввоенсовета республики пишет докладную записку главе советского правительства. В ней впервые звучит ключевой тезис в истории создания рабоче-крестьянской армии: освободить из тюрьмы тех офицеров, против которых не выдвинуты серьезные обвинения, при условии, что они будут верой и правдой служить в РККА. Кроме этого, со всех будет взята подписка, что в случае перехода на сторону контрреволюции их семьи будут арестованы. Что с этими семьями будет в дальнейшем, объяснять не стоит. Троцкий был начисто лишен сантиментов еще в мирное время, а в эпоху Гражданской войны и подавно.

Предложение Льва Давидовича одобряется на заседании ЦК. Единственное условие – чтобы освобождаемые из тюрьмы офицеры не были замечены до этого в контрреволюционной деятельности. Но и на это во многом смотрели сквозь пальцы. Ибо, согласно доктрине классовой борьбы, обладатель золотых погон сам по себе – уже отъявленная контра, с которой разговор должен быть коротким: «в штаб Духонина», иначе говоря – поставить к стенке без промедления. Но тяжелейшая эпоха диктует свои условия. И с таким явным волюнтаризмом приходится мириться.

Потом, уже в эпоху Сталина, начнут активно переписывать историю. И договорятся даже до того, что все лидеры первого государства рабочих и крестьян были против вредного предложения Троцкого. Но «демон революции» сумел каким-то образом пролоббировать свою инициативу. Это абсолютный вздор. Во-первых, инициативу председателя Реввоенсовета поддержал лично товарищ Ленин. Про какого-то командующего Восточным фронтом Вацетиса в этой связи даже вспоминать стыдно. А во-вторых, действия Троцкого по созданию Красной армии одобрил еще в июле 1918 года V Съезд Советов. Сомневающимся в этом рекомендую ознакомиться со стенограммой заседания.

Я уже вижу, как в этом месте оживится иной мой либеральный читатель. Как же, о таком тяжелом преступлении ленинского правительства рассказал. Не забудем, не простим. К подобным ритуальным стенаниям я уже привык. Выслушиваю спокойно. Только очки поправляю, прежде чем

начинать заниматься неблагодарным делом: объяснять детали. Дело в том, что это упоминаемое каждым рукопожатным либералом взятие в заложники членов семей «военспецов» носило лишь характер угрозы, которая массово не применялась. Троцкий своим приказом в сентябре 1918 года возложил проведение арестов родственников перебежчиков на члена Реввоенсовета Аралова. А тот сам – бывший штабс-капитан. Выходит, учетом и контролем бывших офицеров Русской императорской армии на службе в РККА занимались точно такие же бывшие офицеры. Аралов, по вполне понятным причинам, служебного рвения в этом тяжелом вопросе не проявил. Закончилось манкирование прямыми обязанностями соответствующим образом. В конце декабря Троцкий отбивает телеграмму в Реввоенсовет республики: *«Произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо».*

А что же Аралов? Был ли он расстрелян в тот же день за халатность? Или, может быть, его отправили на каторгу, памятуя заслуги перед революцией? Все же член РСДРП с дореволюционных времен. Нет, к стенке Семена Ивановича встать не попросили. И не сменил он китель на лагерный бушлат. А напротив, прожил долгую жизнь уважаемым человеком. Был, в частности, награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Эти факты немного подмывают стройную теорию либеральных мыслителей, но они привычно их игнорируют. Так им проще жить.

Но вернемся к нашей истории. В декабре 1918 года Совнарком издает декрет о мобилизации бывших царских офицеров и унтер-офицеров. Приведу немного цифр, чтобы картина была максимально понятной. Итак, за первый месяц мобилизации ряды Рабоче-крестьянской красной армии пополнили свыше четырех тысяч офицеров и более семи тысяч унтер-офицеров. Для сравнения: за этот же срок курсы «красных командиров» успешно подготовили чуть более 1300 человек. Результаты подобного подхода большевиков к формированию своей армии не замедлили сказаться. Можно долго спорить о качествах привлеченных военспецов, но факт остается фактом: в РККА было достаточно и бывших генералов Русской императорской армии, и бывших офицеров Генерального штаба.

Кстати, о последних. Уже сколько лет не умолкает спор: чью же все-таки сторону они приняли в Гражданской войне? Статьи пестрят цифрами,

каждый автор упорно доказывает именно свою правоту. Наблюдать за этим очень любопытно. Но не более того. По причине того, что спорщики оперируют странными данными. Мне даже доводилось читать, что в РККА было чуть ли не 1700 выпускников Академии Генерального штаба. Одно это уже свидетельствует о страшной безграмотности утверждающего. Потому что для начала ему неплохо было бы выяснить, а сколько их всего было, этих выпускников. Помогать в этом простейшем действии я принципиально не буду. Лишь подскажу, что стоит открыть монографию доктора исторических наук Андрея Ганина как раз по этой теме. А дальше следовать совету булгаковского героя: «Вы, Шариков, должны молчать и слушать».

Мы же с вами доверять голословным утверждениям не станем и подсчитаем сами. Простая арифметика, как в младшей школе. Начнем с белых армий. Больше всего офицеров было, разумеется, у Деникина на Юге России – 467 человек. Еще 113 офицеров Генштаба и 178 выпускников ускоренных курсов Академии числилось у Верховного правителя России адмирала Колчака. У генерала Миллера мы обнаружим еще 22 генштабиста, и 26 – у генерала Юденича. Складываем вместе – получается, что 806 офицеров Генерального штаба было на стороне белых. А сколько же у красных? Летом 1919 года в РККА числилось 505 «лиц Генштаба», а на момент окончания Гражданской войны таковых уже было лишь 458. Немного, согласимся. Но этого оказалось вполне достаточно для победы в Гражданской войне.

А я, между тем, в очередной раз огорчу либеральных мыслителей. Мысль о том, что «служить большевикам никто не желал», может успешно внушаться только неокрепшим умам.

В рядах Рабоче-крестьянской красной армии, той самой, которая, как мы помним, от тайги до британских морей всех сильней, оказались даже два бывших военных министра Российской империи (Поливанов и Шуваев) и бывший военный министр Временного правительства (Верховский).

Это лишний раз показывает гибкость и беспринципность большевиков. Будь они слепыми рабами собственных идеологических установок, ничего подобного не могло бы произойти. И даже нечастые проколы, когда военспецы перебежали на сторону белых (например, генералы Архангельский и Стогов), не заставили их пересмотреть стратегию развития армии. Троцкий в своих воспоминаниях приводит

характерный пример: «Во время наших неудач, когда Колчак приближался к Волге, Ленин на заседании Совнаркома написал мне записочку: “А не прогнать нам всех спецов поголовно и не назначить ли Лашевича главнокомандующим?” Лашевич был старый большевик, выслужившийся на “немецкой” войне в унтер-офицеры. Я ответил на том же клочке: “Детские игрушки”. Ленин поглядел на меня лукаво исподлобья, с особенно выразительной гримасой, которая означала примерно: “Очень вы уж строго со мной обращаетесь”».

Казалось бы, все хорошо, живи и радуйся. Армия создана вполне серьезная, враги ее уважают. Вот только в среде профессиональных революционеров все больше становилось недовольных. Рабоче-крестьянская армия стремительно начинала им напоминать русскую императорскую армию. Вместо офицеров – военспецы, но картину это не сильно меняло. В январе 1919 года ввели знаки отличия в виде ромбов и квадратов. Это, конечно, не золотые погоны, но лежат в той же плоскости. Потом появляется единая форма одежды, в которой выделяется та самая буденовка – еще одно красноречивое наследие старой армии. Но все это меркло по сравнению с главным: в РККА восстановили традиционные воинские приветствия и даже учредили орден Красного Знамени.

*Орден Красного Знамени.
Первая награда молодой Советской республики*

Посмотрите на него внимательно. Уверен, у вас сейчас возникнут вопросы. Почему дважды изображали молот и к чему там плуг? Дело в том, что в момент создания главной награды молодой Советской республики у нее еще не было своей официальной символики. Изначально планировалось, что эмблемой первого государства рабочих и крестьян станут перекрещенные винтовка, молот и плуг. Именно эти элементы легли в основу ордена. И все было бы хорошо, но пока одобряли проект первой советской награды, у страны появилась символика – знакомые всему миру серп и молот. Но заказ на ордена уже отдали на Монетный двор. Что делать? Правильно: внести косметические изменения в уже утвержденный дизайн. Поэтому сверху на звезде появилось изображение серпа и молота. Таким образом, орден Красного Знамени служит наглядным пособием по

эволюции советской геральдики.

Большевики, учредив эту награду, стали первыми награждать за участие в братоубийственной войне. До этого на Юге России у Деникина существовали знак за Кубанский поход и медаль в память похода «Яссы-Дон» отряда полковника Дроздовского. Награждали ими всех участников, независимо от заслуг.

Ленин сотоварищи пошли дальше. Уже недостаточно было награждать золотыми часами и портсигарами, перстнями и кольцами, изъятыми у буржуазного элемента. Республике требовались свои награды. И вручалась она только самым заслуженным товарищам.

Знак за Кубанский поход.

Меч в терновом венце станет символом Белого движения

Если у белых номерники знака за Кубанский поход и «Яссы-Дон» никогда не редактировались, то про список первых кавалеров ордена Красного Знамени этого не скажешь. Напротив, с самого начала он неустанно корректировался, попадая в прямую зависимость от политической конъюнктуры текущего момента. Взять, к примеру, первого кавалера ордена маршала Блюхера. Он был награжден еще в сентябре 1918 года, хотя сам орден получил только в мае 1919. Троцкий был недоволен первыми орденами, поэтому их пришлось переделывать. Блюхер не роптал. Знак за номером 1 стоил того, чтобы подождать. И даже когда Блюхера потом арестуют в 1938 году за участие в «заговоре военных», из истории его имя уже вымарать не получилось. Слишком много фотографий и документов сохранилось по историческому награждению.

Однако этого нельзя сказать про других первых кавалеров ордена Красного Знамени. Взять хотя бы награжденного третьим по счету некоего Кузьмича. Вы знаете, кто это? Убежден, что нет. О нем сегодня редко вспоминают. Это непопулярный герой первых лет советской власти. Кузьмич – партийная кличка командарма Второй конной армии Филиппа Миронова. Сегодня его фамилия ничего не говорит рядовому россиянину. На то есть объективные причины. Мы привыкли оценивать историю с точки зрения абсолютной мифологии. Именно поэтому события Гражданской войны в России давно уже превратились в сказочный эпос, где на золотом крыльце под портретом Ленина сидят усатый Чапаев вместе с пулеметчицей Анкой.

Произошло это не вдруг и не сразу. Начало было положено в 1929 году, когда Ворошилов сочинил книгу «Сталин и Красная армия». Именно с этих страниц впервые и прозвучал сталинский план разгрома войск Вооруженных сил Юга России генерала Деникина. Я даже процитирую наиболее показательный фрагмент: *«В гражданской войне товарищ Сталин в разнообразных и сложнейших условиях, обладая огромным талантом революционного стратега, всегда верно определял основные направления главного удара и, искусно применяя соответствующие обстановке тактические приемы, добивался желательных результатов»*. И не беда, что ни одним из этих качеств вождь на практике не обладал. Главное – громко и уверенно заявить.

Спустя год появился фундаментальный трехтомник «Гражданская война 1918–1921 гг.» В этой книге деятельность Троцкого и еще ряда фактических создателей армии молодой Советской республики подавалась как главная причина всех неудач и поражений РККА. После этого, что называется, трубы прорвало. Каждый следующий руководитель

государства обязан был быть выдающимся полководцем. Поэтому и удивлялся весь мир, читая, как маршал Жуков всю войну мечтал посоветоваться с политруком Брежневым, а маршал Буденный с упоением писал: *«Но особую роль в успешных действиях стрелковых частей и подразделений играли командиры и комиссары полков и батальонов. В числе этих самоотверженных воинов революции был и комиссар 2-го батальона 74-го стрелкового полка 9-й дивизии Никита Сергеевич Хрущев».*

Результаты сказались незамедлительно. Уже к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции реальная история тех событий была столько раз переписана, что на вершине революционного олимпа кроме самого Ленина с превеликим трудом можно было разглядеть разве что Буденного, Ворошилова, Фрунзе и Щорса. При этом стояли они скромно в сторонке, не заслоняя собой исполинский монумент вождю. Остальных попросту забыли. Кого раньше, кого позже, но результат для красных командиров был один и тот же.

Первым в этом ряду можно назвать Филиппа Козьмича Миронова. Кадровый военный. Окончил Новочеркасское юнкерское казачье училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, командир казачьего полка. Добровольно вступил в Красную армию в январе 1918 года – еще до того, как Добровольческая армия Корнилова пошла в свой знаменитый Ледяной поход. В сентябре 1919 года командир корпуса Миронов приговорен к расстрелу. Нет, он не попал в плен к белым. Приговорили по приказу Буденного. Такие уж нравы были у красных командиров. Справедливости ради стоит сказать, что Миронов был не совсем обычным коммунистом. Слишком много вольностей себе позволял, регулярно отклонялся от генеральной линии партии. Взять хотя бы религиозный вопрос. Ленин четко обозначил позицию большевиков: религия – опиум для народа. Миронов же считал иначе: *«Граждане казаки! Мы все – социалисты, но лишь не понимаем этого, не хотим по упорству понять; разве Христос, учение которого мы исповедуем, не думал о счастье человечества? Не за это ли счастье он умер на кресте?»*

Но тогда с расстрелом решили не торопиться: Миронов был нужен. Он оправдал высокое доверие партии. Именно Филипп Козьмич сыграл решающую роль в разгроме русской армии барона Врангеля. Его войска уничтожили кавалерию генерала Бабиева под Никополем 12 октября 1920 года и форсировали Сиваш в ноябре.

А дальше едва ли не впервые была опробована система, которая с блеском будет применяться во время сталинских репрессий. Обнаружили и

умело разоблачили «заговор Миронова». Раскрыла вражеские козни Донская чрезвычайная комиссия, а потом дело затребовала Москва. 28 марта 1921 года следователи Особого отдела ВЧК составили обвинительное заключение. В документе отмечалось, что Миронов готовит заговор среди казацкого населения. Суд, однако, не состоялся. Ни к чему он был. Президиум ВЧК 2 апреля обошелся без всяких глупых формальностей и приговорил Миронова к расстрелу. С этим делом на Лубянке тогда не тянули, поэтому бывший командарм в тот же день был ликвидирован. После этого имя Миронова из списка награжденных исчезло, и под номером три в нем появляется товарищ Сталин – за оборону Царицына. А под номером четыре в том самом списке изначально фигурировал Нестор Махно. И так же, как Миронов, недолго.

Разбирать историю ордена Красного Знамени можно очень долго – тема неисчерпаемая. Но нас она интересует лишь в контексте превращения РККА в профессиональную армию, что было неприемлемо на том этапе для многих пламенных революционеров. Этого они принять и понять не могли, а посему недовольство деятельностью Троцкого на посту руководителя вооруженных сил республики только усиливалось. Например, член Реввоенсовета Данишевский обвинял своего непосредственного начальника в том, что он создает путаницу. Потому что зачастую Лев Давидович не считал важным ставить в известность о своих решениях всех заинтересованных лиц. Управление всей армией из поезда было не совсем правильным. Сам же Троцкий в своих воспоминаниях объяснил логику своих поступков: *«Мы вынуждены были, особенно в первый период, заменять систему импровизациями, чтобы на них можно было в дальнейшем опереть систему. Появление поезда включало самую оторванную часть в круг всей армии, в жизнь страны и всего мира. Тревожные слухи и сомнения рассеивались, настроение крепло».*

Троцкий вел себя на посту председателя Реввоенсовета республики весьма своеобразно. Отношения со многими подчиненными у него категорически не сложились. Наиболее характерная история произошла с легендарными латышскими стрелками. Им не нравилось назначение Троцкого наркомом, и на самом первом параде РККА 1 мая 1918 года они потребовали, чтобы парад принимал лично Ленин. Увидев же Льва Давидовича, латыши, выполняя приказ своего командира Вацетиса, демонстративно ушли. Такие нравы тогда были в Красной армии.

Еще более дерзко вели себя Сталин и Ворошилов во время легендарной обороны Царицына. Им Троцкий был тем более не указ. Коба и Клим предпочитали по всем важным вопросам обращаться напрямую к

Ленину. Причиной такого поведения было желание Троцкого назначить командующим фронтом бывшего генерал-майора Русской императорской армии Сытина. Сталин нутром чуял, что такой отпетой контре доверять нельзя в принципе. Ворошилов с ним, как всегда, был полностью солидарен. Но закончилась та история не в их пользу.

Троцкий пользовался безусловным доверием Ленина, что бы ни утверждали потом в 30-е годы. Когда, устав бороться с внутренней оппозицией, Троцкий подал заявление об уходе с поста председателя Реввоенсовета, Народного комиссара по военным делам и члена Политбюро, в ЦК была фактически паника. Лидер большевиков лично отказал Льву Давидовичу в отставке. Больше того, Ленин пошел на беспрецедентный шаг: Троцкий получил подписанный Председателем Совнаркома чистый бланк. На нем одна-единственная фраза: *«Зная строгий характер распоряжений товарища Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого товарища Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело»*. Против этого Сталин был уже бессилён, но его злоба на председателя Реввоенсовета республики стала поистине необъятной.

Это, кстати, один из выученных Иосифом Виссарионовичем уроков. В годы Великой Отечественной подобный демарш был исключен в принципе. Да и до нее, если говорить откровенно. Вспомним хотя бы историю с героем Гражданской войны комкором Шмидтом. Полный Георгиевский кавалер, награжденный орденом Красного Знамени, он был ранен в боях девять раз. Характер сей суровый воин имел соответствующий. Исключение Троцкого из партии в 1927 году привело его к закономерному бешенству. Приехал на съезд, отыскал Сталина и с жестом, словно доставая из ножен саблю, бросил: «Смотри, Коба, уши отрежу!»

В этом не было ровным счетом никакой рисовки или исключения из правил. Так вели себя многие герои Гражданской войны – что Тухачевский, что Примаков, что Блюхер... Представьте себя на минуту Сталиным. Застегните пиджак на все пуговицы и неспешно пройдитесь по комнате. В задумчивости разглядывайте ровные шеренги книг ленинского творческого наследия. И ответьте себе на вопрос: если военные так позволяют себя вести в мирное время, то как они поведут себя в условиях войны? И не гражданской, где всегда у красных было значительное численное превосходство, а мировой!

Позвольте, скажет мне иной читатель, но ведь это все герои Гражданской войны. Они крушили Деникина и Врангеля, Колчака и

Юденича, не имея военного образования. Самородки. Их храбрость и талант очевидны. А то, что поведение своеобразное, – так психика за годы войны расшаталась. Со всеми этими пунктами я не спорю. Но обращаю внимание читателя на нюансы. Вы искренне убеждены, что условный комкор Шмидт крушил войска Деникина в одиночку? Вонзал свой орлиный взор в карту, моментально правильно оценивал оперативную обстановку, предугадывал грядущие маневры противника и отдавал единственно верные указания? А я позволю себе усомниться в этом. И задам простой вопрос: а кто у гения числился начальником штаба? На тот момент Шмидт в академии еще не учился и специальных знаний не имел. Да, храбрость у него была поистине былинная. В ноябре 1919 года он 13 раз лично поднимал своих бойцов в атаку, пока не был тяжело ранен в грудь. Но между проявлением мужества и планированием военных операций существует разница.

В этом и заключается суть вопроса: все герои Гражданской войны, старательно выпестованные советским агитпропом, могли блестяще зажигать сердца бойцов, нестись впереди них в атаку и, будучи даже сраженными вражеской пулей, не покидать поле боя. Стальные характеры. Но победу красным принесли не они. Чапаев, Щорс, Якир, Котовский и десятки других кумиров пионеров и комсомольцев хороши были только для большевистской пропаганды с ее доктриной классово-борьбы. Но сокрушили Деникина и Колчака совсем другие люди.

В годы Гражданской войны командовали красными фронтами 20 человек. 17 из них были кадровыми офицерами. Должность начальника штаба фронта занимали 25 человек, из них 22 офицера Генерального штаба и 3 полковника Русской Императорской армии. Командовали армиями в РККА 100 человек, из них 82 – те самые военспецы. Начальниками штабов в этих армиях побывали 93 человека, из них 77 – кадровые офицеры, в том числе 49 из Генерального штаба. Эту игру в цифирь, как называл статистику товарищ Сталин, можно продолжать, но суть, я полагаю, вы уже поняли.

Без этих людей никакой победы в Гражданской войне у большевиков не было бы по определению. А вот потом надобность в них отпала. Их массово увольняли, ссылаясь на сокращение армии. Многие перешли на преподавательскую работу, но влияния ни на что уже не имели. Идеологическая машина фактически вычеркнула их из истории. Мало кто сегодня вспоминает их фамилии. Если же это все-таки происходит, то исключительно в привязке к репрессиям 30-х годов. Да-да, та самая формулировка: «Сталин истребил весь цвет Красной армии». Но даже тут

те самые военспецы незаслуженно забыты, потому что общественное обсуждение дальше Примакова, Якира, Уборевича, Тухачевского, Гамарника и Путны никогда не заходило. Даже если речь шла о действительно всенародных героях.

Едва ли найдется среди вас человек, который не смотрел «Адъютант его превосходительства». Герой этого фильма действительно существовал. Вот только все остальное в фильме – вымысел, чрезвычайно далекий от подлинной истории.

Павла Макарова на подпольную работу к белым никто не засылал. Он попал в плен к дроздовцам. Повысил себя в звании до штабс-капитана, хотя в годы Первой мировой был всего лишь прапорщиком. Его зачислили в Добровольческую армию, хотя своим поведением он должен был вызвать закономерный интерес у контрразведки. Дело в том, что Макаров писал с диким количеством грамматических ошибок, что для русского офицера было, мягко говоря, нехарактерно.

Но новоявленному штабс-капитану повезло. Он сумел втереться в доверие к командующему Добровольческой армии Май-Маевскому. Больше того – стать его адъютантом. Новой должностью он воспользовался сполна. Он имел влияние на генерала, Причина этого кроется не в его работоспособности, а в умении доставать спиртное. Собственно, сам Май-Маевский к своему адъютанту относился скорее как к денщику, а не как к боевому офицеру. Серьезных дел Макарову не поручали, и поэтому он занимался исключительно спаиванием героя Первой мировой.

*Генерал В. З. Май-Маевский и штабс-капитан П. В. Макаров.
Те самые Его превосходительство и его адъютант*

Фильм переполнен подробностями подпольной работы адъютанта его превосходительства. Тут вам и донесения в штаб красных о дислокации войск, и уничтоженное подполье белых в Киеве, и крушение поезда с английскими танками. Ничего этого в действительности не было. О многочисленных связях Макарова с подпольем известно только из его собственных воспоминаний. В них, например, содержится любопытный эпизод. Мнимый штабс-капитан пытался сообщить Красной армии о своем внедрении в осиное гнездо русской контрреволюции, но получили ли там это известие и какое приняли решение – он не знал. Такой вот уникальный разведчик.

Сотрудники ВЧК. Многие из них в 30-е годы станут жертвами политических репрессий

А дальнейшая его история совсем уж не похожа на красивый киносюжет. В конце 20-х годов создается специальная комиссия для проверки участвовавших в Гражданской войне бывших красноармейцев, подпольщиков и красных партизан. Попал в ее поле зрения и Макаров, тем паче что он чувствовал себя обделенным всенародной славой и написал уже упомянутые мной мемуары. Знал бы он заранее, чем это закончится – предпочел бы обойтись без воспоминаний. Книга та закономерно вызвала множество разоблачительных писем от бывших подпольщиков. В результате в 1929 году после тщательной проверки всех фактов Макарова лишили персональной пенсии. Повезло еще, что не расстреляли. Времена тогда еще были относительно вегетарианские.

Его судьба характерна для этой эпохи. Мавр сделал свое дело – мавр может уходить. Бывшие офицеры Русской Императорской армии помогли красным одержать победу в Гражданской войне. В дальнейшем, в том числе в силу буржуазного происхождения, им уже не было места в первом в мире

государстве рабочих и крестьян. И если бы даже Троцкий сохранил свое влияние, в их судьбе едва ли что-то поменялось бы. Для радикальных преобразований в России большевикам требовались не образованные люди, а просто-напросто сволочь, как сказал бы известный публицист русского зарубежья Иван Солоневич.

Это слово употребляется мной не в виде ругательства, а как определение явления. Если угодно, популярный в то время термин. Он активно использовался лидерами большевиков. Можно вспомнить, например, Ленина с его «интеллигентская сволочь часто паскудничает». Или даже самого Сталина, который прошелся по «бундовской сволочи». Так вот, в 20-е годы всемогущему партийному аппарату требовалось подобрать послушных марионеток. Люди мало-мальски интеллигентные для этой цели не годились. Требовались такие, как, например, Кутепов. Он был облечен властью – руководил авиационной «шарашкой». Среди ученых он был известен под прозвищем «трехтактовый». Получил он его при следующих обстоятельствах. Туполев как-то заявил ему, что от двухтактового двигателя нужно переходить к четырехтактовому. И в ответ услышал, что это слишком резкий переход, и для начала нужно перейти к трехтактовому.

Военспецы, имевшие наглость в годы Гражданской войны спорить с комиссарами и иметь на все свою точку зрения, в таких реалиях были обречены. Новое время требовало новых героев. Они незамедлительно появились и рьяно взялись за насаждение новых пролетарских принципов. Но об этом мы с вами еще успеем поговорить в дальнейшем.

Легенды чрезвычайных комиссий

Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК – неумение поставить вопрос в большом масштабе.

Ленин

Это одна из самых обсуждаемых тем за последние лет тридцать. Минимум раз в неделю я наблюдаю срывы покровов с истории страны в прошлом веке. Вот как выглядит это на практике. Выступает какой-нибудь либеральный публицист. Даже не так: орет истерично, тыча вам в лицо пальцем. Вспомните, требует он, хотя бы Василия Михайловича Блохина. Он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и всегда личным примером показывал, как нужно защищать Родину от врагов. Коммунистическая партия высоко оценила его мужество и героизм. Блохина наградили еще шестью орденами (в том числе орденом Ленина) и удостоили звания генерал-майора. На фронте он, правда, не был. В швейной мастерской административно-хозяйственного управления НКВД СССР Василию Михайловичу сшили по его заказу длинный, до самого пола, широкий кожаный фартук, кожаный картуз и кожаные перчатки с раструбами. Чтобы не забрызгивать кровью расстрелянную одежду. Приводил приговор в исполнение Блохин исключительно из нагана, который не давал осечек.

Его боевыми товарищами были члены ВКП(б) Петр Магго (в характеристике отмечалось: «К работе относится серьезно» (куда уж серьезнее, он лично расстрелял около 10 000 человек), Иван и Василий Шигалевы (награждены четырьмя орденами, в том числе орденом Ленина и знаком «Почетный чекист»), Леонид Баштаков (в числе его героических свершений – Катинский лес, за что он был награжден орденом Красного Знамени), Петр Яковлев (в характеристике сказано: «К работе относится хорошо. За дело болеет. Обладает большой работоспособностью и достаточной долей энергии»), Борис Родос...

Вам уже страшно и неприятно? Еще бы, какие мерзавцы! А пока вы соображаете, можно ли на это хоть что-то внятное возразить, ваш либеральный оппонент продолжает срывать покровы. И так, ВЧК тогда, как, впрочем, и сейчас ее правопреемница ФСБ, располагалась на Лубянке. Слово это у определенного кластера в современном российском социуме

имеет ярко выраженную негативную окраску. Безусловно, ни одна страна не может обойтись без органов государственной безопасности. Но именно со словом «Лубянка» связаны печальные воспоминания нашего не столь уж далекого прошлого. Только за 14 месяцев при Ежове было репрессировано свыше 1 миллиона 800 тысяч граждан страны. Треть из них была расстреляна. А значит, резюмирует либерал, нужно переименовать район в центре Москвы. Занавес. Все расходятся.

А мы на выход торопиться не станем. Задержимся. И зададим скромно один вопрос: вот спрашивается, с чего нужно переименовывать? Корни этого названия восходят к концу XV века. Во время формирования государства Российского был присоединен Великий Новгород. Часть горожан, отличавшихся особо строптивым нравом, Иван III переселил в другие города, в том числе и в Москву. И вот в память о своем родном городе переселенцы стали так называть и этот район (в Новгороде была улица под названием Лубянка).

Но отторжение вызывает не только название. Само здание ВЧК (а в настоящее время – ФСБ) тоже не вызывает восторга у определенной категории сограждан. Они предлагают снести это здание, а для контрразведчиков построить новый дом, в одном из спальных районов. То есть взять пример с Германии. Печально знаменитое здание гестапо на Принц-Альберт-штрассе разрушено, а его руины служат вечным напоминанием потомкам об ужасах нацизма. И если Служба внешней разведки располагается на юге города, то ФСБ может совершенно свободно расквартироваться на востоке. Или на западе. Или на севере.

Юбилейный знак ВЧК.

Им награждали лучших чекистов

Не будем мелочными, не станем указывать на странность сравнения ВЧК с тайной гитлеровской полицией. Перейдем сразу к главному. Страшного в переезде действительно ничего не будет. Но только этот дом является памятником истории. Не только кровавого XX столетия, но и более спокойного XIX века. «Дом ужаса», как называли его потом представители определенных слоев советского общества, начали строить еще в 1897 году. И сначала он никак не был связан с разведкой или контрразведкой. Это был очень престижный доходный дом. Весь первый этаж сдавали в аренду. К примеру, именно тут находился знаменитый на всю Москву книжный магазин Наумова. На третьем этаже располагались квартиры. Постоялец платил за девять комнат более 4 тысяч рублей в год. По тем временам – сумма немалая. В любом другом районе города квартиру можно было снять минимум втрое дешевле. А самое главное, в этом здании располагалось страховое общество «Россия». Отсюда и пошла известная советская поговорка: «Где находится сейчас “Госстрах”, я не знаю, а вот где “Госужас” – подскажу».

Нужно учитывать и тот факт, что ВЧК не сразу въехала в этот дом. Сначала ведомство Дзержинского располагалось в доме № 11 на все той же Лубянке.

Только в декабре 1918 года, когда декретом ленинского правительства в стране были ликвидированы все страховые компании (в том числе и «Россия»), помещение и все недвижимое имущество было передано государственным учреждениям. Изначально в дом № 2 въехал Московский совет профсоюзов. Но по какой-то причине его сотрудникам там не понравилось. На смену им и пришел Народный комиссариат внутренних дел. Начали чекисты с того, что выселили из дома всех жильцов, чтобы не мешали суровой борьбе с контрреволюцией. Только в сентябре 1919 года в доме стал работать Особый отдел Московской ЧК, а потом и весь центральный аппарат Всероссийской чрезвычайной комиссии.

К тому же, как известно, ломать – не строить. Но органам ВЧК принадлежало не только здание по адресу «Лубянка, дом 2». А значит, придется сносить еще ряд домов в самом центре исторической Москвы. Оставить посреди столицы квартал руин – не самая удачная идея. Построить на этом месте новые здания – еще более глупо. Совершенно очевидно, что они будут сильно контрастировать с обликом района. И так уже старая Москва постепенно становится историей. Не говоря уже о том, что в народе это место всегда будет ассоциироваться с «органами», что бы в этом районе ни построили в дальнейшем.

Ладно, оставим в покое бесконечные топонимические страдания либеральных умов и обратимся непосредственно к теме красного террора. Обосновал его необходимость еще Карл Маркс. По его мнению, только так можно было сократить кровавые муки родов нового общества. Гуманно, ничего не скажешь. Ленин с этой точки зрения был еще большим гуманистом и взялся на практике обосновать свое же утверждение «нравственно все, что полезно революции». Лидер большевиков назвал террор «вполне правильной инициативой» и всегда был недоволен, если эту пролетарскую ярость кто-то смел сдерживать. Например, в письме Зиновьеву в июне 1918 года Ильич был категоричен: *«Мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы удержали. Протестую решительно! Надо поощрять энергию и массовидность террора».*

Немного, конечно, смущало то прискорбное обстоятельство, что смертную казнь ленинцы сами же отменили еще 26 октября 1917 года. Но нет такой крепости, которую большевики не могли бы взять. Они

поступили очень просто. Уже через месяц Совнарком издал «Декрет о суде». Этим документом были учреждены революционные трибуналы, которые должны были бороться с противниками построения нового общества. Дальше последовало создание Всероссийской чрезвычайной комиссии, которой поручалось действовать по-революционному энергично. Дзержинский взялся за дело решительно и с подлинным большевистским размахом. Чтобы никто не подумал, что наступило время всеобщей любви, Троцкий максимально популярно обозначил перспективу: *«Не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма»*. И все равно нашлись те, кто ему сначала не поверил. Напрасно. Лев Давидович совсем не походил на шутника, он выполнил свое обещание в полном объеме. Пусть и не в установленный им же срок.

13 июня 1918 года был принят декрет о восстановлении смертной казни. Теперь к расстрелу мог приговаривать революционный трибунал. И он не заставил себя долго ждать. Уже через неделю к стенке поставили адмирала Щастного. Обвинили его в том, что он неуклонно углублял пропасть между флотом и властью рабочих, сеял панику и хотел стать спасителем отечества. Пока трибунал изображал хоть какую-то видимость законности, за дело взялась ВЧК. Недалеко от Екатеринбурга разогнали митинг рабочих, которые посмели протестовать против действий большевистских комиссаров. 15 человек были убиты. Этого показалось мало, и еще 14 человек демонстративно расстреляли.

*Ф. Э. Дзержинский.
Создатель Всероссийской чрезвычайной комиссии*

Ленин подобную методику всячески одобрял. Например, 9 августа 1918 года он отправил указание в Пензенский губернский исполком. Сам текст этого откровенно людоедского поручения является классическим образчиком распоряжений той эпохи: *«Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку».*

Обращаю внимание, что это – до официального объявления красного террора. То есть, когда не отягощенные глубокими познаниями умы начинают вам сегодня рассказывать, что все началось с убийства Урицкого, вас, мягко говоря, вводят в заблуждение.

Вот с этого момента мы и погружаемся с вами в сплошную мифологию. Со времен перестройки о зверствах большевиков написали столько, что читать можно до глубокой старости. При этом одно бредовое утверждение сменяет другое. Мне доводилось встречать откровения, что ВЧК ликвидировало за два года свыше 1 400 000 человек. Но прежде чем охать и посылать проклятия на головы палачей и кровопийц, давайте задумаемся: а откуда взялась эта огромная цифра? И тут мы с удивлением обнаружим, что ретивый автор либеральных взглядов, не мелочась, умножил на десять цифру известного западного историка Конквеста. Согласимся, что и 140 тысяч расстрелянных – тоже немало. Но проблема состоит в том, что и эта цифра очень сильно завышена. Известный российский историк спецслужб Мазохин, долгие годы работавший с архивными документами ВЧК-ОГПУ, пришел к выводу, что жертвами репрессий большевиков стало примерно 50 000 человек.

Вообще, документы советских спецслужб – вещь чрезвычайно неприятная для либерально настроенных граждан. Все их рассуждения моментально разбиваются о сухие цифры. Я знаю, что любая человеческая жизнь бесценна, и поэтому мои слова полны цинизма. За это я прошу прощения. Но только за это. Потому что дальше каяться уже должны те, кто пытается заработать моральный или политический капитал на откровенной лжи. Вот, например, все знают, что после убийства Урицкого по Петрограду и Москве прокатился кровавый смерч расстрелов. Десятки тысяч ни в чем не повинных людей расстреляли. Содрогнись, потомок. Но мы, выслушав это, скромно признаем, что террор действительно был. Многих поставили к стенке. Но кого и за что?

Очень быстро выяснится, что той осенью в Петрограде расстреляли 800 человек и еще 300 в Москве. Только вот подавляющее число жертв к политическим противникам режима не относились. Расстреляли множество убийц, воров, насильников, которых в рамках революционных свобод выпустило из тюрем Временное правительство. По ним с таким же жаром вздыхать и причитать будете? А пока вы обдумаете это, обращу ваше внимание еще на один нюанс: с марта по июнь 1918 года Петроградская ВЧК рассмотрела 196 дел. Из них 102 относились к борьбе со спекуляцией и бандитизмом. Непосредственно с противодействием политическим противникам было связано лишь 18 заведенных дел. А теперь самое

интересное: 10 из них закрыли за недостатком улик и еще три были прекращены по амнистии. И где тут десятки тысяч расстрелянных?

Были, разумеется, и сугубо политические дела. Но и они выглядят совсем не так, как представляют себе либеральные умы. Взять хотя бы нащумевшую в свое время ликвидацию «Национального центра».

В середине июня 1919 года при попытке перейти границу под Петроградом был убит бывший офицер Русской Императорской армии Никитенко, который хотел пробраться в расположение Северо-Западной Добровольческой армии генерала Юденича. При обыске в мундштуке папиросы было обнаружено письмо. Подписано оно было «Вик». Из документа следовало, что в Петрограде действует подпольная антибольшевистская организация. Она готова к выступлению, как только войска Юденича начнут штурмовать город: *«Настроение здесь сплошь антибольшевистское, но придавлено террором, не знающим границ. Усталость всех растет, как и смертность, с каждым днем. Большевизм здесь изжит давно. Надо немедленно сделать все к занятию вымирающей столицы».*

Еще через месяц при попытке перейти все ту же финскую границу был задержан начальник Сестрорецкого разведывательного пункта Боровой-Федотов. При аресте он выбросил какой-то пакет. В нем чекисты обнаружили зашифрованное письмо. Ключ к нему удалось подобрать. В письме указывались данные о дислокации частей 7-й армии, численность и вооружение красноармейцев. Допрос с пристрастием позволил получить сведения о загадочном «Вике». Им оказался бывший владелец фирмы «Фосс и Штейнингер», член партии конституционных демократов Штейнингер. Долго будить общественную совесть товарищи в кожаных куртках ему не позволили. Вместе с «Виком» были арестованы представитель Юденича генерал Махов и меньшевик Розанов. В результате полученных показаний удалось выявить большинство агентов «Национального центра» в военных и транспортных учреждениях Петрограда.

В это время ВЧК получила достоверные сведения о том, что и в Москве действует тайная антибольшевистская организация. При попытке перейти фронт на сторону наступавших войск Вооруженных сил Юга России генерала Деникина был задержан курьер. При обыске у него обнаружили зашифрованное письмо, которое сразу же отправили в столицу.

Особого опыта контрразведывательной работы у первых чекистов почти не было. Им приходилось учиться буквально на ходу. Классовое чутье и верность революции – штука хорошая, но в тайной войне от этого пользы мало. Выручали старые специалисты. Кого-то из них толкнул на службу советской власти голод, кого-то – страх грядущих репрессий. Были и те, кто добровольно пошел служить большевикам. Объяснялось это достаточно просто. Временное правительство вызывало у людей такую идиосинкразию, что они готовы были служить кому угодно, лишь бы в стране навели порядок. Большевики этот порядок худо-бедно обеспечивали. Да, слишком радикальными методами. Но те, кто пошел служить к ним, считали, что лучше уж так, чем вообще никак. К тому же неизбежность термидора никто не отменял.

Так вот, один из старых специалистов и сумел расшифровать письмо. В нем содержалось главное: восстание должно начаться после того, как войска Деникина займут Тулу. И надо сказать, что в столице все было к этому готово. Одно из воззваний гласило: *«Добровольческая армия Московского района призывает всех покончить с обманом и сбросить чуждую для нас и не подходящую нашим укладам и обычаям интернациональную власть коммунистов. Боритесь за одну общую мысль – избавиться от темного кошмара насилия, который душит нашу страну!»*

Документ серьезный, спору нет. Читаешь его, и складывается впечатление, что действительно все было готово для поднятия восстания. Ведь самое главное в этом – четкая идеологическая составляющая. То есть то, чего Антон Иванович Деникин так и не смог сформулировать. Ведь за что, в конечном счете, боролась Добровольческая армия? За Единую, Великую Россию. Но какой она должна быть? На этот вопрос Деникин ответ даже не искал, решив, что народ после победы над большевизмом сам определит путь развития страны. Это была роковая ошибка. Народ вообще ленив. Думать он не любит. Предпочитает, чтобы кто-нибудь это сделал за них. И желательно сформулировал простой и понятный лозунг. Вот Ленин его и сформулировал: «Власть – пролетариату!» А Деникин не смог. «Национальный центр» не сильно далеко ушел от него. Но это было полбеды.

Для восстания, кроме идеологии, нужно еще три немаловажных составляющих: люди, средства и четко продуманный план действий. Люди, которым можно доверять, были. Пусть и в малом количестве, но они были. А вот с двумя другими пунктами возникли сложности. Один из руководителей «Национального центра» Ступин показал на допросе:

«Главный недостаток был в том, что не было оружия, а потому и боеспособность организации была, по существу, равна нулю. Средств и способов для приобретения оружия не было». С такими исходными данными победить было нельзя в принципе.

В результате проведенных оперативных мероприятий ВЧК удалось получить новые сведения о готовящемся заговоре. В конце июля в Вятской губернии был арестован подозрительный человек. Одет он был в рваную шинель и худые сапоги. Но при этом весьма щедро платил за подводу. Его арестовали. При обыске были изъяты два револьвера и кинжал. В подкладке его шинели обнаружили почти миллион рублей. На допросе выяснилось, что офицер колчаковской контрразведки Крашенинников должен был пробраться в Москву и передать деньги подпольной организации. Его немедленно отправили на Лубянку.

А там как раз в это время получили донос учительницы школы № 76. В нем говорилось, что к директору по фамилии Алферов слишком часто ходят в гости какие-то подозрительные люди. После долгого наблюдения за Алферовым и подробного допроса Крашенинникова чекисты окончательно убедились, что в Москве действует крупная антисоветская организация. Ее руководителей признал Верховный правитель России адмирал Колчак. Возглавляет «Национальный центр» член партии конституционных демократов Щепкин. Позднее на допросе в ВЧК он скажет: *«Играя на низменных инстинктах масс, коммунистическая власть порвала тот тонкий, почти незаметный налет культуры и духа общественности, имеющийся у людей, и открыла выход для эгоистических стремлений человека».* С этим я согласен. Лишь скромно уточню: а не кадеты ли начали активно развращать граждан страны, начиная с марта 1917 года? Впрочем, это вопрос второстепенный. Главный же вопрос звучит просто: являются ли действия заговорщиков угрозой новому государственному строю и следует ли за подобное наказывать? Ответ очевиден.

Но вернемся к красному террору. Я уже слышу слаженный хор либералов, которые с чувством, с толком, с расстановкой расскажут про то, как, например, в Севастополе расстреляли 500 офицеров. Да, было такое. Как и была публикация списка заложников в журнале «Красный террор». Он, кстати, переиздан в современной России, как и «Еженедельник ВЧК». Но читать их либералы категорически не хотят. Проще отдаться во власть эмоций легендарной книги «Красный террор в России» Мельгунова. Ее с упоением цитируют уже более четверти века, сразу же после первого издания в нашей стране. Одного только не хотят понять. Появление этой книги было приурочено к суду над бывшим адъютантом офицерского

генерала Дроздовского полка Конради, убившего советского полпреда Воровского. Тогда нужно было найти для европейского обывателя моральное оправдание терроризма ужасами режима большевиков. Это удалось сполна.

Так вот о заложниках. В том самом журнале, который категорически не хотят читать, содержится приказ Народного комиссара внутренних дел Петровского. В частности, там говорится: ***«Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен приниматься безоговорочно массовый расстрел».***

Согласимся, документ жуткий. Больше напоминает оккупационную политику немцев в годы Великой Отечественной войны. Тем, как известно, было дано полное право обращаться с «недочеловеками» как угодно. Расстреливать, морить голодом, брать в заложники. Так и тут – твоя жизнь во власти комиссара. Но только на первый взгляд. Потому что существует, например, приказ главы чрезвычайной комиссии Восточного фронта Лациса. Опубликован этот неприятнейший для «неполживых и рукопожатных» граждан приказ все в том же журнале «Красный террор», который они категорически не желают читать. А мы с вами упорствовать в заблуждениях не станем и посмотрим, что же приказывает легендарный чекист: ***«Расстрел заложников производить лишь в том случае, когда неприятель применяет эту меру к нашим товарищам, и то лишь с моего разрешения».***

Этот вот приказ того самого кровавадного Лациса, которого уже обвинили в таких зверствах, что рейхсфюрер СС Гиммлер кажется на его фоне белым и пушистым. Вот и давайте посмотрим, как же он лютовал в восьми приволжских губерниях. Территория немаленькая. Казнить можно со всем большевистским размахом. Лацис именно так и поступил. Как вы думаете, скольких он поставил к стенке – тысячи, десятки тысяч? Не угадали. Целых 66 человек расстреляли его бойцы. Из них 13 – за выдачу коммунистов белочехам, а другие – в ходе подавления вооруженных восстаний. В застенки было брошено 146 человек. Еще 403 находились в розыске за участие в контрреволюционных вооруженных выступлениях.

Эти данные, вне всякого сомнения, сильно подмывают стройную картину массовых казней и истязаний, которую нам уже четверть века неустанно рассказывают получатели разнообразных грантов. Я уже предвижу их возражение: это официальные данные, и верить им ни в коем

случае нельзя. Весьма странная логика. Напротив, нет никаких оснований сомневаться в объективности этих цифр, потому как их официальная публикация была призвана в первую очередь утратить противников большевиков. И если бы под идейным руководством Лациса расстреляли бы не 66 человек, а, скажем, шесть тысяч, то еженедельник чрезвычайной комиссии об этом бы сообщил. Чтобы белогвардейцы содрогнулись от ужаса. Но этого почему-то не последовало.

Кстати о противниках большевиков. Очень наивное заблуждение – считать, что они не принимали по отношению к красным симметричных мер. Даже вожди контрреволюции признавали эти факты. Взять хотя бы Деникина. В своих «Очерках русской смуты» он откровенно пишет: *«Нет душевного покоя, каждый день картина насилия по всей территории вооруженных сил. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова»*. Это Антон Иванович еще тактично высказался. Дело в том, что 24 ноября 1919 года на Особом совещании был принят закон, по которому смертной казни подлежали все, кто содействовал советской власти или был большевиком. Таким образом, приглашение встать к стенке получили 300 тысяч граждан страны из ленинской партии, а также все рабочие, которые участвовали в национализации фабрик, и все крестьяне, которые были замечены в разделе помещичьих земель. Подсчитать потенциальное количество жертв в случае исполнения этого закона я не возьмусь. Но полагаю, что сталинские репрессии 30-х годов очень бы сильно померкли.

Сегодня те, кто рассуждает о первых чекистах, во многом сознательно демонизируют их. Действительно, эпоха была жуткой. Офицеров, священников, профессоров зачастую расстреливали без долгих разговоров. Ставили к стенке вообще всех тех, кто не нравился. Никакого гуманизма. Но революция иной и не бывает. Во Франции в свое время террор творился не меньший, что не мешает нашим с вами современникам называть те события Великой Французской революцией. Из нее вычленили главное – «свободу, равенство, братство», не забывая при этом о пролитой крови. В нашем же случае все строго наоборот. Из всех событий 1917–1920 годов пролитую кровь исключительно вытаскивают на первый план.

Нынче считаешь некоторых публицистов – и печально знаменитый сборник документов «СС в действии» меркнет. Сплошные безмозглые палачи и костоломы. Это, мягко говоря, чрезвычайно далеко от реальной истории.

Люди в ВЧК оказались разные, но всех их объединяла

фанатичная вера в идею построения нового общества. Взять хотя бы создателя советской контрразведки Артура Фраучи, более известного под фамилией Артузов.

Его судьба могла бы сложиться иначе. Не случись в России в 1917 году революции, он вполне мог бы стать всемирно известным металлургом, ибо уже тогда считался одним из самых перспективных учеников знаменитого профессора Грум-Гржимайло. Будучи гражданином Швейцарии, он мог бы спокойно уехать из страны, которая стояла на пороге Гражданской войны. Но он решил иначе.

В революционном движении – с 1906 года. Собственно, он не мог там не оказаться. Его дядей был один из самых старых большевиков, член партии с 1901 года Михаил Кедров. Тот самый, который организовывал рабочие дружины и руководил издательством «Заря», где публиковались работы Ленина. За принадлежность к социал-демократической рабочей партии Кедров был арестован и на два года заключен в крепость, позже эмигрировал. Но влияние на своего племянника успел оказать огромное. Как, собственно, и второй дядя – Николай Подвойский. Оба старых большевика были женаты на сестрах матери Артура Фраучи.

Хотя и нельзя сказать, чтобы Артур Христианович планировал тогда связать свою жизнь с революцией. В отличие от подавляющего большинства членов ленинской партии он окончил гимназию с золотой медалью и подал документы в Санкт-Петербургский политехнический институт. Экзамены были сданы успешно, и его зачислили на металлургическое отделение. А значит, в революционной борьбе к тому моменту он не участвовал, скорее, был сочувствующим. До революции при поступлении в высшее учебное заведение требовалось предъявить справку из полиции, которая могла бы подтвердить благонадежность абитуриента. Иностранцы всегда были на особом счету, поэтому любые попытки Фраучи бороться против «кровавого самодержавия» немедленно были бы замечены и нашли бы отражение в этом документе.

В институте Фраучи, казалось, навсегда отошел от революционной борьбы. Стихи символистов и декадентов, философия Ницше мало привлекали его. Он был полон решимости как можно успешнее выучиться на металлурга, ведь эта профессия в Российской империи обещала хорошее положение в обществе и весьма достойный заработок. Однако не стоит считать, что Артузов ничем, кроме учебников, не интересовался. Он обожал оперу и часто бывал в Народном Доме, где с упоением слушал Федора Шаляпина и Леонида Собинова. Пробовал музицировать и сам,

благо обладал прекрасным лирико-драматическим тенором и хорошо играл на фортепиано. Фраучи регулярно принимал участие в студенческих спектаклях.

В феврале 1917 года он окончил институт и устроился на работу в Metallургическое бюро, которым руководил профессор Грум-Гржимайло. Своих политических взглядов тот никогда не скрывал, и даже в 1928 году осмелился утверждать: *«Учение Карла Маркса – отсталое, уже потерявшее всякую почву. Оно было создано в период почти полного отсутствия технических знаний в промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет».*

На Фраучи взгляды профессора на какое-то время подействовали. В тот момент он еще был далек от политической борьбы, занимаясь только металлургией. Все изменилось в тот день, когда он встретил в Петрограде своих родственников Кедрова и Подвойского, которые занимались созданием военной организации РСДРП. А вскоре большевики захватили власть. Фраучи тогда окончательно сделал свой выбор. В письме родителям он отмечал: *«Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашел себя и ту единственную правду земли, без которой не может жить человек. Не знаю, что бы со мной стало, если бы не дядя Миша. Большевиком я стал исключительно под влиянием незаурядной личности Михаила Сергеевича».*

В декабре 1917 года Фраучи вступил в партию большевиков и был взят на работу в управление по демобилизации армии и флота в качестве секретаря отдела материально-технического снабжения. Но проработал он там недолго. Кедров был направлен на Север и взял с собой племянника. Тот стал секретарем ревизионной комиссии Наркомата по военным делам в Вологде и Архангельске.

Я, кстати, вполне допускаю, что в это время Фраучи поучаствовал в установлении пролетарского порядка в полном объеме, то есть принимал участие и в расстрелах контрреволюционного элемента – на войне как на войне. *«Вражьи кости нам, что снег под сапогом».* Но тут необходимо раз и навсегда отойти от политики двойных стандартов. Если генерал Покровский вешает красноармейцев, то это очень плохо. Это показатель нечеловеческой и патологической жестокости белых. Это подлое преступление, которому не может быть прощения никогда и нигде. Но вот когда какой-то комиссар расстреливает заложников – так им и надо, кровопийцам проклятым. Получили, что заслужили. С врагами разговор должен быть коротким. Но давайте сегодня, спустя почти 100 лет после тех

событий, называть преступление преступлением, а не подводить под это мощную теоретическую базу, построенную на богатом наследии советского агитпропа.

Так вот, о возможном участии Фраучи в расстрелах. Для того времени это было в порядке вещей. Шолоховский Макар Нагульнов, готовый шашкой рубить головы вселенским буржуйам, не на пустом месте тогда возник. Большевики действительно верили, что через террор приближают мировую революцию, а значит, и всеобщее счастье, равенство и братство по заветам Французской революции. Сотрудник ЧК Зазубрин, знавший о повседневной работе карающего меча пролетариата не понаслышке, писал: *«Вы скажете – враг обезоружен. Пока он жив – он не обезоружен. Его главное оружие – голова. Это уже доказано не раз. О палаче вы всегда говорите с отвращением. Но я говорю вам, сволочи, что мы, палачи, имеем право на уважение».*

Но вернемся к нашему герою. Его первые шаги на ниве построения нового прекрасного общества знаменательны еще и тем фактом, что он поменял фамилию. Из Фраучи он стал Артузовым. Произошло это во многом потому, что его соратникам было трудно произносить иностранную фамилию, от которой тянуло откровенной контрреволюцией. Поэтому и обращались к нему зачастую просто – «товарищ Артур».

Практика, вполне обычная для того времени. Первый начальник советской внешней разведки Яков Христофорович Давтян недолгое время работал под фамилией Давыдов, а знаменитый нелегал Стефан Ланг, завербовавший легендарную «Кембриджскую пятерку», на самом деле был Арнольдом Генриховичем Дейчем. Да что там далеко за примерами ходить, если сам Великий кормчий имел от рождения не слишком привычную для русского уха фамилию Джугашвили. Согласимся, что «Сталин» звучит гораздо лучше. И проще. Равно как и Артузов.

Трудился Артур Христианович на благо новой власти как следует. Отдавал все силы для диктатуры пролетариата. Поступал в строгом соответствии со словами Дзержинского, что нужно строго соблюдать революционную законность, в каждом отдельном случае необходимо различать, где действительный враг, а где обыватель. Иначе, говорил Железный Феликс, *«шпионы, террористы и подпольные разжигатели восстаний будут гулять на свободе, а тюрьмы будут полны людьми, занимающимися безобидной воркотней против Советской власти».*

Артузова заметили и, как говорили тогда, бросили на новый участок исторической необходимости. Собственно, и не могли не заметить и не бросить – с такими-то родственниками и с его-то уровнем образования.

Поэтому уже в скором времени он переехал в столицу, где стал начальником военно-осведомительного бюро Московского военного округа. Потом последовало новое назначение – начальником активной части отдела военного контроля Реввоенсовета республики. А дальше – Всероссийская чрезвычайная комиссия. С ней он был связан потом до конца жизни.

А. Х. Артузов.

Создатель советской контрразведки, автор легендарных операций «Синдикат-2» и «Трест»

Таких, как Артузов, в ВЧК были тысячи. Фамилии их и биографии я могу перечислять бесконечно долго. У всех примерно похожий путь в русскую революцию. Стырне и Сыроежкин, Пузицкий и Федоров, да те же

Дзержинский и Менжинский... Были ли все они патологическими палачами, как модно утверждать нынче? Едва ли. Хотя тот же Сыроежкин собственноручно застрелил Сиднея Рейли. Но сделал он это, выполняя приказ, а не для того, чтобы удовлетворить свою маниакальную страсть к убийству. Первые чекисты были убежденными в своей правоте людьми. Они считали революционный террор неизбежностью эпохи и относились к нему соответственно.

Постойте, скажет мне иной либеральный читатель, но в чем же тогда отличие чекистов и их идейных наследников из СМЕРШ от войск СС? Эсэсовцы точно так же считали ликвидацию расово неполноценных суровой необходимостью. В свою очередь, сотрудники советских спецслужб расстреливали по классовому признаку. А значит, прав известный оппозиционный политик Леонид Гозман, сравнивший две организации. И напрасно, мол, на него всей страной накинудись.

Безграмотность Гозмана в исторических вопросах и последовавшая затем долгая и нудная полемика в обществе, к сожалению, не дали ответа на ключевой вопрос о том, что же это такое – СМЕРШ? Вопрос этот вовсе не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Немногие знают, что СМЕРШей существовало целых три: армейская контрразведка, военноморская и наркомата внутренних дел. Не знаю, подозревает ли об этом Гозман, и если да, то какую из них он все-таки сравнил с войсками СС. Впрочем, сейчас это не принципиально. Гораздо важнее другой аспект: мы стали свидетелями очередного акта пьесы «Трагедия советских спецслужб».

С. В. Пузицкий.

Один из самых легендарных сотрудников ВЧК

Я не случайно употребил именно слово «трагедия». Ведь иначе и не скажешь. Армейская контрразведка оказалась фактически непричастной к победе над Германией. Как начали во время хрущевской оттепели переписывать историю, так и до сих пор угомониться не могут. Абакумов стал олицетворением всех возможных преступлений, перегибов и превышений полномочий. Уже даже в личном мародерстве обвинен.

Хорошо хоть изнасилование крупного рогатого скота ему пока не инкриминируют. Естественно, все это отразилось на имидже СМЕРШ. На контрразведку вылили ушаты помоев. Никто особенно не возражал.

Результаты не замедлили сказаться. Мы успешно забыли 186 успешных радиоигр центрального аппарата СМЕРШ. Мы не вспоминаем про сотни захваченных диверсантов из полков особого назначения «Бранденбург-800» и «Бергман», предприятия «Цеппелин» и зондерштаба «Россия». Но при этом, поощряя массовую безграмотность наших дней, согласно киваем головой под рассказы, что СМЕРШ перестрелял тысячи невиновных и устроил в Европе такой террор, что гестапо нервно покуривает в сторонке.

Происходит это потому, что историю Главного управления контрразведки у нас так и не написали. Сняли с десятков художественных фильмов разной степени фантастичности. Опубликовали свидетельства русской эмиграции, которые во многом были продуктом «холодной войны» со всеми вытекающими из этого особенностями. А вот изучить и, самое главное, донести до общества правду о СМЕРШе на основе архивных документов никто не смог.

Но нельзя сказать, что попыток не предпринималось. Выходили очень удачные книги, но слишком малым тиражом. Даже библиофилы тратили немало времени на то, чтобы их найти. Обыватель об этих книгах, вероятно, и не подозревает. А если и слышал что-то о них, то в его мозгу всплывает блокирующий либеральный постулат: «Ведомственным документам советских спецслужб верить категорически нельзя».

Огорчительнее всего, что даже столь масштабная полемика в обществе ни к чему не привела. Я, грешным делом, рассчитывал, что она послужит катализатором интереса общества к истории отечественных спецслужб. Не к очередному прочитыванию прекрасного романа Богомолова и обсуждений по сотому разу книги Мельгунова, а к подлинной истории, в которой драматичных моментов было гораздо больше. Но этого не последовало. Более того, во многом стало только хуже.

Либеральные умы в очередной раз исполнили привычную вампуку «Не умеют в России ценить жертв кровавого тоталитаризма». Нужно брать пример с бывших союзных республик. Например, с Латвии или Украины.

Там борцы против коммунизма и жертвы тоталитаризма уже давно стали национальными героями. Нужно смотреть на историю шире.

С этим я согласен. Действительно, смотреть нужно шире. Этим и займемся. Не буду мелочно интересоваться, почему при этом острую любовь либеральные умы испытывают только к жертвам тоталитаризма времен Великой Отечественной войны. Словно и не было до этого Гражданской. Ладно, пусть будет так. Означает ли это, что нужно всенародно и на государственном уровне ежегодно отмечать казнь борцов против коммунистической тирании Николая Пушкарева и Василия Тищенко? Они ведь жизни не пожалели для свержения коммунизма. Памятник им нужно поставить в центре Краснодара и на примере их ратного подвига молодежь воспитывать. И вообще, позор чекистским костоломам, оборвавшим эти прекрасные жизни на взлете!

Я полагаю, что имена эти подавляющему большинству моих читателей неизвестны. Извольте, я вам расскажу про невинных жертв безостановочного красного террора. В июле 1943 года в Краснодаре состоялся открытый суд над пособниками оккупантов. На скамье подсудимых оказалось 11 человек. Много чего совершили эти люди. Только в душегубках-газенвагенах было уничтожено свыше 700 больных, находившихся в лечебных заведениях Краснодарского края. В том числе 42 ребенка. Читать материалы процесса невозможно. Описать их можно только одним словом: чудовищно. И вот на этих людей мы должны «смотреть шире»?

Помолчит тут либеральный гражданин. Не сильно это все вяжется с привычной ему картиной мира. Борцы с тоталитаризмом так поступать вроде бы не должны. Массовые убийства – это же прерогатива чекистских душегубов. Но и верить мне у него нет оснований по определению. Задумается. А потом торжественно воскликнет: «А все свидетельства были сфальсифицированы, лубянские палачи только так и поступали».

Переведите дыхание. Прочтите внимательно. Еще раз оцените. Вам предлагают новую модель: казненные пособники оккупантов были невиновны, их под пытками заставили оговорить себя. Всем ведь известны методы особистов, которые с годами накопили богатый палаческий опыт. Это только на словах у них холодное сердце и чистые руки. А на практике – миллионы истребленных.

Я уже совершенно не удивлюсь, если когда-нибудь увижу размышления очередного светоча либерализма о том, что Тищенко сотоварищи были, в сущности, неплохими людьми. Но так сложилась их жизнь. Не нам судить их... Повторяю, абсолютно не удивит. Уже были попытки оправдать «Тоньку-пулеметчицу». Она, дескать, расстреливала людей потому, что так воспитала ее советская власть. То есть и военный

преступник – тоже жертва чекистского тоталитаризма. Такая вот извращенная логика.

Наивно полагать, что пересмотр истории берет отсчет с зала заседаний ПАСЕ или бесконечного балагана в украинской Верховной раде. Он начинается тогда, когда мы проглатываем подобные сентенции. Когда из ненужной в данном случае скромности или глубокого презрения не отвечаем на них. Даже не на государственном уровне – на общественном. Не получается отвечать по причине отсутствия знаний о подлинной истории страны. Именно в этом и заключается главная проблема.

Я уже зарекся участвовать в подобных обсуждениях. Ровно потому, что всякий раз имеешь дело с представителями условных «церкви Берии» и «церкви Власова». Для первых все связанное с ВЧК-НКВД свято и безгрешно, никаких преступлений в принципе не было, все ложь подлых буржуазных фальсификаторов и их доморощенных приспешников. Для вторых – напротив, ничего положительного в истории советских спецслужб не было по определению. ЧК – сборище садистов и отребья. То, что истина всегда посередине, ни одну из обозначенных групп граждан не волнует. И не пытайтесь им что-то объяснять – слушать не станут. Им это категорически не интересно и, главное, не нужно. Хочется фигурировать, как говорил великий русский философ Иван Александрович Ильин. А как еще фигурировать, кроме такой благодатной темы, как советские спецслужбы? Никак. Поэтому и не интересуют никого сборники документов. Проще с пеной у рта доказывать ахинею и потом обижаться, как давеча известный либеральный мыслитель Игорь Чубайс. На прямой вопрос, кто или что мешает этому могучему «россиеведу» посетить архив и изучить документы по интересующей его теме, последовал душераздирающий рассказ про увольнение с радио, отравление в Нижнем Новгороде и встречный острый вопрос, почему Гаспарян не был на каком-то митинге в защиту очередного светоча мысли. И так всю жизнь.

Мне очень бы хотелось верить, что рано или поздно этот безостановочный цирк надоеет самим его участникам. Что устанут они от собственной безграмотности. Что интереса ради прочтут не своих же коллег по несчастью с их странными теориями, а отяготят свой разум серьезными исследованиями. Мне очень бы хотелось в это верить, вот только не получается, к сожалению. Разбивается все о суровую реальность.

Есть у правительства нашей страны прекрасная инициатива: в русские школы по всему миру отправляются книги. Классика советской литературы: «Адъютант его превосходительства», «По тонкому льду», «Тимур и его команда», «Сердце Бонивура», «Семнадцать мгновений

весны»... На этих книгах выросло несколько поколений. Их с удовольствием читают в России и сегодня.

Однако нашлись недовольные. Гимназия при храме Всех Святых, в Земле Российской просиявших, в Бурлингейме (Калифорния) категорически отказалась принимать книги. По прозаической причине: потомки участников Русской освободительной армии не хотят читать про плохого генерала Власова и хороших чекистов. Тут не поспоришь: что-нибудь хорошее про предателя, совершенно справедливо повешенного в СССР, никто написать не догадался. В современной России, в принципе, тоже, если не считать нескольких откровенных маргиналов. По вполне понятным причинам. И не думаю, что эта тенденция претерпит изменения даже в среднесрочной перспективе.

Но претензии этим не ограничиваются. Напротив, они только начинаются. Не нравятся серп с молотом на обложках, получение авторами этих книг различных премий в СССР. Орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени названы советским барахлом. И главное – слово «Бог» в книгах напечатано со строчной буквы. Это было расценено как «плевок в лицо Церкви, ее прихожан и учащихся церковной гимназии». В общем, полный набор. Даже не знаю, какой аргумент более показательный.

За все отверженные книги говорить не буду. Ограничусь одной – «Адъютант его превосходительства». Пикантность ситуации заключается в том, что как раз в этом знаменитом романе белые показаны значительно лучше, чем они были в реальной жизни. Такой вот парадокс советской эпохи. Генерал Ковалевский в книге не пьет, в то время как его прототип страдал алкоголизмом. Полковник Щукин – талантливый профессионал. А в реальности был полковник Щучкин – заурядный бездарь. И в эмиграции об этом было всем хорошо известно. Но тут вступает в силу тот самый девиз «Он, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын».

Эта история лишней раз показывает, что серьезного подхода к собственному прошлому не наблюдается. А без этого никакого согласия и примирения в обществе быть не может. То есть, пока одни будут считать книгу Мельгунова непогрешимой и единственно верной, а вторые будут оперировать исключительно классикой советского агитпропа, мы так и будем с маниакальным упорством блуждать между трех сосен. Диагноз профессора Преображенского «разруха не в клозетах, а в головах» по-прежнему верен.

Адмирал

Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих. Колчак действует теми способами, которые он находит.

Ленин

На поверхности взбаламученного моря нашей действительности регулярно всплывают деятели, чья кипучая и безостановочная активность сводится исключительно к безудержному поношению Белого движения, к попыткам обвинений Корнилова, Деникина и Колчака в предательстве национальных интересов и работе на иностранные разведки. Все это не ново. В эмиграции с завидной регулярностью появлялись конспирологические теории. Самые яркие из них принадлежат таким авторам, как Свитов, Якобий, Кириенко и Кобылин. Сводились все эти теории к простой формуле: генералы – предатели. К кликушествам подобного рода я уже давно привык. Начитался вдоволь за четверть века. Но в современной России у якобиев всех мастей появились легионы достойных продолжателей.

Отсутствие реакции на постоянные пасквилы может создать у аудитории, и без того не самой осведомленной об истории Гражданской войны, совершенно ложное представление о той очень непростой эпохе. Поэтому, предваряя рассказ о Верховном правителе России, с самого начала приходится остановиться на современной вопиющей безграмотности и откровенных фальсификациях.

Во Франции обращают внимание на то, КАК написана статья, в Германии – ЧТО в ней написано, а в Англии – ДЛЯ ЧЕГО это написано. Я же предлагаю заострить внимание на том, КЕМ написано.

Именно эта позиция в наших реалиях зачастую оказывается единственно верной. Если мы знаем, что, к примеру, Катков был человеком обширных познаний, глубокого ума, честности и действительно благородной объективности, то, изучая его работу «Дело Корнилова», мы верим приводимым им фактам, хотя и отмечаем и критикуем некоторые

неточности. Но если автор статьи – заведомый клеветник, то ему мы не верим, хотя и признаем достоверность отдельных эпизодов. Не буду опровергать десятки статей о Колчаке на основании их содержания, абсолютно не соответствующего истории. Но на примере подобных пасквилей охарактеризую автора, и тогда пусть каждый сам судит, можно ли принимать всерьез его домыслы.

Кстати, об авторах. Я принципиально не стану называть кого-то одного. Дело в том, что подобных статей много. Мыслители не отягощают себя серьезным изучением вопроса, предпочитая переписывать бездумно друг у друга один и тот же набор чепухи, лишь дополняя его собственными, еще более дикими измышлениями. Так, конечно, проще. Читатель ведь привычно не обращает на такие мелочи внимания. Главное – звонкий заголовок и срыв покровов, который обильно разбавляется оскорблениями в адрес тех, кто имеет наглость думать иначе. Поэтому пусть этот условный автор будет зваться Иван Иванов. Тем паче что многие действительно пишут под псевдонимом.

Обычно все подобные статьи начинаются с дерзкого обвинения Колчака в измене Родине. Никаких документов, разумеется, не приводится в принципе. Да и быть их не может. Как правило, господин Иванов до этого никогда о Белом движении не писал, а сфера его интересов – безостановочная борьба со всеми, кто смеет не доверять «Краткому курсу истории ВКП(б)». Именно поэтому он не знает о том, что когда в сентябре 1919 года союзники потребовали удалить все Русские части из Владивостока, Колчак немедленно ответил телеграммой командующему гарнизоном генералу Розанову: *«Повелеваю Вам оставить все Русские войска во Владивостоке и без моего повеления их никуда не выводить. Требование союзников – есть посягательство на суверенные права России»*. Никогда, разумеется, этот Иванов не слышал о том, что Колчак пошел только на экономические уступки союзникам. Его кабинет министров разрешил размещение иностранных концессий в Сибири и на Дальнем Востоке (включая создание там свободных экономических зон) сроком на 15–25 лет, создание промышленных предприятий и разработку природных богатств с целью использовать капитал стран Антанты для восстановления экономики России после Гражданской войны. *«Когда Россия окрепнет и придет срок – мы их выкинем отсюда»* – эти слова адмирала стоит запомнить всем любителям рассуждать о предательстве. Потому что они ничем не отличаются от аналогичных заявлений большевиков эпохи Брестского мира. И уж, понятное дело, не догадывается Иванов о том, что когда генерал Маннергейм предложил помощь 100-

тысячной финской армии в обмен на передачу Финляндии части Карельского перешейка и размещение оккупационных финских войск в Петрограде, Колчак был непреклонен: «Я Россией не торгую!»

Невежественность условного Иванова зашкаливает, когда он пишет про «самозванного Верховного правителя России». В январе 1919 года патриарх Тихон благословил адмирала для «христианской борьбы с атеистической временной властью над страдающим народом, по спасению Православной Церкви и России». Широко известны всем интересующимся историей, а не конспирологией и ответные слова адмирала: *«Я знаю, что есть меч государства, ланцет хирурга. Я чувствую, что самый сильный – меч духовный, который и будет непобедимой силой в крестовом походе против чудовища насилия!»* За многие годы эти слова не раз публиковались. Но Иванов или никогда об этом не слышал, или у него разум невосприимчив.

Темнота автора принимает просто анекдотический характер, когда он утверждает, что Колчак был по происхождению крымским татарин. Будущий адмирал родился в семье Василия Ивановича Колчака и Ольги Ильиничны Посоховой. В метрической книге четко указано – великороссы, православного вероисповедания. Дед был участником Крымской войны, держал оборону на Малаховом кургане. Очевидно, за это Колчак и произведен Ивановым в татары. Хорошо хоть в татары. Мог бы, пользуясь бессмертным заветом О. Генри, определить его в одного из «единых синедрионов и явных монголов внутреннего храма».

Есть и еще более убийственные для репутации автора подобных статей разоблачения из серии «в августе 1917 года тайно удрал в Англию». Тут же следует взрыв ярости благородной и обращение к читателям: как бы они сами назвали командующего флотом, который тайно бежит за границу во время войны? Разумеется, сразу начинает кипеть уже разум возмущенного потребителя подобных статей. Вечный позор трусу и подлецу! И все довольны друг другом. Один написал чепуху, другие радостно кинутся разносить обретенное знание дальше.

Меня не покидает смутное подозрение, что подобные «исследования» пишутся специально для того, чтобы опубликовать такие сенсационные утверждения. Недаром тут же достается неким «господствующим в своей западной либеральной демократии негодьям, воспевающим этого законченного мерзавца и подонка». Последователь Якобия по части построения богатых конспирологических теорий мог узнать, что Колчака направили в США (а вовсе не в туманный Альбион) как эксперта с мировым именем по минному делу. В Сан-Франциско ему предложили

остаться, обещав кафедру минного дела в лучшем военно-морском колледже и обеспеченную жизнь в свое удовольствие в коттедже на берегу океана. Колчак ответил «нет», и больше к этому вопросу американцы никогда не возвращались.

Адмирал А. В. Колчак.

Верховный правитель России, настроивший против себя всю Сибирь

Клевета – излюбленный прием Иванова. Повествуя о Первой мировой войне, он берется утверждать, что адмирал был завербован иностранными

разведками еще в бытность капитаном 1 ранга и командиром минной дивизии на Балтийском флоте. То есть перед нами последовательный предатель. Сначала изменил Царю и Отечеству, а потом и вере православной. Ах да, он же был крымским татарин. Ладно, с верой не получается. Тогда изменил всему народу российскому. Негодяй, каких мало! А мы, прежде чем проклинать наймита всех возможных иностранных спецслужб, кое-что уточним.

Получается, шпион и мерзавец был завербован в тот момент, когда под его непосредственным руководством четыре эсминца подошли к Данцигу и выставили 200 мин. В результате этого было подорвано 4 германских крейсера, 8 эсминцев и 11 транспортов противника. Не случайно после вынужденной отставки Колчак писал: *«Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели»*. Ясное дело, Иванов об этом никогда не слышал. Как не подозревает и об отзывах немцев о деятельности адмирала: *«Самый молодой и энергичный вождь. После его ухода флот начал умирать. Революция и большевистский переворот его добились»*. Вот кто истинные виновники катастрофы. Но, стремясь облить грязью Колчака, автор не стал обращать внимания на важнейшие свидетельства, отмахнувшись от них с исключительной легкостью.

Таков наш Иванов. Он не отличает правды от лжи, легко переходит от необъективности к грубой клевете, он невежествен и потому не разбирается в вопросах, о которых пытается говорить. *«Подонки и подлые предатели! И никому из мерзавцев и буржуйских подголосков не удастся очистить его имя! И таковым он должен вечно оставаться в истории, проклинаемый всеми порядочными людьми!»* Сильно сказано, не спорю. Только весь пафос разбивается о неграмотность самого автора. Ведь никогда не удастся ничтожеству опорочить того, чьи заслуги перед Россией признали честные и умные люди. Великий русский философ Ильин, в частности, писал: *«Когда пробил исторический час, навстречу малодушию, соблазну и крушению встали герои»*. Если вам не нравится мысль Ильина, не беда. Можете самостоятельно найти сотни подобных отзывов. Нынче это просто, даже в библиотеку не нужно идти.

Верховный правитель России. На протяжении многих десятилетий это словосочетание воспринималось участниками Белого движения с глубоким уважением, а большевиками – со столь же глубокой ненавистью.

А ведь, пожалуй, в дореволюционной России трудно было найти более неподходящего человека на роль диктатора военной поры, чем Александр Васильевич Колчак. Тот, кому пришлось возглавить русскую контрреволюцию, был весьма замкнут и предпочитал проводить время за чтением книг. В своих воспоминаниях современники отмечали Колчака как человека мягкого, не любившего высокопарные речи в свой адрес. Однако судьба именно его заставила стать лидером белой борьбы на Востоке России.

Колчак мог бы возглавить борьбу с большевизмом в Сибири еще в апреле 1918 года. И, кстати, это было бы весьма символично. В это же время на Юге России командование Добровольческой армией принял генерал Деникин. Именно с этими двумя людьми и ассоциируется сегодня у большинства россиян Гражданская война. Однако той весной Колчак так и не смог добиться главного – единства всех антибольшевистских сил в восточных частях страны. Уж слишком амбициозные были политики, генералы и атаманы того времени. Да еще и союзники пытались влиять на ситуацию. В результате Колчак уехал в Японию и вернулся на Дальний Восток только в сентябре, когда политическая обстановка в России круто изменилась.

Власть большевиков на огромной территории от Волги до Приморья была свергнута. Избранное правительство во главе с эсером Авксентьевым, получившее название Всероссийской директории, обосновалось в Омске. Туда же вскоре прибыл и Колчак. Однако надолго задерживаться в Сибири он не собирался. Александр Васильевич стремился на Юг России, в Добровольческую армию, к генералу Алексееву, которого признавал Верховным главнокомандующим. Но в начале октября 1918 года стало известно о смерти Михаила Васильевича.

Омские политики и военные уговаривали Колчака остаться в Сибири, принять пост военного министра правительства Директории. И он после долгих раздумий согласился. Бывший председатель Совета министров омской Директории Серебренников так вспоминал о своей первой встрече с адмиралом: *«Мне чрезвычайно понравилась импонирующая манера адмирала говорить громко, четко, законченными фразами определенного содержания, не допускающего каких-либо двусмысленных толкований. Не хитрец, не дипломат, желающий всем угодить и всем понравиться. Но честный русский патриот и человек долга».*

Монархически настроенные офицеры и генералы с огромным трудом терпели сибирское правительство. Ничего удивительного в этом нет, если вспомнить, что эсеры, составлявшие основу омской Директории, до этого

охотно убивали царских министров. Поэтому в головах бывших офицеров императорской армии все чаще и чаще стали появляться мысли о необходимости установления военной диктатуры. Но кого выдвинуть в диктаторы? Генерал Алексеев мертв, генерал Деникин популярен, но находится слишком далеко. В результате выбор заговорщиков пал на Александра Васильевича Колчака. 18 ноября 1918 года переворот состоялся, члены правительства были арестованы. Весьма символично, что 18 ноября 1799 года Наполеон сверг Совет пятисот, начав править Францией единолично. Впрочем, сам Колчак об этой исторической параллели даже не задумывался.

В Советском Союзе потом много писали о том, что заговорщиков поддерживали союзники, которые уже обо всем договорились с Колчаком. Однако документов, подтверждающих это, так до сих пор и не найдено. Как нет и свидетельств того, что адмирал принимал активное участие в заговоре. Сам он впоследствии на допросах отрицал свою причастность. Так или иначе, но власть вручили Колчаку, произвели его в полные адмиралы и провозгласили Верховным правителем России. В своем обращении к гражданам страны новоявленный диктатор писал: *«Приняв крест этой власти, объявляю: главной своей целью ставлю победу над большевизмом, установление законности и порядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам».*

Уже потом, в эмиграции, бытовало мнение, что выдвижение Александра Васильевича в верховные правители России было роковой ошибкой антибольшевистских сил: дескать, Колчак осенью 1918 года не обладал таким влиянием, требовавшимся для победы в Гражданской войне. Бывший военный министр Временного правительства Гучков, сделавший все возможное для полного развала фронта в 1917 году, писал: *«Совершенно разбитым, надломленным, потерявшим самообладание забрался Колчак на ту высоту, на которой как раз требовались те высокие качества, каковыми он обладал в предшествующий период».*

Безусловно, это крайнее мнение. Но ведь и другие лидеры русской эмиграции считали, что Колчак как полководец и тем более политик мало соответствовал отведенной ему роли. Барон Будберг, близко знавший адмирала, к примеру, вспоминал: *«Зачастую складывалось впечатление, что Колчак совершенно не понимал обстановки и не мог в ней разобраться. И вообще, он был далек от того, что совершалось от его имени».* Впрочем, большинство продолжало считать, что если кто и мог бы

спасти страну от большевизма, то только адмирал.

Колчак достаточно ясно сформулировал свою цель – искоренение ленинских идей по всей России. Обратите внимание на слово «искоренение». Адмирал прекрасно понимал, что идею уничтожить нельзя. Ее можно заменить только другой идеей.

Самой популярной в рядах борцов с большевизмом была мысль о нейтралитете армии. Народ сам должен был определить будущее устройство России. Для этого планировалось созвать Учредительное собрание. Но не то, которое, по выражению Александра Васильевича, запело «Интернационал» и было разогнано матросом.

Кстати, судьбы многих членов этого Учредительного собрания, эсеровские депутаты которого оказались на территории, подконтрольной Верховному правителю, сложились, пожалуй, более трагически, чем при большевиках. Арестованных министров без всякого суда расстреляли в декабре 1918 года на берегу Иртыша. Произошло это злодейство не по приказу Колчака, а стало самоуправством нескольких офицеров Сибирской армии. Все участники расстрела были отданы под трибунал. Эта трагедия в очередной раз убедительно доказала: в тех условиях, в которых пребывала тогда Россия, ни о какой демократии не могло быть и речи.

«Он был чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать» – так отзывался о Колчаке барон Будберг. Насколько же эта характеристика не соответствует образу безжалостного палача трудового народа, как называли адмирала большевики! Лозунг Ленина «Все на борьбу с Колчаком» до сих пор актуален. Если пролистать многочисленное наследие советского агитпропа, то окажется, что не было у страны врага страшнее со времен татаро-монгол, а победил его буквально в одиночку настоящий рыцарь земли Русской, народный заступник Михаил Тухачевский. «Красный Бонапарт» поразил контрреволюцию в самое сердце.

Звучит красиво. Только вот с моральными качествами авторы этой теории перестарались. Достаточно, например, вспомнить, что тот самый Тухачевский прославился задолго до революции. Еще будучи кадетом, он однажды вынес после литургии из храма во рту причастие и выплюнул его на съедение собакам. Комментарии, что называется, излишни. А вот Колчака современники оценивали совсем по-другому. К примеру, архимандрит Русской православной церкви за рубежом Константин Зайцев

писал, что в его памяти навсегда остался стальной силуэт боевого вождя, сочетающего отменное личное мужество с мягкой простотой.

Маршал М. Н. Тухачевский.

Его не зря называли «красным Бонапартом»

Но Бог (или госпожа военная удача, кому как нравится) недолго хранил адмирала. Уже к осени 1919-го Колчак был вынужден вести войну фактически на два фронта. С запада наступала 5-я армия красных, на востоке, в тылу, разгоралась партизанская война, руководимая эсерами. В

ноябре адмирал покинул Омск. Но когда поезд Верховного правителя подходил к Иркутску, оказалось, что город уже в руках Политцентра – органа, совместно созданного эсерами, меньшевиками и большевиками.

Они потребовали от чехов выдачи им Колчака, председателя его Совета министров Пепеляева и всего золотого запаса. Взамен чехословацкому корпусу обещали возможность беспрепятственно вернуться на родину. В который уже раз за историю Гражданской войны союзники предали Белое движение. Генерал Жанен тогда сказал: *«Мы психологически не можем принять на себя безопасность адмирала. После того, как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать»*

В окружении Колчака возник план отступления в Монголию. Но уходить, как оказалось, было уже не с кем: личный конвой таял на глазах. Последнее, что оставалось, – переодеться в солдатскую шинель и затеряться в одном из эшелонов с чехами. Но адмирал решительно отверг такой план. Почему? Возможно, ответ на этот вопрос мы найдем в воспоминаниях его соратников. Барон Будберг уже в эмиграции достаточно жестко высказался на этот счет: *«Жизни в ее суровом, практическом осуществлении адмирал не знал и жил миражами и навязанными идеями»*.

Но это скорее исключение из правила. Большинство участников Белого движения были согласны с бывшим министром правительства Колчака Георгием Гинсом: *«Адмирал сделал все, что мог, и прошел крестный путь. Как постоянный укор, будет он преследовать тех, кто взял на себя неблагодарную роль предателей и чья вина привела Гражданскую войну к такому страшному финалу»*.

15 января 1920 года Верховный правитель России Александр Васильевич Колчак был арестован чехами и передан Политцентру. Чрезвычайная следственная комиссия начала допросы, и пока они продолжались, власть в Иркутске перешла к большевистскому Временному революционному комитету. К городу приближались сохранившие боеспособность части Колчаковской армии под командованием генерала Войцеховского. Они выдвинули ультиматум: если им выдадут адмирала, они обойдут Иркутск стороной. Находившаяся в одной тюрьме с Колчаком его гражданская жена Тимирева сумела сообщить ему о требовании капеллевского полка. На это бывший верховный правитель России ответил: *«Это лишь ускорит развязку»*.

Александр Васильевич оказался прав. В ночь на 7 февраля 1920 года его повезли на расстрел. Ярко светила луна. Поставили адмирала Колчака и

его премьер-министра Пепеляева на взгорке. Взвод поднял винтовки. Руководил расстрельной командой иркутский комиссар Бурсак. Он предложил Александру Васильевичу завязать глаза. Колчак отказался, выразил лишь желание покурить в последний раз. 46-летний адмирал держал папиросу невозмутимо, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он бросил окурки, застегнулся на все пуговицы и вытянулся по стойке смирно, словно принимая парад верных ему частей.

На часах было пять утра. «Взвод, по врагам революции пли!» – крикнул Бурсак. Адмирал и министр упали. Для верности были сделаны и контрольные выстрелы. Тела Колчака и Пепеляева утопили в проруби. Спустя ровно год Иван Бунин писал: *«Молча склоняю голову перед Его могилою. Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее».*

До сих пор историки спорят о том, кто же отдал приказ о расстреле Колчака. Было принято считать, что проявил инициативу иркутский военно-революционный комитет. Но на самом деле не обошлось без участия Ленина. Не так давно была обнаружена записка лидера большевиков председателю Реввоенсовета 5-й армии Склянскому: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». В годы русской смуты офицеров уничтожали по всей стране, без лишней идиотской волокиты, как выражался Ленин. Офицерам белых армий зачастую перед смертью связывали руки колючей проволокой. «Носили на груди терновый христианский венец – возьмете его с собой», – шутили побеждавшие в Гражданской войне.

Но из этого вовсе не следует модное сегодня утверждение, что белогвардейцы были святыми. Ничего подобного. Преступлений они совершили с избытком, ни в чем не отличаясь от большевиков с их расстрелами по классовому признаку.

И начался террор задолго до Колчака. 11 сентября 1918 года при подавлении крестьянского выступления в Славгородском уезде головорезы атамана Анненкова убили 500 человек. Они же сожгли дотла деревню Черный Дол, расстреливали и вешали даже жен и детей крестьян. Не сильно отстали от них казаки атамана Дутова. 9 мая 1918 года после взятия

села Александров-Гай ими было закопано заживо 96 взятых в плен красноармейцев.

Потом наступила эпоха Колчака. Еще более кровавая. Высылка и расстрел эсеров. Член ЦК партии социалистов-революционеров Раков оставил по этому поводу безукоризненные воспоминания: «Омск просто замер от ужаса. Убитых было бесконечное множество, во всяком случае, не меньше 2500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие».

Жертвы Колчака. Сибирь заливали кровью многочисленные колчаковские атаманы

Дальше – больше. 3 декабря 1918 года Совет министров в целях

сохранения существующего государственного строя и власти Верховного правителя скорректировал статьи Уголовного Уложения Российской империи от 1903 года. Отныне устанавливалось наказание в виде смертной казни как за покушение на Верховного правителя, так и за попытку насильственного свержения власти, отторжения территорий. В условиях Гражданской войны последний пункт мог трактоваться особенно широко, что регулярно и происходило, особенно в свете особенностей мобилизационной политики Колчака. Загоняли в армию, используя нехитрый арсенал в виде арестов и расстрелов. В довершение всего правительство приняло решение реквизировать у крестьян и лошадей. Таким образом, деревня лишалась не только пахарей, но и тягловой силы. Надо ли после этого удивляться тому, что в тылу у адмирала развернулось масштабное партизанское движение?

Плюс ко всему, Колчак категорически не хотел отвлекаться на такой, с его точки зрения, незначительный пустяк, как земельный вопрос. Только в апреле 1919 года до него дошли руки. Но, как обычно у представителей Белого движения, результат никого не устроил. Колчак не рискнул сразу отобрать землю, дарованную советской властью. Понимал, чем это может грозить армии, где большую часть составляли мобилизованные крестьяне. После долгих споров в правительстве решили сохранить землю каждому, кто произвел посев или подготовил условия для посева. На этом – все. Колчак решил отложить решение первостепенного вопроса до созыва Учредительного собрания. При этом нельзя сказать, что сам он этот потенциальный государственный орган очень любил. В идеале он, видимо, хотел вернуться к Столыпинским реформам.

Союзников в этом он, разумеется, не нашел. Крестьянству больше грела душу советская методика решения этого вопроса. Офицерство также не выражало бурного восторга, поскольку считало, что многих надо пороть нещадно и ежедневно, чтобы навсегда выбить революционную дурь. Неслучайно начальник главного штаба генерал Лебедев в знак протеста против декларации перестал посещать заседания правительства. Умнейший поступок, ничего не скажешь.

Результаты не замедлили сказаться. Режим адмирала оказался жестче для населения, чем пресловутый ленинский военный коммунизм. Это даже не нуждается в доказательствах в силу хотя бы того простого факта, что, несмотря на временные колебания крестьянства, оно в массе своей поддержало в Гражданской войне красных. Даже премьер-министр Вологодский, уходя в ноябре 1919 года в отставку, в сердцах сказал Колчаку: *«Самые лояльные люди готовы броситься в преступные*

авантюры в поисках выхода из невыносимого положения. Авторитет правительства, а также ваш личный, падает с каждым часом». Доигрались.

Профессиональный военный, искренний патриот своей Родины умудрился построить такой режим, что против него восстали почти все. И это при том, что модель государства и у белых, и у красных включала в себя одинаковую доминанту – цель превалирует над человеческой жизнью, несмотря на многочисленные политические заявления. Но даже на этом фоне Колчак выделился. Он потом на допросах будет отказываться от всего, что связано с белым террором. В первый раз услышит, что контрразведка в Омске пыталась одного из пленных большевиков на дыбе. Он скажет, что никогда не слышал про расстрелы заложников. Но допускал, что иногда, конечно, перегибы случались. Например, что в одной деревне крестьянам отрезали уши и носы. Время беспокойное, этикет смешон, на войне всякое случается...

Остановимся на этих словах. Вдумаемся в них. Большевики строили новое общество, устраивая террор против инакомыслия, расстреливая по классовому признаку. Это отвратительно. Но как тогда нужно относиться к тому, что их противники действовали точно так же, ничуть не уступая в жестокости, а в некоторых случаях и превосходя красных? О какой нравственности можно говорить после подобных сцен? *«Деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18-ти до 55-летнего возраста, после чего пустить “петуха”».* Это свидетельствует не какой-то чудом выживший большевик-подпольщик, а командир драгунского эскадрона из корпуса Каппеля штаб-ротмистр Фролов. Самый что ни на есть белый офицер. Эталон христианской морали, как считают некоторые современные публицисты. И таких Фроловых при власти Колчака были сотни. Стоит ли удивляться, что крестьянство, которому не грозило возвращение помещиков (на просторах Сибири их попросту не было), решительно поддержало красных?

Есть сегодня у либеральных публицистов любимая история об Ижевской дивизии Колчака. В ней были только рабочие.

Одна из самых боеспособных частей русской контрреволюции. Им и позволялось больше, чем другим. Например, идти в бой под красным флагом и петь «Варшавянку». Да-да, именно так. И такой контингент был у белых. Ясное дело, что большевикам эта дивизия была особенно

ненавистна. Троцкий приказал уничтожать их без жалости, чтобы не было повадно рабочим сражаться против диктатуры пролетариата.

Нынче ижевцы популярны. Их защитники старательно обходят неприятные вопросы. А мы – люди не гордые, поэтому зададим. Один. Самый простой. Участвовала ли эта часть в карательных операциях? Ответа придется ждать долго. Повторяю, сегодня для определенной публики белые – абсолютно святые. Они уверены, что все преступления колчаковцев совершались исключительно на страницах газеты «Правда». Жить с такой блаженной убежденностью, безусловно, можно. Только лучше ее публично не демонстрировать, чтобы над глупостью вашей потом не потешались.

Так вот, о преступлениях ижевцев. Ночь с 1 на 2 июля 1919 года. Партизаны, как им это было свойственно, напали на караул дивизии у железнодорожного моста. Было ранено двое солдат. Командир дивизии генерал Молчанов посчитал это хамством. Был издан характерный приказ: *«При нападении на караулы и порче ж. д. производить круговые аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке в выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады. Немедленно открыть огонь из всех орудий и уничтожить барачную часть селения как возмездие за нападение»*. Приказ, разумеется, был выполнен. О жертвах нынешние защитники ижевцев стыдливо молчат. Акции памяти не проводят и в жертвы политических репрессий не зачисляют.

Во время Гражданской войны подобные действия получили название «духовный садизм». Под этим определением подразумевалось, что исполнитель получает удовольствие от мучительной и заслуженной расправы над врагом. Или теми, кто подозревается в помощи противнику. И не надо сейчас начинать рассуждения о том, что белый офицер никогда не позволял себе опуститься до уровня чекиста, как любит делать одна эмигрантская газетенка. Это, право слово, даже не смешно.

Простой пример. Последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии полковник Генерального штаба Месснер искренне считал и всячески проповедовал, что захват и расстрел заложников из нелояльного населения есть благо. Он же доказывал, что исполнение любого приказа о расправе над гражданским населением есть долг офицера, не выполнить который невозможно. Разумеется, что в годы Гражданской войны эта доктрина выполнялась неукоснительно. И прямую ответственность за это несет адмирал Колчак. Даже если расстрелы происходили на Юге России. Статус «Верховный правитель» обязывает.

Если открыть воспоминания участников Гражданской войны в Сибири,

то вы с огромным удивлением обнаружите там обширнейший пласт размышлений о зверствах колчаковских атаманов. Широкий спектр. Тут вам и Семенов, и Калмыков, и Дутов, и Анненков. Американский генерал Гревс, которого никак нельзя даже заподозрить в малейших проявлениях любви к ленинской идеологии, откровенно писал в своих воспоминаниях: *«В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами».*

Ярчайшим примером служит генерал Анненков. Поскольку и этот «христоробивый воин и безукоризненный офицер» ныне удивительным образом зачислен в жертвы тоталитарного режима, расскажу о нем подробнее. Поверьте, это стоит того. Действительно, незаурядная личность. Правда, все свои таланты он обратил не на благое дело. Такое, конечно, случается, но далеко не каждого подобного человека пытаются записать в образцы моральности.

Современник так описал встречу с генералом Анненковым: *«На меня глядел молодец из какой-нибудь купеческой лавки, в лихо заломленном на затылок картузе. Большая челка, точно у китайских леди, закрывала пол-лба. Я никак не мог поверить, что это и есть потомок декабриста, известный своей храбростью».* Своеобразный портрет героя Первой мировой. Тогда он командовал партизанским отрядом, который занимался диверсионной деятельностью в тылу противника. Его солдаты и офицеры носили на левом рукаве нашивку – черно-красный угол с черепом и надписью «С нами Бог». Позже отдельные ретивые агитпроповские слуги стали называть Анненкова первым фашистом и даже договорились до того, что отряды СС, дескать, специально переняли девиз его партизанского отряда. Ничего общего с реальностью это, разумеется, не имеет. «Адамова голова» – древнехристианский символ, означающий воскрешение после смерти. Что касается гитлеровцев, то слова «С нами Бог» использовались в немецкой армии еще задолго до фюрера. Тем более что не походил Анненков на тех выскочек и недоучек, которые составили основу нацистской партии. Потомок известного декабриста, дворянин, он был прекрасно образован и в совершенстве знал французский, немецкий, китайский и некоторые тюркские языки. Что, впрочем, не помешало ему стать военным преступником и с этой точки зрения ничем не отличаться от какого-нибудь гауптштурмфюрера дивизии «Мертвая голова».

Генерал Анненков. Потомок декабриста заслужил печальную славу одного из главных карателей времен Гражданской войны

Убежденный монархист, атаман Анненков не принял октябрьского переворота и тут же был объявлен вне закона. В январе 1918 года он перешел к вооруженной борьбе с большевиками. Возглавив отряд из 24 казаков, атаман начал с того, что совершил дерзкий налет на Омский собор, отбив у Советов народных комиссаров знамена Ермака и 300-летия дома Романовых, которые коммунисты хотели сжечь. очевидцы потом вспоминали: «Стоя на санях с императорским штандартом в руках, Анненков помчался по льду Иртыша и без особого труда скрылся от погони». Уже через месяц его отряд насчитывал свыше 100 человек.

С образованием Временного сибирского правительства анненковцы были включены в состав Восточной армии и приняли участие в боях против красноармейских частей Блюхера и Каширина. На этом этапе Гражданской войны белые, сохранившие воинскую дисциплину, добились превосходства над плохо обученными формированиями Красной гвардии. После взятия Анненковым Уральска и Троицка по рекомендации казачьего

круга ему было присвоено звание полковника.

Лидеры русской контрреволюции понимали, что для победы над большевизмом необходимо провести мобилизацию. Однако крестьянство не хотело воевать, уклонялось от призыва, в ряде мест вспыхивали восстания. Информатор Сибирского правительства докладывал, что «агитация антигосударственного направления возрастает, переловить главарей невозможно ввиду отсутствия реальной силы». На подавление волнений отправили партизан Анненкова. В своих воспоминаниях он своеобразно обозначил собственные принципы: *«Я дал следственной комиссии директивы установить активных участников восстания. Действовал военно-полевой суд, выносивший много приговоров. Расстреливали. Но так поступали относительно мужчин, оказывавших сопротивление, хотя случались эксцессы. Предотвратить это не было возможности»*. Получается, уничтожение целых деревень – это эксцессы. Сущий пустяк, на который можно не обращать особого внимания. Так все и поступали. Анненков ведь на тот момент – один из кумиров антибольшевистских сил.

Анненковцы. Во всем стремились походить на своего командира, словно соревнуясь, кто прольет больше крови

Он презирал азартные игры, не курил и не пил, не был замешан в скандальных любовных похождениях. Один из современников даже назвал его «фундаментом, на котором возродится русская армия». Анненков стремился установить в своих частях своеобразную военную демократию, основы которой закладывались им еще со времен Первой мировой. Железная дисциплина сочеталась в войсках с особым духом товарищества, позволявшим бойцам, независимо от звания, называть друг друга «братьями» и обращаться на «ты». Офицером можно было стать, только пройдя все ступени, начиная с рядового. Все это не нравилось кадровым

военным, многие из которых уезжали из анненковских частей, отказываясь служить под началом своих бывших подчиненных. «Старых генералов я считал хламом», – любил повторять атаман. Он выдвигал молодежь, ссылаясь на печальный опыт мировой войны. В своих мемуарах отмечал потом: *«Особое значение я придавал поддержанию правильных взаимоотношений в отряде. Дело в том, что многие офицеры царской армии были далеки от солдат, не вникали в их нужды, проявляли высокомерие и грубость. Поэтому у меня проводилась кадровая политика с учетом прошлых уроков».*

В дивизии Анненкова было запрещено употребление спиртного. Замеченные в пристрастии к алкоголю надолго в рядах «черных гусаров» не задерживались. О нравах, царивших у партизан, уже тогда рассказывали легенды. «Штаба и свиты у атамана нет, – писала одна из сибирских газет в середине 1919 года, – только печатная машинка и вестовые. За сквернословие на третий раз изгонялись. Образцовая дисциплина, преобладают интеллигентная молодежь, казаки и киргизы». Порядок в своих партизанских частях Анненков поддерживал, опираясь на военно-полевой суд, состоявший из офицеров, и специальную комиссию, действовавшую на основе дореволюционных законов и приказов штаба Верховного главнокомандующего.

Стоит также сказать, что Борис Владимирович пошел, пожалуй, дальше других вождей белых армий. Он лично внес изменения в молитву, чтобы она больше подходила для борьбы с большевиками. В новом варианте она содержала слова «Благослови достояние твое, победы нашему отряду на супротивника даруя». Никто не возражал. Лютый нрав Анненкова был известен всем. Он не признавал над собой никаких начальников, и прежде всего – адмирала Колчака. Дошло до того, что атаман отказался от присвоенного ему Верховным правителем России звания генерала, указав в ответной телеграмме, что ему и чина полковника вполне достаточно. Уговоры офицеров на Анненкова не действовали. Только спустя несколько месяцев он появился перед своим конвоем в новых погонах. Тут, что называется, комментарии излишни. Победить в войне с таким отношением к руководителям собственной армии нельзя, можно только проиграть. Что вскоре и произошло.

Анненков в сопровождении четырех тысяч бойцов и отступавшего населения ушел за границу, объявив специальным приказом о прекращении вооруженной борьбы и праве каждого солдата и офицера самостоятельно определить свою дальнейшую судьбу. В Китае белогвардейцы оказались в сложном положении. Они выполнили главное требование властей – сдали

оружие. Взамен ежедневно получали лишь по 300 граммов хлеба. Голодающие казаки были вынуждены есть своих лошадей. Многие не выдерживали, уходили из отряда с обещанием вернуться, если будет объявлено о продолжении борьбы.

К июлю 1920 года осталось только 670 самых стойких бойцов. Но среди них не было самого Анненкова. Впрочем, по вполне уважительной причине: он отбывал тюремное заключение. Официально – по обвинению в подготовке вооруженного восстания. На самом деле – от генерала требовали передать китайскому правительству «золото Колчака», к которому Анненков не имел никакого отношения. В своих мемуарах он писал: *«Китайцев неотступно преследовала мысль о наличии у меня крупных ценностей, и они рассчитывали путем моего заключения вынудить меня к передаче этих денег им. Но я действительно не имел при себе больших ценностей. Переходя границу, у меня были лишь обесцененные колчаковские деньги».*

Лишь в результате неоднократных обращений бывшего начальника штаба его дивизии полковника Денисова к властям, а также к посланникам стран Антанты в Китае Анненков в феврале 1924 года был освобожден. Он решил полностью отойти от участия в эмигрантском движении и уехать в Канаду, но не смог найти средств для получения визы. Практически сразу 35-летний генерал стал получать многочисленные настойчивые предложения включиться в деятельность антисоветских организаций. Однако он предпочел уклониться от активной борьбы. 10 апреля 1926 года неожиданно для всех Анненков со своими ближайшими сподвижниками был отправлен китайцами через Монголию в Советскую Россию.

Известно, что большевики в это время добивались передачи им ряда руководителей Белого движения, в том числе и Анненкова. 20 апреля газета «Новая Шанхайская жизнь» опубликовала письмо Бориса Владимировича в ЦИК СССР «с искренней и чистосердечной просьбой о прощении» и помиловании – если не его самого, то менее виновных бывших его соратников. Кроме того, атаман выступил с обращением к своим сторонникам прекратить борьбу с большевистской властью: *«Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу, что Гражданская война и борьба с Советами были глубоким заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах, говорит, что она твердо и неуклонно ведет народ к достижению намеченных идеалов».*

Открытый процесс над Анненковым и Денисовым состоялся в Семипалатинске летом 1927 года. Вердикт всем был ясен еще до первого

заседания. Вряд ли сами подсудимые тешили себя иллюзиями. Совершенных преступлений хватило бы на десять смертных приговоров. 25 августа они были расстреляны по приговору военной коллегии Верховного суда. Лучшим некрологом Анненкову стали слова бывшего полковника Генерального штаба Колесникова: *«Внимательно прочтите мемуары этой канальи с челкой, и вы увидите, в какое он геройство ставит свое неподчинение адмиралу Колчаку. Человеку, которого знала вся страна, кто был овеян славой, о ком рассказывали легенды, чье имя было на устах у каждого».*

Не будем сейчас мелочными и обойдемся без долгих обсуждений, был ли овеян славой адмирал Колчак по итогам Гражданской войны, и если да, то какой именно? Это вопрос второстепенный. Главное в ином. Повторяю: вот за таких многочисленных анненковых и несет Верховный правитель России прямую ответственность. Перед современниками. Перед судом истории. Перед потомками. И забывать об этом не рекомендуется. Не ради прошлого, ради будущего.

Поход на Москву

Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм засорили списки командующего генералитета вредным элементом.

Генерал Деникин

Весна 1919 года. Золотое время Белого движения. Военная удача и политический успех, которые, казалось бы, постоянно сопутствовали большевикам, внезапно им изменили. Причем на многих направлениях. Конница полковника Шкуро, который позже станет группенфюрером и начальником резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС, продвигалась на юг к Азовскому морю. Конница генерала Улагая разбила красную кавалерию под руководством Думенко. В плен попали шесть полков с артиллерией, обозами и штабами. Генерал Врангель, так же во главе конной группы войск, наносил противнику одно чувствительное поражение за другим.

Троцкий быстро оценил ситуацию. Именно он, провозгласив лозунгом текущего момента «пролетария – на коня», сыграл решающую роль в создании всесокрушающего кулака Рабоче-крестьянской красной армии. Речь, как многие, наверное, уже поняли, идет о Первой конной армии. А главным действующим лицом в этой легенде времен Гражданской войны стал будущий маршал Советского Союза Семен Буденный.

Еще в феврале 1918 года лихой кавалерист, кавалер полного Георгиевского банта, за Первую мировую войну сформировал на Дону конный революционный отряд. В дальнейшем он становится командиром первого конного корпуса. А потом наступило 6 декабря 1919 года. Уверен, что эта ничем не примечательная дата ничего не скажет подавляющему большинству моих читателей. А ведь именно в этот день был подписан Приказ № 1 о создании Первой конной армии под командованием Буденного. Судьба русской смуты была решена.

Для осознания этого вовсе не требуется заканчивать Академию генерального штаба.

Отличительной особенностью Гражданской войны является ее маневренность, а главной ударной силой, и

совершенно понятно почему, была кавалерия.

В данном случае – Первая конная армия. Те самые буденновцы. Именно в их рядах воевал товарищ Сталин. И не только он: список известных всей стране первоконников производит впечатление и сегодня: маршалы Советского Союза Ворошилов, Тимошенко, Мерецков, Кулик, Гречко, генералы армии Апанасенко, Хрулев, Городовиков, Белов, Кривошеин. А полковников – и не сосчитать.

Стоит ли после этого удивляться тому, что в середине 30-х годов народный комиссар обороны Ворошилов открыто заострил в советской печати важнейший вопрос: а не перенести ли нам, дорогие товарищи, день рождения Красной армии с 23 февраля на 6 декабря, в честь всенародно любимой Первой конной? Поскольку, мол, мы говорим Красная армия – подразумеваем буденновцев. И, разумеется, наоборот.

С. М. Буденный. Лучший кавалерист времен Гражданской войны, создатель легендарной Первой конной армии

Очередная идея Климента Ефремовича поддержки не получила. Не очень, правда, понятно, по какой причине. То ли товарищ Сталин в тот момент был занят выкорчевыванием многочисленных врагов народа, то ли вождь и наставник пролетариата и передового крестьянства посчитал, что тем самым он нанесет страшную обиду всей остальной победоносной Красной армии. Так или иначе, но вопрос повис в воздухе. Хоть эту дату и отмечали всенародно, официальным государственным праздником 6 декабря так и не стало. А после Великой Отечественной войны о ней и

вовсе забыли – у народа появились другие памятные события.

Но мы с вами забежали вперед. На дворе у нас, напомним, весна 1919 года. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (именно так стала называться Белая армия) генерал Деникин стал главным и самым страшным врагом Советской власти. Заслуженно стал. Его войска постепенно стали контролировать территорию в 820 000 квадратных километров с населением 42 миллиона человек. Белые офицеры становились героями у обывателей.

В Советском Союзе историю о Гражданской войне с лихвой заменял рассказ о борьбе классово́й. Все, что мы знали о белых армиях, – так это то, что они стремились возродить монархию, опирались на помощь Антанты и нещадно расстреливали рабочих и крестьян. И в самом деле: кого из лидеров Добровольческой армии вы знаете? Возможно, только Врангеля, Колчака и Деникина, и то лишь потому, что Антон Иванович был перезахоронен в Москве. Туркул, Неженцев, Тимановский – эти фамилии ничего не говорят рядовому россиянину. А ведь эти люди были одними из самых блистательных офицеров той эпохи. В их ряду и генерал Владимир Манштейн-младший. Как и большинство фронтовых офицеров, он не принял революцию. Командир ударного батальона на Румынском фронте считал для себя невозможным спокойно наблюдать гибель старой императорской России. Когда же Манштейн услышал, что в Яссах полковник Дроздовский формирует бригаду русских добровольцев для отправки на Дон, он не раздумывая записался в отряд рядовым бойцом и был зачислен в офицерский полк. Тот самый полк, который наряду с Корниловским и Марковским стал гордостью Белой армии.

МОЛОДЦЫ КОРНИЛОВЦЫ!

Плакат «Молодцы корниловцы».

Агитация у белых работала из рук вон плохо

Во втором Кубанском походе осенью 1918 года Владимир Манштейн был назначен командиром батальона родного офицерского Дроздовского полка. Но уже через два месяца он получил тяжелейшее ранение в одной из атак. По устоявшейся в Добровольческой армии традиции офицеры всегда

шли впереди, поэтому и потери их превышали все допустимые нормы. К примеру, командир батальона Корниловской ударной дивизии Фукс после каждой атаки оказывался в лазарете. В результате он был ранен 14 раз и лишился левой руки. То же случилось и с Манштейном. Пуля застряла в плече, началась гангрена. Врачи ампутировали руку, но гангрена стала распространяться дальше. Доктора рискнули вылущить лопатку – это был последний шанс спасти молодого штабс-капитана. Около Манштейна постоянно дежурила сиделка, круглые сутки он был под наблюдением врачей. И случилось чудо – началось выздоровление.

Генерал В. В. Манштейн.

Один из самых легендарных молодых генералов Белого движения

Как вспоминала позднее сестра милосердия Добровольческой армии Зинаида Мокиевская-Зубок, популярный в войсках молодой офицер остался кривобоким, но живым. К удивлению всех, едва оправившись от

раны, он вернулся в родной полк, хотя врачи настоятельно советовали ему подать в отставку. Однако Манштейн категорически отказался. И дело даже не в том, что вместе с ним служили четверо его братьев и отец. Скорее всего, для штабс-капитана была невыносима сама мысль о том, что он устранился от спасения Родины. Его близкий друг, последний командир Дроздовской дивизии Антон Туркул писал уже в эмиграции: *«У него было какое-то томление земным, но он верил и знал, что на честной крови белых взойдет вновь христианская Россия. В огне у Владимира было совершенное самообладание, совершенное презрение к смерти. Большевики прозвали его Безруким Чертом»*.

Выжив после столь страшного ранения и оставшись на всю жизнь инвалидом, Владимир Манштейн ожесточился. Нет, белые и до этого особо не церемонились с попавшими в плен комиссарами. Но в этом случае была скорее ответная реакция на новый революционный порядок. Ведь уже к середине 1918 года даже романтично настроенные бывшие гимназисты из Алексеевской дивизии поняли, что в стране началась война на истребление. Для фронтовых офицеров, израненных в штыковых атаках и награжденных Георгиевским оружием на фронтах Первой мировой, все стало ясно еще во времена зарождения Добровольческой армии. Тем не менее, Манштейн своей непримиримостью удивлял даже многих своих сослуживцев. В Дроздовской дивизии его за глаза называли «истребителем комиссаров» и говорили, что он не уступает своему другу Туркулу ни в смелости, ни в жестокости. Наибольшее впечатление на всех произвел такой случай.

Однажды, зайдя с отрядом из нескольких человек в тыл красных, Манштейн своей единственной рукой отвинтил рельсы, устроив таким образом крушение нескольких отступающих эшелонов.

Среди взятого в плен комсостава оказался и бывший полковник императорской армии. Манштейн, выкрикивая страшные ругательства, медленно стал ввинчивать ствол нагана в плотно сжатые зубы пленного. «Военспецом называешься? Дослужился? А ну, глотай!» Случай действительно страшный. Но в то время по-другому и быть не могло. Красная дивизия червонного казачества, против которой и воевали дроздовцы, поступала с пленными белыми офицерами еще более жестоко – чего стоит только сжигание живьем за «малиновые» погоны. Но запомнился Манштейн не только расстрелами пленных большевиков. Его храбрость и мужество признавались даже врагами, а это дорогого стоит.

Для чинов Добровольческой армии он был эталоном нестигаемого воина. Командир Дроздовской дивизии генерал Туркул так описывал Манштейна: *«Золотой погон свисал у Владимира с пустого плеча на одной пуговице. В его лице, всегда гладко выбритом, в приподнятых бровях, в его глазах, горячих и печальных, было трагическое сходство с Гаршиным. Что-то птичье было в нем, во всех его изящных и бесшумных движениях. Его походка была как беззвучный полет».*

Стоит ли удивляться, что с такими нестигаемыми бойцами наступление деникинских войск развивалось завидными темпами. Только за один месяц белые, не обращая никакого внимания на отчаянное сопротивление большевиков, продвинулись на 300 километров. Были взяты Харьков, Белгород, Екатеринослав (так в то время назывался Днепропетровск). Части барона Врангеля стремительно продвигались к Царицыну (сегодняшнему Волгограду). Большевики во главе со Сталиным поклялись превратить его в «красный Верден», но не отступить. Если кто-то не знает, в Вердене в годы Первой мировой войны произошла самая кровопролитная на тот момент битва в мировой истории. Французы и немцы суммарно потеряли около миллиона человек, из них убитыми – 430 тысяч.

Но одно дело – громогласные заявления, пусть даже за авторством лично товарища Сталина, и совсем другое – их успешное воплощение в жизнь. С последним вышло плохо. Армия Врангеля прорвала оборону красных и захватила имевший огромное стратегическое и экономическое значение город. Почему – объяснять не стану. Вспомните только немецкое наступление в том же районе в 1942 году, маниакальное желание Гитлера любой ценой захватить Сталинград.

Успешное наступление открыло перед генералом Деникиным прекрасные перспективы. Представьте себя главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Соберите совещание. Послушайте Романовского и Лукомского. Свяжитесь по телефону с Кутеповым и Врангелем. Оцените оперативную обстановку и потенциальные риски. Не торопитесь, взвесьте все обстоятельно. Вы понимаете, что нужно наступать без остановок. Промедление будет играть на руку противнику. Большевики наверняка успеют подтянуть резервы, а у вас с этим дела обстоят не блестяще. Людей катастрофически не хватает. То есть в тылах, конечно, ошивается множество офицеров, но на фронт они не рвутся. Не под конвоем же их туда доставлять. А значит, всеми имеющимися силами надо совершить бросок на Москву. Падение столицы большевиков автоматически означает победу в войне, тем паче что на другом

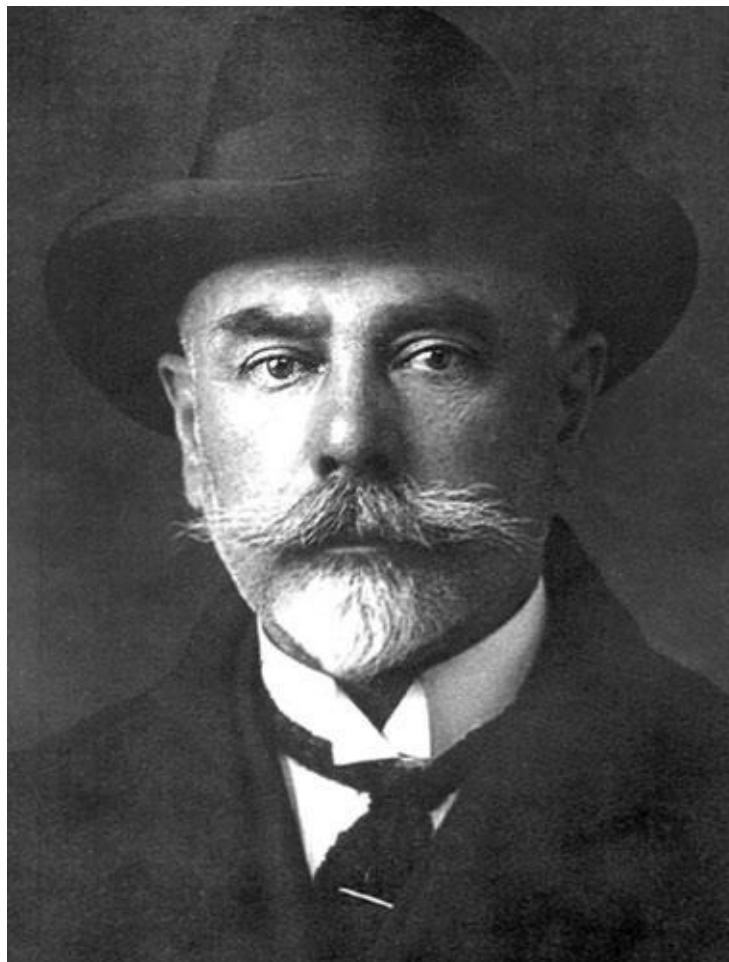
направлении успешно наступает адмирал Колчак.

Деникин ровно так и поступил. Белым последовательно удается захватить Херсон, Николаев, Одессу, Киев и Курск. Триумф полный. Праздничный перезвон московских колоколов ласкал слух деникинским войскам. Дополнял его успех конницы генерала Шкуро – его казаки закрепились в Воронеже. И поскольку этот персонаж уже второй раз появляется на страницах этой книги, то самое время приглядеться к нему внимательно. Особенно в свете многочисленных спекуляций вокруг него.

Его имя обросло легендами еще в первые месяцы Гражданской войны. Рассказывали, как однажды он попросился ночевать в одну хату. Страшно уставший, чувствуя боль в сердце, лег, отвернулся к стене. Скинул бурку, посыпались на пол патроны. С того дня и пошла гулять молва, будто атамана Шкуро пуля не берет, застревает в одежде. Боевой офицер, награжденный Георгиевским оружием, он прославился еще в годы Первой мировой войны. За его голову немцы предлагали 60 тысяч марок. Надо же, удивлялся тогда казак, ценят меня больше, чем я сам себя.

Убежденный монархист, он, естественно, не принял революцию. По-другому и быть не могло. Ведь Шкуро служил в кавалерийском корпусе графа Келлера, известного своей личной преданностью государю императору. После захвата большевиками власти молодой есаул в отчаянии бросил: «Буду драться хоть с самим с чертом! Только бы не видеть этих проклятых митингов и этих митингующих лиц». Он сформировал казачий партизанский отряд, который стали называть «Волчьей сотней». Черный флаг с серебряной головой волка и лозунгом «Вперед, за единую и неделимую Россию!» стал одним из символов контрреволюции на юге страны.

Талантливая и авантюрная натура Шкуро особенно проявилась 7 июля 1918 года. Тогда под Ставрополем он лично составил ультиматум, адресованный большевикам. В этом весьма курьезном документе он требовал сдать город в 42-часовой срок. В противном случае грозился разгромить его тяжелой артиллерией. Большевики не рискнули связываться с известным своей стойкостью отрядом и предпочли оставить город. Шкуро, гордо восседая на своем коне, триумфально въехал в Ставрополь, и толпы городских обывателей приветствовали его громкими криками и хлебом-солью. В своих воспоминаниях Шкуро с усмешкой отмечал: «У меня не было не то что тяжелой, но даже легкой артиллерии».

Генерал А. И. Деникин, главнокомандующий белыми армиями на Юге России

Подобные приемы ведения войны не нравились воспитанникам Николаевской академии Генерального штаба, таким, например, как барон Врангель. Зато главнокомандующий Добровольческой армией Антон Иванович Деникин, пожимая руку казачьему атаману, сказал тогда: «Родина вас не забудет». Сохранилось и еще одно свидетельство взятия Ставрополя. Журналист Николаев опубликовал в «Донском вестнике» в марте 1919 года статью «Генерал Шкуро»: «Он – романтик! Он любит бой, любит развернутые знамена, лично ведет в атаку свою “волчью” сотню. Заняв Ставрополь, он ввел в него свои войска под музыку, под звон колоколов. Иные идут по трупам, а я иду по цветам – такую фразу приписывает Шкуро молва».

5 января 1919 года «Волчья сотня» штурмом взяла Кисловодск. Город сильно пострадал за время правления большевиков. Многие дома были разграблены, вырублена знаменитая тополиная аллея, многих расстреляли

во имя нового революционного порядка. В те дни особыми зверствами отличился комиссар Ге, бывший студент Петербургского технологического института. Именно по его приказанию без суда и следствия у подножия Машука было убито 103 офицера бывшей императорской армии. Взяв Кисловодск, Шкуро объявил себя представителем верховной власти и даже свои деньги пустил в ход, так называемые «шкуринки» – найденные на складах этикетки от минеральной воды.

Большевики решили во что бы то ни стало покончить с грозным казачьим атаманом. На борьбу со злейшим врагом советской власти были выдвинуты революционные отряды из Пятигорска, Армавира и Астрахани. Однако Шкуро удалось вырваться из окружения – сказался опыт партизанских действий в Первой мировой войне.

После короткой передышки, если в Гражданской войне таковая вообще случалась, его казаки были переброшены на Донской фронт, где 15 тысяч белых пытались сдержать страшный натиск четырех армий красных, насчитывавших 75 тысяч штыков. Потери были чудовищными. Только в корниловском полку за четыре месяца погибло 3303 человека. «Волчья сотня» штурмом овладела Мариуполем, разгромив отряды Махно и взяв в плен 40 тысяч красноармейцев. За подвиги и беспримерную доблесть Шкуро был произведен Деникиным в чин генерал-лейтенанта и назначен командующим конным корпусом. В то время среди его казаков ходил такой анекдот: «Где Шкуро?» – спрашивает Троцкого Ленин. «Белогвардейский бандит Шкуро со своим отребьем находится на нашей территории и принимает меры к нашей ликвидации», – с горечью отвечает Троцкий. Оценка на тот момент была более чем справедливой.

Летом 1919 года популярность Андрея Шкуро достигла апогея: в Ростове были выпущены сразу две книги, посвященные казачьему атаману – «Генерал Шкуро» и «Генерал-партизан Шкуро». Так же назывался и один из бронепоездов Добровольческой армии. Сам же герой книг был награжден орденом Бани королем Георгом V за борьбу с большевизмом как мировым злом. Этот старинный орден в форме креста был учрежден в 1339 году Генрихом IV. Новопосвященных рыцарей купали – отсюда и название ордена. Кавалер его получал личное дворянское звание «рыцарь».

Из русских военачальников этой награды удостоились князь Барклай де Толли и генералы Добровольческой армии Деникин и Романовский. В своих воспоминаниях генерал Шкуро с гордостью писал: *«Чрезвычайно тронутый вниманием и высокой оценкой моей деятельности английским королем, я решил никогда не расставаться с этим орденом»*. И все же

генералу пришлось с ним расстаться. Протестуя против выдачи Советскому Союзу казаков летом 1945 года, он снял с груди орден и кинул его под ноги английскому офицеру, сопроводив это весьма выразительной тирадой...

За скобками в этой красивой и правдивой истории остался суший пустяк. Совершенные казаками Шкуро военные преступления.

Сами белогвардейцы говорили, что плохо приходилось комиссарам, которые попадали в руки генерала. При этом необходимо понимать, что в реалиях Гражданской войны комиссаром мог оказаться любой. Не понравился чем-нибудь с первого взгляда – и без второго слова имеешь перспективу встать к стенке или быть повешенным. Такая эпоха тогда была. Но находились и те, кто выделялся даже на фоне общей жестокости.

Одним из них был Шкуро. Приведем простой и жуткий пример его деятельности. С боем была взята столица махновского движения Гуляй-Поле. Полк еврейской самообороны был вырезан полностью. Этого освободителям показалось мало. Изнасиловали около 800 местных евреек – от девочек до старух. Потом им вспарывали животы, расстреливали, вешали. Нынешние защитники Шкуро старательно предпочитают не вспоминать подобные эпизоды. Так проще рисовать пример белого рыцаря.

Деникин до поры до времени на эти, как тогда говорили, эксцессы закрывал глаза. Если бы только Шкуро отличался подобным поведением, проблему еще можно было решить, пусть и с большим трудом. Но действительность Гражданской войны толкала на террор любого ее участника. Неважно, был ли он красным или белым. Повторяю: убивали все. Разница была лишь в степени проявленного зверства. У многих она была превосходной.

Именно это, на мой взгляд, послужило основной причиной того, что простой народ не пошел за белыми, а поверил красным. Началось закономерное отступление по всем фронтам. И происходило оно по примерно одинаковой схеме, трагичной и поучительной. Возьмем для примера Мурманск, где действовал генерал Миллер. 10 июня 1919 года Верховный правитель России адмирал Колчак назначил его главнокомандующим Вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте. Миллер уже поздравлял свои войска, считая это первым шагом к объединению страны под руководством Верховного главнокомандующего. Но сделал он это преждевременно, ибо ровно в этот момент началось отступление армий Колчака.

И тут же последовал еще один удар – английским командованием было принято решение об уходе из Мурманска. Поступок союзников вызвал всеобщее возмущение, англичане прямо обвинялись в предательстве. Начальник оперативного отдела Генерального штаба полковник Костанди попросил о встрече с представителем союзников и, отдав честь, положил ему на стол британский орден, которым был награжден. В сопроводительном письме он отметил, что считает ниже достоинства русского офицера носить награду страны, представители которой изменили данному своим союзникам слову. Генерал Миллер мужественно встретил плохие новости. Вот как об этом вспоминал английский генерал Айронсайд: *«Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда я сообщил ему дурную весть. Лишь по его светло-голубым глазам я мог догадаться, как ужасно он устал. Пару минут он смотрел на меня, не говоря ни слова. Я протянул руку, и он сжал ее мертвой хваткой».*

После краха белой борьбы на Севере России в феврале 1920 года Миллер эмигрировал во Францию. Там он будет долго и безуспешно отбиваться от обвинений в чрезмерной жестокости. Ему, например, никогда не забудут создание концентрационного лагеря, куда по малейшему подозрению сажались многочисленные враги белогвардейцев. Да, вы не ошиблись. Первыми так бороться с политическими оппонентами стали именно вожди антикоммунистического сопротивления. И они же потом удачно спишут собственные грехи на красных, благо те оперативно создадут для тех же нужд ГУЛАГ.

На Северо-Западе России крах борьбы с большевиками произошел еще более стремительно. По воспоминаниям современников, герой Эрзурума Николай Николаевич Юденич был прекрасным военачальником, доблестным и храбрым солдатом. Но, как справедливо отметил писатель Александр Куприн, чтобы стать вождем Белого движения на Северо-Западе России, нужны были не только полководческие качества, но и дар тонкого и дипломатичного политика. Этого не наблюдалось в принципе. Правительство Юденича так и не выработало сколько-нибудь четкой линии в своей деятельности. Указов и постановлений издавалось великое множество, и зачастую они носили взаимоисключающий характер.

Большинство распоряжений было адресовано крестьянам. Так, в одном из проектов аграрных решений стоял такой пункт: *«Охранять от хищений коммуны, советские имения, питомники и хозяйства, которые могли бы впоследствии послужить общественным целям».* Автора этого документа установить сейчас невозможно, но, судя по всему, это явно не Юденич. Как свидетельствуют все те же современники, Николай

Николаевич вообще весьма неохотно занимался правительственными делами. Главным он считал вооруженную борьбу с большевизмом, поэтому почти все его распоряжения касались только Северо-Западной армии.

28 сентября 1919 года войска перешли в наступление на Петроград. После упорных боев удалось захватить Гатчину и Красное Село. До бывшей столицы Российской империи оставалось всего 20 километров. Передовые отряды были на ближних подступах к Питеру – конные разъезды Добровольческой армии уже любовались золоченым куполом величественного Исаакиевского собора. Однако дальше случилось то, что не могли даже спустя годы объяснить лидеры Белого движения – отступление и разгром.

Стоит подчеркнуть, что сам Юденич до конца своих дней хранил по этому поводу гробовое молчание. Да и что он мог сказать, если никаких вооруженных восстаний, никаких забастовок, на которые так рассчитывал Николай Николаевич, в Петербурге не произошло? Не мог знать тогда генерал, что по приказу Троцкого уже были расстреляны все, кто возглавил бы борьбу с большевиками в городе на Неве. Офицеров ставили к стенке, как только их помощь Юденичу была доказана следствием. Поступать так же в отношении большевиков генерал категорически запрещал. Уже в эмиграции многие обвиняли его в излишней либеральности. Генерал Родзянко с горечью отметил в своих воспоминаниях: *«Большевицкая агитация росла и росла. Никаких серьезных мер против нее не принималось, и красные агенты обнаглели до того, что не только открыто показывались на улицах, но и спокойно завтракали и обедали в ресторанах. Настроение становилось все более нервным»*.

В довершение всего, в армии генерала Юденича стала падать воинская дисциплина, усилилось дезертирство. Некоторые полки порой по два дня оставались без хлеба, не хватало боеприпасов, не было автомобилей, и на вооружении состоял всего один танк. Сдержать в таких условиях наступление красных генерал не мог. Измученная непрерывными боями, армия отступала. Командиры полков устроили совещание и попросили графа Палена передать Юденичу общее требование: уйти в отставку. Николай Николаевич не сопротивлялся. 1 декабря 1919 года он назначил нового главнокомандующего Северо-Западной армии – кавалера ордена Святой Анны генерала Глазенапа.

Именно ему Юденич и передал все оставшиеся деньги на борьбу с большевизмом – 227 тысяч фунтов стерлингов. Бывший глава Белого правительства на Северо-Западе России вручил при свидетелях подписку об отсутствии у него других средств. Об этом в тот же день написали

газеты. Георгиевский кавалер Юденич всегда дорожил своей честью. К сожалению, этого нельзя сказать о некоторых офицерах Северо-Западной армии.

Уже находясь в отставке, Николай Николаевич был арестован в гостинице Ревеля (ныне Таллин) своими бывшими соратниками. За происходящим, кстати, молча наблюдали трое эстонских полицейских. Юденича хотели судить за провал наступления на Петроград. *«Этот дряхлый старик не имел права брать на себя ответственность. Преступники те, кто выдвинул эту мумию на такой важный пост»* – так отзывался о Юдениче его давний противник генерал Родзянко. Однако уже через несколько дней Юденич был освобожден. Дальнейшая его судьба мало чем отличалась от сотен тысяч русских эмигрантов, которые после Гражданской войны лишились Родины. Генерал переселился в Англию. Известно, что он внимательно наблюдал за жизнью в советской России, изучая ежедневные газеты. Это, по сути, единственное, что ему оставалось в жизни.

Но трагичнее всего отступление белых армий происходило на Востоке России. Великий Сибирский ледяной поход по праву ассоциируется с генералом Каппелем. Деятельность вождей белых армий сегодня достаточно хорошо известна тем, кто интересуется этой темой. В сотнях книг описаны их непримиримая борьба с большевизмом и личные подвиги. Не только ведь одним террором жили эти люди. Но о Каппеле, главнокомандующем армиями адмирала Колчака в ее наиболее тяжелые дни, до недавнего времени не было опубликовано ничего, кроме общих скупых и сухих фраз. А между тем, он был одним из наиболее ярких вождей Белого движения. По свидетельствам очевидцев, даже внешний вид его сразу вызывал симпатию – выше среднего роста, крепко сбитый, хорошо сложенный, ловкий, подвижный блондин с вьющимися волосами.

Именно Каппель возглавил армию в Сибирском ледяном походе. Так называли белогвардейцы отступление колчаковских армий. Он наводил порядок в отступавших частях, пытался вдохнуть бодрость в бойцов, чтобы отступление не превратилось в бегство. В туманном сорокаградусном морозе, как в бреду, шли люди, забывшие, что такое теплая изба, путавшие день с ночью, утолявшие голод горстью муки или куском мерзлого сырого мяса. Шли люди с обмороженными черными лицами, удивленно озиравшиеся, если воздух не разрезали пулеметные очереди и винтовочные залпы. Армия призраков, верившая лишь генералу Каппелю.

Сильно похудевший, с покрытыми инеем бородой и усами, такой же голодный и промерзший, как и его солдаты, Владимир Оскарович требовал

от себя только одного – спасти армию. Министр сибирского правительства Георгий Гинс в своих воспоминаниях отмечал, что когда Каппель приказывал идти вперед – все шли, не задумываясь над тем, куда именно они идут. Армия верила своему командующему. Каппель все время был в авангарде. Плохо одетый, в разбитых сапогах, он вместе со своими бойцами прокладывал дорогу в глубоком снегу. И однажды случилось непоправимое – генерал провалился в сугроб по пояс. Промерзшие ноги вдруг обожгло, как огнем, бурки стали страшно тяжелыми. К нему бросились, помогли выбраться из сугроба...

Ноги через несколько минут покрылись коркой льда. До ближайшей деревни оставалось больше семидесяти верст. И он шел, не показывая вида, а ноги коченели, теряли чувствительность. Начался сильнейший озноб, временами Владимир Оскарович терял сознание. На третьи сутки его, не приходящего в себя, на коне довели до первого человеческого жилья – таежной деревни Барги. Здесь доктору пришлось простым ножом, без анестезии сделать ампутацию обмороженных пяток и некоторых пальцев на ногах Каппеля. Один из его близких друзей, полковник Василий Вырыпаев вспоминал уже в эмиграции: *«Вносят Каппеля в теплую избу, снимают валенки. До самых колен ноги твердые, как дерево, не гнутся. Часть пальцев уже умерла – спасти их нельзя. “Ампутировать немедленно”, – говорит врач. На другое утро генерал пришел в себя. “Доктор, почему такая адская боль в ногах?” И, услышав ответ, закрывает глаза...»*.

У богатого мехопромышленника каппелевцы нашли большие удобные сани, в которые хотели уложить больного прооперированного генерала. Услышав это, Владимир Оскарович удивленно взглянул на окружающих и немедленно потребовал своего коня. Сжавшего зубы от боли, бледного, худого, страшного генерала на руках вынесли во двор и посадили в седло. Он выехал на улицу – там шли части его армии. Преодолевая мучительную боль, Каппель выпрямился и приложил руку к папахе. Он отдавал честь тем, кого вел, кто не сложил оружия в борьбе.

Стоять и ходить Владимир Оскарович уже не мог. На ночлегах его осторожно снимали с седла и вносили на руках в избу, где, чуть обогревшись, он, лежа в кровати, приступал снова к обязанностям Главнокомандующего. Генерал вызывал своих офицеров, отдавал приказания. Так продолжалось больше недели. Состояние Каппеля ухудшалось – жар не спадал, пропал аппетит, временами он терял сознание. Сосредоточившись на обмороженных ногах, врачи не обратили внимания на появившийся у генерала кашель.

Держаться в седле он уже не мог, и его снова уложили в сани. 21 января 1920 года, чувствуя, что силы его оставляют, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского Главнокомандующим армиями Восточного фронта. Вместе с властью над войсками Владимир Оскарович передал ему также орден Святого Георгия, сняв его со своей груди. Незадолго до смерти он вручил генералу Войцеховскому обручальное кольцо, попросив передать его жене.

Трагичная история. И у любого нормального человека вызовет чувство жалости к блестящим русским офицерам, героям Первой мировой войны. Не за поместья и заводы сражались георгиевские кавалеры, молодые поручики, штабс-капитаны и полковники. За свои убеждения. Ничего другого у них не было. Они не могли не проиграть. Потому что их вожди, блестящие русские военачальники, оказались слабыми политиками, и когда дела застопорились, прибегли к проверенному средству – кнуту. С его помощью можно достичь определенных успехов. Белые достаточно близко подобрались к Москве. Но с помощью одного только кнута победить нельзя.

Двадцатый год – прощай, Россия

Мы идем на чужбину с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга.

Генерал Врангель

Я не случайно вынес в название этой главы строки известного эмигрантского поэта Николая Туроверова. Они точнее всего отразили последний этап Гражданской войны в стране. Тогда всем уже стало ясно: Белое движение терпит крах. В феврале большевики расстреляли в Иркутске адмирала Колчака. В марте, после Новороссийской катастрофы, генерал Деникин сдал командование барону Врангелю. За границу ушли остатки войск Юденича и Миллера. Добровольческая армия все еще старалась удержать Крым – последний клочок Русской земли, не попавший пока под власть большевиков. Генерал Туркул, командовавший в то время Дроздовской дивизией, в своих мемуарах писал: *«Полчища, то чем только и могли они нас подавить – валы цепей, находящие друг на друга, двигались атака за атакой. Грудь Белой армии была разбита»*. С этим трудно не согласиться.

А вот гражданское население Крыма до последнего дня пребывало в состоянии блаженного неведения. Чтобы не создавать паники и почвы для активизации и без того вовсе не пассивного большевистского подполья, газета «Время» специально взяла интервью у генерала Слащева, в котором тот со свойственной ему хвастливостью заявил: *«Жители могут быть вполне спокойны. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы на защиту»*.

Он ненавязчиво напомнил всем о собственных подвигах, когда он удерживал красных с четырехтысячным корпусом. Но тогда против Слащева было три дивизии, а не пять армий. Крым поверил и жил спокойно. Работали кинотеатры, в Таврическом дворянском собрании ставили пьесы лучшие актеры России из числа сбежавших от большевиков. В рядах же белых армий царили совсем другие настроения (легко представить, какие именно).

Лишь самые дальновидные жители полуострова уже начали подыскивать места на пароходах и покупать валюту. Крымский рубль, хоть и сильно обесценился, но еще конвертировался по курсу 600 тысяч за один

фунт стерлингов. Катастрофа 8 ноября 1920 года для многих грянула как гром среди ясного неба. Интересно, что даже в штабе Врангеля, где знали о положении дел на фронте лучше городских обывателей, не предполагали, какое преимущество обеспечили себе большевики. На 25 тысяч белогвардейцев красные обрушили 200-тысячную группировку войск. Конечно, барон понимал, что долго выстоять одна область против целой страны не сможет, но и он не ожидал, что развязка произойдет столь стремительно. 10 ноября на совещании с участием командира первого армейского корпуса генерала Кутепова было решено начать эвакуацию тылов. Для этого были реквизированы все коммерческие суда, находящиеся в портах. Стали грузиться лазареты, некоторые центральные учреждения.

Через французского посланника графа де Мартеля правительство Врангеля обратилось к властям Франции с просьбой о предоставлении убежища. Для предотвращения беспорядков, организуемых коммунистами, из работников штабов создавались команды, вооруженные винтовками и гранатами. Началась выдача населению документов на выезд из страны. В ночь на 12 ноября рухнули последние рубежи обороны. План эвакуации был к тому времени уже разработан, распределены корабли между частями, выделены транспорты для семей военнослужащих, тыловых и правительственных учреждений. Поручик Марковской дивизии Аркадий Слизской вспоминал спустя несколько лет: *«Последний день. Через несколько часов мы должны покинуть последний клочок русской земли. Почувствовать сердцем весь трагический смысл этих слов я еще не мог. Это произошло гораздо позднее, когда ослабла надежда на возвращение, когда стало ясно – эмиграция навсегда».*

Чтобы обеспечить быструю и планомерную погрузку, решили проводить ее в разных портах. Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизиям было приказано отходить к Севастополю, кубанским казакам – в Феодосию, а донцам – в Керчь. Штабу Врангеля удалось организовать эвакуацию по всем правилам военной науки. Даже несмотря на свое десятикратное превосходство, части красных были измотаны боями. Понимая, что белогвардейцам нечего терять и они будут сражаться до последнего патрона, Фрунзе направил Врангелю радиограмму с предложением капитулировать на особых условиях. Сдавшимся гарантировались жизнь и неприкосновенность, а тем, «кто не пожелает остаться в России, – свободный выезд за рубеж при условии отказа под честное слово от дальнейшей борьбы».

До сих пор не смолкает спор о том, что же заставило

*Фрунзе нарушить основной большевистский принцип
Гражданской войны – никакой пощады врагу?*

Возможно, красный командарм, уважая мужество противника, решил сыграть в рыцарское благородство. Но, как мне кажется, его поступком руководили чисто практические соображения: прижатые к морю чины русской армии Врангеля сражались бы с отчаянием обреченных и перебили бы еще немало красноармейцев. Это была роковая ошибка, о которой в тот момент еще мало кто подозревал.

М. В. Фрунзе.

Один из самых прославленных красных командиров

Главное всегда кроется в деталях. Попробуйте ответить на простой вопрос: была ли в результате Гражданской войны разбита Белая армия? Не торопитесь, подумайте как следует. Дело в том, что с точки зрения тактики – да, действительно, победа красных была однозначной. А если посмотреть на эту же проблему с точки зрения стратегии, результат получается диаметрально противоположным. И я объясню почему.

Троцкий создавал Рабоче-крестьянскую красную армию прежде всего для полного уничтожения русской контрреволюции, и только потом – для экспансии идей мировой революции. К этому призывал и Ленин. Достигли ли они этой цели? Нет, контрреволюция была побеждена, но не уничтожена. В этом принципиальная разница. С другой стороны, Алексеев и Корнилов, создавая Добровольческую армию, хотели зажечь светоч посреди тьмы, объявшей Россию. Эта задача была выполнена. Армия ушла в эмиграцию. Она признала себя побежденной на этом этапе, но не уничтоженной. Светоч горел еще долгие годы, пока последние корниловцы и дроздовцы не дополнили ровные шеренги своих соратников на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Идем дальше. Что означает определение «разбитая армия»? Падение боевого духа, отсутствие дисциплины, паническое бегство, дезертирство и полное разочарование в своих командирах. Всё это наблюдалось в русской армии образца 1917 года. Но вот три года спустя ничего подобного не происходило. Престиж генералов Врангеля и Кутепова не только не пострадал в результате крымской кампании, но, напротив, многократно возрос. Армия тесно сомкнулась вокруг своих командиров. И даже будучи рассеянной по всей Европе, не изменила себе. Напротив, разрозненные ряды контрреволюции сомкнулись в едином строю. Как только Врангель создал Русский Обще-Воинский союз, в него тут же вошли те, кто воевал против большевиков на Юге, Западе, Востоке и Севере России. А это значит, что основная цель – сохранение армии для дальнейшей борьбы – была выполнена.

Но и это еще не все. XX век изменил привычное представление о войне. Она зачастую становилась тотальной. Повлиять на результат могли уже не только полки и дивизии, артиллерийские дивизионы и морские десанты, но и идеологи. Больше того: именно слово стало цениться не меньше удачных рейдов по тылам. В эмиграции ветераны Белого движения создали о Гражданской войне такой пласт воспоминаний и размышлений,

что оценить этот объем до сих невозможно. Многие по сей день не только не издано, но даже еще и не попало в руки исследователей.

Спектр одних только журналов белой эмиграции и сегодня производит впечатление: «Часовой», «Вестник галлиполийцев», «Клич», «Вестник первоходника», «Связь по цепи марковцев», «Корниловец»... Десятки страниц с анализом текущего международного положения и призывами продолжать борьбу против большевизма до полной победы. А еще были сотни газет, переполненных тем же самым. И книги – тысячи наименований. И все об основном: война еще не закончилась, Кубанский поход обязательно продолжится.

Оцените ту конфигурацию, которая в результате сложилась. Сотрудниками советских спецслужб были ликвидированы начальники Русского Обще-Воинского союза генералы Кутепов и Миллер, благодаря подрывной деятельности Москвы сотни белых офицеров были втянуты в скандалы и опорочены навсегда. Но ни один из этих факторов не поколебал позиции русской контрреволюции. Как не надломил белогвардейцев и их неудавшийся реванш в годы Великой Отечественной войны. Это вообще лучшее доказательство того, что разгромить контрреволюцию не удалось.

Осенью 1941 года в русский охранный корпус на Балканах вступили все, кто мог. Принадлежность к вермахту никого из белых офицеров не смущала. Если на тот момент кто-то в СССР еще сомневался, что белогвардейцы прекратили свою борьбу в начале 1920-х годов, он получил блестящее подтверждение собственной недалекости. Хуже всего для государства рабочих и крестьян было то, что русская контрреволюция расширила свою географию. Теперь они сражались против ленинских идей уже по всей Европе.

Они старели в эмиграции, но при этом не дряхлели в спокойных европейских столицах. Политические интриги внутри эмиграции, соблазны заняться собственным бытом, старые ранения и призывы вернуться на Родину – ничто не могло остановить этих людей. Многие из них уже физически не могли бы чеканить шаг в психических атаках без единого выстрела. Их оружием стала непоколебимая убежденность в собственной правоте. Они не шли в рядах своего полка на пулеметы, не прорывались вперед сквозь огонь красной артиллерии и не командовали «Эскадрон, шашки наголо!» Но они ежедневно атаковали позиции коммунистов в идеологических схватках. И небезуспешно, стоит признать.

Корниловцы, 1967 год. И спустя полвека после русской революции они не смирились с поражением в Гражданской войне

Я не в силах привести аналогичный пример из мировой истории. Быть армией без государства. Без территории и власти, но с историей и традицией. Быть рассеянной по всему свету, но при этом оставаться армией. Быть вне своих полков, но ежедневно сохранять верность полковым традициям. Наконец, быть вне России долгие десятилетия, но при этом быть русскими до последнего вздоха. Жить и умирать на чужбине под песню «Снова мы в бой пойдем за Русь Святую».

Но вернемся к Фрунзе и его непопулярному среди большевиков решению. В 90-х годах, на волне очередного стремительного пересмотра истории страны, появилась еще одна версия странного поведения красного командира. Дескать, он мыслил как профессиональный полководец и хотел сохранить для своих войск цвет русской армии. Как вспоминали уже в эмиграции белогвардейцы, на их позиции разбрасывались с аэропланов листовки с предложением капитуляции. Интересно, что подписано это воззвание было генералом Брусиковым при весьма любопытных обстоятельствах: его обманули, сообщив, что в Крыму произошел переворот, и Врангеля свергли. С помощью авторитета прославленного генерала коммунисты без труда могли переманить чинов «цветных» полков

в Красную армию. О реальных же планах большевиков красноречиво свидетельствует телеграмма Ленина Фрунзе: *«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, то есть невыходу из Крыма ни одного судна. Если же не примет – расправиться беспощадно».*

В свою очередь, правительство Франции после некоторых колебаний согласилось предоставить убежище русской армии. Правда, потребовало «под залог» передать корабли флота. Выбора не было – нужно было спасать людей. 12 ноября 1920 года вышел приказ Врангеля об общей эвакуации, который заканчивался словами: *«Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье».*

Лишь Слащев-Крымский настаивал на том, что нужно стоять до последнего. Он ежечасно придумывал новые варианты разгрома большевиков. Последнее его предложение было кратким: *«Всю тыловую сволочь под ружье и в бой».* В ответ генерал Кутепов лишь грустно заметил: *«Положить армию в поле – дело нехитрое».* За это командиру 1-го корпуса отдельно досталось в мемуарах Слащева – дескать, как был Александр Павлович безграмотным фельдфебелем, так и остался, и лишь по недоразумению именуется теперь «ваше превосходительство».

Слащев – вообще фигура интереснейшая. Во многом благодаря популярному роману Михаила Булгакова «Бег» и его удачной экранизации его можно назвать одним из самых известных лидеров белых армий.

Ведь именно он послужил прообразом Хлудова. Как шутили современники, генерал был явным любимчиком фортуны. В Белом движении, не говоря уже про большевиков, он удостоился сразу нескольких прозвищ: «Слащев-Крымский», «Слащев-вешатель» и даже «Генерал-предатель Крымский». Но белогвардейцы называли его просто, можно даже сказать, фамильярно – «генерал Яша». Прозвищем этим он необычайно гордился и даже иной раз сам себя так и представлял в докладах Главнокомандующему русской армией барону Врангелю. Надо сказать, что барон не забыл этого и уже в эмиграции в своих воспоминаниях так отозвался о Слащеве: *«Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному*

пристрастию к вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался».

За обтекаемой врангелевской формулировкой скрывается сущий пустяк: сотни смертных приговоров, подписанных лично Слащевым. Но до сих пор мало кому известно, что больше половины из числа казненных были вовсе не подпольщики-большевики, пленные комиссары или партизаны, а свои же белые офицеры, допустившие вандализм, мародерство, грабеж, дезертирство и трусость. То есть террор Слащева носил вовсе не классовый характер. Принципиальный был в этом смысле человек.

Генерал Я. А. Слащев. О нем тогда в народе гуляла поговорка «По России стоит дым – то Слащев спасает Крым»

Уголовщину в Крыму и в подчиненных ему частях Белой армии Слащев действительно выжигал каленым железом, не останавливаясь ни перед чем и не размышляя о последствиях особенно долго. Действие у него всегда опережало мысль. Хотя надо признать, что в некоторых случаях это было как раз неплохо. К примеру, в игорном доме Симферополя он лично арестовал трех офицеров, ограбивших еврея-ювелира, и тут же велел их повесить. Казнил солдата за украденного у крестьянина гуся. Не посчитался даже с полковничьими погонами и со словами «чин позорить нельзя» подписал смертный приговор одному офицеру. Хотя прекрасно знал, что тот из штаба Врангеля, и барон в восторге от подобного самоуправства точно не будет.

Однако перечить Якову Александровичу мало кто смел. Больше того, перед генералом неизменно трепетали и заискивали. Для этого были причины. Ведь именно он отстоял Крым в конце 1919 года при первом натиске красных. Уже тогда о его презрении к смерти и склонности к рисковому, даже показному авантюризму слагались легенды. А уж храбрость Слащева просто была притчей во языцех. Он семь раз был ранен в боях и всегда лично водил свой корпус в атаки.

Его бывшие сослуживцы уже в эмиграции вспоминали, как однажды Слащев отдал приказ юнкерам построиться в колонну, музыкантам велел играть марш и под ураганным артиллерийским огнем красных, с развернутым российским знаменем пошел в штыковую. Но одной только личной храбростью его военные дарования не ограничивались. Слащев был еще и талантливым стратегом. Не случайно уже тогда его операции против Красной армии тщательно изучались в штабах большевиков на самом высоком уровне. Однако постоянные скандалы с «тыловыми крысами» в генеральских мундирах, открытое третирование органов местного самоуправления в лице кадетов, эсеров и меньшевиков сильно подмочили и без того небезукоризненную репутацию Слащева.

Доставалось от «генерала Яши» и лидерам местной демократии, которые пытались протестовать против безостановочного террора. А уж любителям «веселой жизни» Слащев вообще спуска не давал. Чего стоят его приказы, расклеенные по всему Крыму: *«Опечатать винные склады и магазины. Буду беспощадно карать. На всей территории запрещаю повсеместно азартную карточную игру. Содержателей всех притонов покараю не штрафами, а как прямых пособников большевизма. Пока берегитесь, а не послушаетесь – не упрекайте за преждевременную смерть».*

Постепенно противостояние между ставкой Врангеля и непокорным Слащевым переросло в фазу откровенного противостояния. Все началось при обсуждении плана наступления белых армий.

Генерал сразу заявил: если поляки идут на красных с Запада, нам надо, пользуясь случаем, ударить с юга им навстречу. Однако барон Врангель посчитал иначе. Он предлагал все силы бросить на Донбасс, как и советовали союзники. В глубине души Петр Николаевич понимал, что вариант Слащева – единственно верный. Но и терять союзников он не хотел. И без того ситуация была крайне тяжелой.

Словесная перебранка закономерно переросла в открытое противостояние во время торжественной церемонии возвращения генерала Врангеля из Константинополя в Севастополь. Почетный караул, прочувствованные речи, бравурные марши. Памятные и, как потом выяснилось, последние торжества белой России на родной земле. Семьдесят генералов собрались во дворце командующего флотом в Севастополе на совет и проголосовали за генерала Врангеля на посту Главнокомандующего. Лишь один генерал Слащев демонстративно злобно сплюнул под ноги и уехал к себе в Джанкой. Только там он опомнился.

Послал Петру Николаевичу поздравление с избранием его на столь высокий пост и даже сообразовал лично приехать командовать парадом войск. Врангель на всякий случай сделал ответный реверанс и присвоил Слащеву чин генерал-лейтенанта. Правда, своему окружению он тогда сказал: «Популярен, скотина, среди солдат!» Надо отметить, что и оппонент не остался в долгу. В своих воспоминаниях вскоре после тех событий он напишет: *«Я играл роль мавра, который еще не сделал своего дела, и потому мой уход был преждевременным. Врангель не внушал жителям Крыма особого доверия как военачальник, так как принадлежал к беженцам. Да и внутреннее его управление никого не удовлетворяло».*

Врангель, насколько было в его силах, старался выглядеть демократично – положение обязывало. Убежденный монархист, он никого не заставлял клясться в верности русскому престолу, на что, возможно, и намекал Слащев. Ведь Врангеля некоторые современники называли «последним рыцарем династии». А барон, наоборот, все делал для того, чтобы последний оплот контрреволюционного сопротивления выглядел презентабельно, в модном европейском духе. Действительно, ни одной белой армии не удалось в свое время установить в захваченных у большевиков областях хоть какое-то подобие демократии, даже отдаленное.

Многие вожди и вовсе не утруждали себя такими попытками.

Крым остался единственным исключением, подтверждавшим общее правило. Слащев же открыто насмеялся над усилиями Врангеля «демократизировать клочок российской земли в Крыму». Терпение барона иссякло. Он потребовал собрать доказательства, что генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев переутомился и не может больше возглавлять корпус. Контрразведка сработала на редкость оперативно. Уже через несколько дней на стол главнокомандующего русской армией легла характеристика на генерала: *«Опасен, явно сумасшедший. Способен на все: взорвать Крым, перейти на сторону Махно и даже большевиков...»*

После поражения в Крыму вместе с остатками Белой армии Слащев со своей двадцатилетней женой Ниной Нечволодовой оказался на окраине Константинополя. Поселился он в хибарке, сколоченной из досок, фанеры и жести. Но отсутствие подобающего высокому чину быта его не смущало. Генерал стал выращивать овощи и торговать ими на рынках города. В редкие часы отдыха внимательно просматривал прессу. Его одинаково проклинали и красные, и белые, сторонились союзники. Верность сохранили лишь несколько офицеров штаба. А тут еще в руки к генералу попал текст соглашения Врангеля с Антантой. Слащев не считал для себя возможным промолчать. *«Красные – мои враги, но они сделали главное – мое дело: возродили великую Россию! А как они ее назвали – мне на это плевать!»* — заявил он. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Все знали, что Яков Александрович несдержан на язык и в запале способен оскорбить кого угодно, но чтобы признать большевизм! В одночасье померкли даже ставшие к тому моменту легендарными его характеристики окружения барона Врангеля – «тыловая слякоть», «паразиты морального сыпняка» и «трусливая штабная сволочь». От Слащева мгновенно отвернулась вся русская эмиграция, он был разжалован в рядовые. Но ему и дела до этого не было, поскольку и не собирался признавать приказ Врангеля и подчиняться ему.

Между тем высказывание Слащева очень скоро стало известно в Москве. Ответный ход сделал лично председатель ВЧК Феликс Дзержинский. На заседании Политбюро он потребовал включить в повестку дня вопрос о приглашении бывшего генерала Слащева на службу в Красную Армию. Мнения лидеров большевиков разделились. Против выступили Зиновьев, Бухарин и Рыков. А вот «за», что гораздо важнее, – Каменев, Сталин и Ворошилов. Их голоса значили много больше. Воздержавшийся был всего один – Ленин. В результате в ноябре 1921 года на итальянском пароходе «Жан» Слащев со своим окружением прибыл в

Севастополь.

Советская Россия высоко оценила неожиданный поступок Слащева. Чуть позже его примеру последовали бывшие белые генералы Клочков, Зеленин, Доставалов, полковники Житкевич, Оржаневский, Климович и Лялин. Все они получили в Рабоче-крестьянской красной армии высокие командно-преподавательские должности, свободно выступали в дискуссиях по истории Гражданской войны. В 1922 году Слащев собственноручно написал обращение к офицерам бывшей Белой гвардии, находившимся в эмиграции. Призывал последовать его примеру и вернуться на Родину. За это руководители Русского Обще-Воинского союза заочно приговорили его как изменника к смертной казни, которую так никто и не привел в исполнение. Узнав об этом, бывший генерал Добровольческой армии разразился очередной статьей: *«Они – наши враги, и пусть же не опираются на верность Родине, в глазах пролетариата они – наемники капитала. В глазах всех честных людей, вдохновляющихся до сих пор отжившим свой век лозунгом “за Отечество”, они нанятые иностранцами предатели этого Отечества».*

К концу 1923 года Слащев закончил писать свои воспоминания. Он так спешил, что не только не удосужился просмотреть документы, но, кажется, даже ни разу не перечитал написанного. Похоже, конечный результат его интересовал мало. Важен был сам факт. Книга «Крым в 1920 году» получилась стилистически довольно неряшливой. Современники считали, что работе над мемуарами мешала прежде всего преподавательская деятельность генерала. Он параллельно читал лекции по тактике на курсах усовершенствования командного состава РККА, и времени для того, чтобы все сделать качественно, не хватало.

Но вот что интересно. Как признавался сам Слащев, своей службой на курсах он тяготился. Генерал усиленно стремился получить обещанный ему лично Дзержинским корпус. Каждый год он писал десятки рапортов с просьбой перевести его в действующую армию. И каждый раз не получал ответа. Нормальная практика того времени. В его служебной характеристике появилась такая запись: *«К работе стал относиться несколько небрежно, рвется в строй, не интересуется происходящим на курсах».* Однако это не мешало генералу близко общаться со слушателями, задерживаться после лекций и устраивать на своей квартире семинары по истории Гражданской войны. Уже потом, после смерти Слащева, один из его учеников, полковник Харламов, так отозвался об этих дополнительных занятиях: *«Уж больно много водки там выпивалось».* Опять же. ничего удивительного. О привычках Слащева знал каждый житель Крыма, и едва

ли они претерпели серьезное изменение после переезда в красную Москву.

Но это свидетельство не выглядит убедительным хотя бы потому, что руководство курсов тяготилось белым генералом не меньше, чем он своей службой. А между тем никто и никогда не писал рапортов об алкоголизме Слащева. Генерал и без этого доставлял много хлопот своему начальству. Весьма показателен такой случай: однажды Слащев в присутствии Буденного заявил о безграмотности командования в ходе войны с Польшей.

В ответ легендарный красный кавалерист вскочил, выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в сторону бывшего белого генерала, но не попал. Слащев подошел к нему и назидательно произнес: *«Как вы стреляете, так вы и воевали»*. Через несколько дней, давая объяснение своему поведению, виновник скандала заметил: *«Все знают, как изменилась моя идеология и что я не верю в лиц, стоящих во главе белых. Я всегда защищал честь России. В большинстве случаев разбит раньше всего бывает начальник, и дело его – всех сохранить от нравственного поражения. А этого сделано не было»*.

Долго так, разумеется, продолжаться не могло. В стране медленно, но верно наступала другая эпоха. 11 января 1929 года красный командир Слащев был в упор застрелен троцкистом Коленбергом. Убийца сразу заявил, что отомстил за своего брата, повешенного в Крыму. По первой версии, чтобы осуществить задуманное, он, дескать, начал брать уроки у генерала. Но вряд ли Яков Александрович стал бы читать на дому лекции по тактике совершенно незнакомому человеку, который к тому же страдал психическими отклонениями и дважды был уволен из армии. Поверить в это было сложно.

Тогда появилась вторая версия: убийца не знал Слащева в лицо, и, оказавшись у того в квартире, счел необходимым удостовериться, кто же перед ним находится. Но и это весьма сомнительно, так как узнать домашний адрес генерала в то время было трудно, если вообще возможно. Когда же Коленберга неожиданно для всех выпустили на свободу, сомнений почти не осталось. По крайней мере, у ветеранов Белого движения. *«Генерал убит красными, в этом не может быть никаких сомнений. Кто поверит в непричастность большевиков?»* – так отозвался о трагедии в Москве эмигрантский журнал «Часовой».

Но вернемся в последние дни Белого движения на родной земле. Впоследствии эвакуацию Белой армии из Крыма, как, впрочем, и всю Гражданскую войну, в значительной степени исказили советские историки. На самом деле никакой паники и беспорядочного бегства не было и в помине. По воспоминаниям многочисленных очевидцев и участников тех

событий, исход армии и мирного населения проводился спокойно и организованно. Порядок поддерживался воинскими командами, которым было приказано любыми мерами пресекать бесчинства.

В реальности героя Владимира Высоцкого из фильма «Служили два товарища», силой прокладывавшего себе путь с конем на пароход, немедленно расстреляли бы прямо возле трапа. Но, несмотря на почти идеальную подготовку великого исхода, вывезти всех желающих было невозможно. Тут-то многие начали колебаться: покидать Родину или признать большевиков? Среди обывателей стали появляться оптимистичные слухи. Дескать, победившим в Гражданской войне большевикам надо будет начинать налаживать международные связи, и поэтому от репрессий они воздержатся.

Остаться решили и некоторые военные, доверившись листовкам Брусилова и Фрунзе, а также слухам об офицерах, воевавших на польском фронте в рядах Рабоче-крестьянской красной армии. Вера в правоту Белого дела после поражения, естественно, у кого-то пошатнулась, а прощение открывало выход из тупика. И все же таких были единицы. Подавляющее большинство чинов русской армии верили своему Главнокомандующему и готовились идти с бароном Врангелем до конца.

14 ноября 1920 года погрузка на суда закончилась.

В опустевшем штабе состоялась символическая церемония вручения знамен Николая Чудотворца чинам трех «цветных» дивизий – Корниловской, Марковской и Дроздовской. Была в этом горькая ирония судьбы: три года самые стойкие белые части сражались фактически без штандартов, а получили их в последний день пребывания на Родине.

Выслушав доклад, что все уже на кораблях и грузятся заставы прикрытия, барон Врангель перешел на крейсер «Генерал Корнилов». Все склады были переданы под охрану профсоюзов, что не помешало победившим пролетариям разгромить их, как только последний корабль с русским воинством отчалил от пристани.

«Белая Россия» превратилась в огромный город на воде. Некоторое время флотилия стояла на рейде, проверяя, не забыт ли кто на берегу. Посылали шлюпки на розыски отставших. Тогда же Врангель составил письмо французскому правительству о переброске армии на Западный антибольшевистский фронт для «продолжения борьбы против поработителей отчизны, врагов мировой цивилизации и культуры». В

случае невозможности принятия такого решения барон просил поднять вопрос о предоставлении Белой армии и флота в распоряжение международной комиссии по охране проливов.

К вечеру эскадра снялась с якорей и пошла в Константинополь. Лишь крейсер «Генерал Корнилов» направился в Ялту, где главнокомандующий русской армией сошел на берег и лично проверил завершение эвакуации. Утром 17 ноября этот корабль, пройдя вдоль побережья Крыма, взял курс на Босфор. Генерал Врангель покидал Родину последним. В своих воспоминаниях он писал: *«Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно, на несколько мгновений, мысль оторвалась от горестного настоящего. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность».*

Армия эвакуировалась полностью, конечно, не считая тех немногих, кто решил сдаться на милость победителей. Большевики потом рассказывали о 30 тысячах пленных. К примеру, только командир червонного казачества Миронов докладывал в Реввоенсовет республики о 10 тысячах зарубленных «отступающих буржуях». Данные очень сомнительные. Основные силы белых он так и не настиг, поэтому до сих пор неясно, кого именно уничтожала в Крыму Вторая конная армия. Да и с количеством пленных тоже возникает неувязка.

*Барон П. Н. Врангель.
Последний Главнокомандующий русской армией*

Согласно докладам в Москву, Крым защищали 40 тысяч добровольцев. Получается, что за вычетом погибших вся Белая гвардия попала в плен. А кто же тогда эвакуировался с Врангелем? Разгадка проста: в число «заклятых врагов трудового народа» попали те, кто к армии вообще не имел отношения. Офицеры, уволенные по разным причинам, а также лица, уклонившиеся от службы. Конечно, при бароне их было меньше, чем во времена Деникина, но все же в тыловых городах хватало. Зачислили в

пленных и дезертиров, и представителей буржуазии, и студентов, и профессоров, и священников... Всех их потом расстреляли. Корнет Сводно-Гвардейского кавалерийского полка Эдлерберг, которому тогда чудом удалось бежать, уже в эмиграции вспоминал: *«Офицеры выгонялись каждую ночь на мыс Святого Ильи и за городское кладбище, где расстреливались пачками из пулеметов. Иной раз их связывали колючей или простой проволокой и топили за Чумной горой в море».*

Казни в Крыму начались, когда корабли с Русской армией и беженцами еще не успели достичь турецкого берега. Всего, по данным штаба Врангеля, на 126 кораблях эвакуировалось свыше 145 тысяч человек. И это при том, что забрать всех желающих так и не смогли. Позднее один из участников великого исхода писал: «Грузили людей под завязку. Жуткие условия. Чтобы взять людей, выкинули в море снаряды и все лишнее». Даже на флагмане «Генерал Корнилов» отдельная каюта была выделена только Главнокомандующему русской армией – именно в ней Врангель и проводил совещания.

Генералы теснились по десять человек в крохотных помещениях. К примеру, на миноносце «Грозный» с экипажем в 75 моряков находилось больше тысячи человек. Перегруженный корабль еле двигался, потратив на дорогу четверо суток. Людям не хватало воды, продуктов. Некоторые даже сходили с ума. Многие беременные преждевременно рожали. Уже потом, в Константинополе, на одном из пароходов выделили специальную каюту, куда свозили рожениц с других судов. Но почти все младенцы появлялись на свет мертвыми. Как вспоминали впоследствии участники великого исхода, это стало для многих большим потрясением, чем эмиграция из России.

На кошмарные условия переполненных кораблей жаловались в основном гражданские лица, непривычные к серьезным лишениям. Их воспоминания из эмигрантской прессы с удовольствием перепечатывали в Советском Союзе. Даже смаковали подробности бегства «гидры мировой буржуазии». Но тут стоит обратить внимание на немаловажный момент – терпеть грязь, тесноту и духоту трюмов надо было лишь несколько дней. Согласитесь, это не такая уж большая плата за избавление от чекистской пули в затылок. Ведь многие из тех, кто остался в Крыму, уже никогда и никому не смогли ни на что пожаловаться.

Как же так, скажет внимательный читатель, вы же сами в главе про красный террор утверждали, что цифры жертв завышены. А теперь сами же себя опровергаете, утверждая, что в Крыму казнили многих. Но никакого противоречия в этом нет.

Спонтанные убийства офицеров и всех, кто не нравился, начались еще до появления Красной армии. Отличились разнообразные партизанские отряды.

В них преобладал, как сказали бы сегодня, криминальный элемент – самые обыкновенные бандиты. Для них разбой и убийства были привычным делом при любой власти. И, разумеется, санкции у ленинского Совнаркома они не спрашивали. Например, при занятии Карасубазара партизаны сразу же произвели аресты «вредных советской власти элементов». Десятки офицеров и юнкеров были тут же расстреляны.

Вот потом – действительно началось. Но не совсем то, о чем привыкли рассуждать либерально ориентированные граждане. 16 ноября 1920 года Дзержинский приказал очистить Крым от контрреволюционного элемента. В секретной телеграмме начальнику Особого отдела Южного фронта Манцеву он обозначил задачу: *«Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец. Будет величайшим несчастьем республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто из населения и красноармейцев»*. В этой телеграмме не содержится указание начать операцию по истреблению нежелательного элемента.

С. П. Мельгунов. По его своеобразной книге «Красный террор в России» многие продолжают судить о Гражданской войне

Разумеется, всегда можно сказать, что такой приказ Дзержинский отдал устно, чтобы не оставить потомкам следов преступлений. Но эту конспирологическую теорию я оставляю, с вашего позволения, без ответа. Не потому, что мне совсем нечего сказать. Дело в том, что в еще одной телеграмме глава ВЧК объяснил самым непонятливым своим подчиненным: запретив кому-либо покидать Крым, советская власть не сосредотачивала расстрельный контингент в одном месте, а боролась

против распространения сыпного тифа и оспы. И сей запрет просуществовал в регионе до осени 1921 года. К тому моменту, даже по мнению самых отчаянных либералов, расстреливать было уже просто некого.

Я уже слышу, как самые подкованные борцы против коммунизма уличают меня во лжи и ссылаются на знаменитую телеграмму Троцкого Фрунзе и члену реввоенсовета Южного фронта Гусеву: *«Необходимо всё внимание сосредоточить на той задаче, для которой создана “тройка”.* *Попробуйте ввести в заблуждение противника через агентов, сообщив, что ликвидация отменена или перенесена на другой срок».* Помимо этого легендарного документа, тут же вспомнят заявление Ленина про «300 тысяч буржуев в Крыму, которые станут источником будущей шпионской деятельности», равно как и переписку заместителя председателя Реввоенсовета Склянского с главой Крымского ревкома Белой Куном.

Все это правда, эти документы существуют, и их подлинность не вызывает никаких сомнений. В данном случае красный террор существовал именно в том виде, в каком сегодня все его себе представляют. Он был беспощадным и планомерным. И объяснение этому чрезвычайно простое. На страницах этой книги я уже говорил, что основной целью Троцкого и Ленина было полное уничтожение русской контрреволюции. Уничтожение не интеллектуальное и не моральное, на страницах газеты «Правда», а физическое. Идеальным местом для этого был Крым.

Не надо сейчас обвинять меня в цинизме. Многие привыкли рассуждать о той эпохе, вынося за скобки абсолютно все реалии: фигуры политиков, обстоятельства, даже общественные настроения. Представьте, что вы Ленин. Не обязательно на митинге – можно в тиши рабочего кабинета. Спокойно размешайте сахар в стакане чая. Отложите в сторону свежий номер «Известий» и недописанное указание товарищу Троцкому. Оцените ситуацию. Вы поставили однозначную задачу перед партией и ее карающим мечом: ликвидация контрреволюционного элемента. Живой враг – дитя вашего легкомыслия и источник неприятностей в будущем. Но самые отъявленные, с вашей точки зрения, мерзавцы и подонки из армии Врангеля сбежали. Правда, много и тех, кто остался в Крыму. Как с ними поступить?

Безусловно, можно было методично заниматься инфильтрацией десятков тысяч людей. Но это невероятно сложно. Контрразведка Врангеля забрала с собой архивы. А как определить, что стоящий перед тобой офицер остался тут для того, чтобы выполнять секретное задание, а потому, что не представлял себя вне России? Как убедиться, что он лично не

расстреливал рабочих, не сжигал деревни, не вешал коммунистов? Кто гарантирует, что после проверки он не будет никогда более заниматься вопросами политической борьбы? Это почти невозможно. Что же делать в таком случае, да еще и в условиях военного времени?

Не торопитесь с ответом. Продолжайте размышлять. Вы – вождь партии, победившей в Гражданской войне. Она складывалась для вас очень непросто, были обидные поражения и тяжелейшие разгромы. Но вы выстояли и смяли противника на всех фронтах. Вы, не колеблясь, принимали непопулярные решения, и жизнь доказывала вашу правоту. Вам остался последний шаг до такой долгожданной победы над контрреволюцией. Будете колебаться?

Зайдем с другой стороны. Предположим, вы решили проявить гуманизм – не добивать побежденного противника. Есть у вас гарантия, что, сложись обстоятельства иначе, контрреволюционеры с вами поступят так же? Напротив, существует четкое понимание, что они вас повесят на первой осине. И не только вас, но и всех членов партии большевиков. Как поступить?

Я понимаю, что все это звучит невероятно жестоко. Каждая человеческая жизнь бесценна. Но мы с вами рассуждаем, к сожалению, в отрыве от реалий революции и Гражданской войны. Я уже говорил, но повторю еще раз: многие совершенно напрасно считают, что это была романтическая эпоха. Русская смута – это не бесконечные совещания в штабах и не ужины в хороших ресторанах, как показал те события советский кинематограф. Русская смута – это безумие штыковых и кавалерийских атак, ежедневно тысячи убитых, расстрелянных, повешенных, зарубленных, сожженных. Русская смута – тотальная война на уничтожение, без пощады не только к врагу, но и к себе. В ней жестокость, пусть даже и патологическая, была нормой. Этим и объясняется красный террор в Крыму. Но не оправдывается, естественно.

Никто в здравом уме не станет отрицать, что террор был. И был он беспощадным. Но не нужно при этом увеличивать и без того огромное число жертв в десятки раз и патетически рассуждать про подонков-большевиков. Они не были святыми и образцами нравственности. Это правда. Как неоспорим и тот факт, что они не ставили перед собой задачу сократить население России процентов на 70, в отличие от немцев спустя пару десятков лет.

Эпоха Гражданской войны. Кровь и смерть на просторах страны. Спустя 100 лет не завышать наши безвозвратные потери нужно, а добиться долгожданного примирения и согласия в обществе. Если уж не ради нас

самих, то хотя бы в память убитых. Показать тем самым, что мы усвоили этот тяжелейший урок, и третьей русской смуты никогда не будет. Потому что еще одной такой каиновой мясорубки Россия может просто не выдержать.

Галлиполийское чудо

Мы, скованные в одно жертвой, причастием огня и крови двухлетних наших боев, создали железное Галлиполи.

Генерал Туркул

Сегодня, когда разговор заходит о белой эмиграции, все обычно представляют себе офицера в расстегнутом кителе с золотыми погонами, пьющего водку в парижском ресторане и с ностальгией поющего «Боже, царя храни». Это в корне неверно. Прежде всего, чтобы добраться до Франции, нужны были деньги. А откуда они могли взяться у израненного фронтовика, получавшего жалованье деникинскими или врангелевскими бумажками, да еще крайне нерегулярно? Безусловно, Берлин, Прага, Брюссель и Париж стали культурными эмигрантскими центрами. Но разговор о судьбах русских изгнанников еще впереди. Пока же мы рассматриваем только Белое движение.

Когда огромная флотилия с войсками Врангеля и крымскими беженцами в ноябре 1920 года прибыла в Константинополь, начались переговоры с французскими оккупационными властями об их дальнейшей судьбе. По настоянию генерала, русская армия как организованная боевая сила была сохранена. Первый корпус генерала Кутепова, куда сводились 25 тысяч чинов «цветных» частей, отправился на полуостров Галлиполи. Русские окрестили его по-своему – «Голое поле». Под непрекращающимся холодным дождем выгружались они с кораблей, трое суток ставили выданные французами палатки. У них не было другого топлива, кроме чахлого кустарника на холмах, чтобы просушить одежду и обогреться.

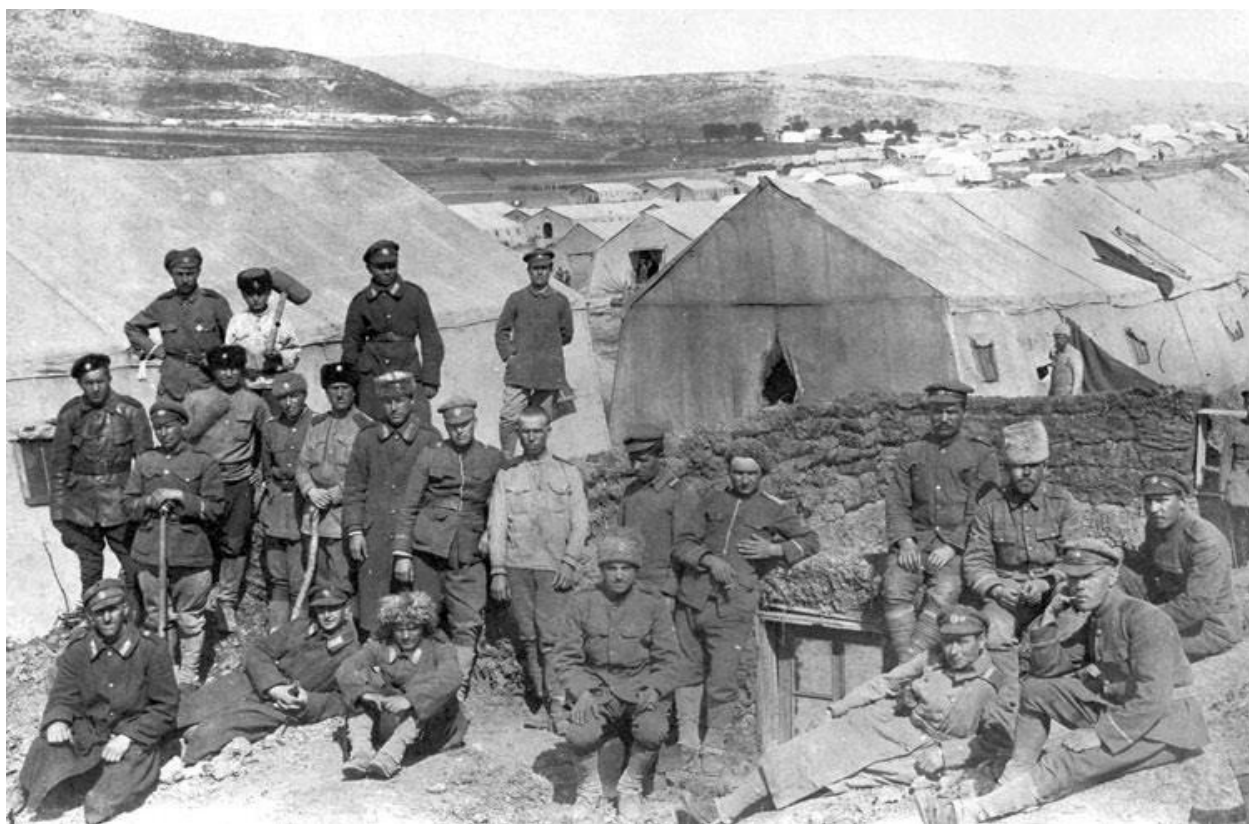
В Галлиполи Кутепову приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы солдаты и офицеры окончательно не пали духом и остались армией. Лагерь было приказано организовать по всем правилам – наладить несение службы суточным нарядом, выставить караулы. Возобновились регулярные занятия строевой и боевой подготовкой, словесностью и законом Божиим. Свободное время было отдано благоустройству – делали грибки для часовых и навесы для знамен. Из подручных материалов – кустарника и тростника – плели койки. Для поддержания дисциплины и порядка в полках восстанавливались офицерские суды чести и военный трибунал.

Советские историки потом назвали эти меры «настоящим проявлением солдафонства Кутепова».

Однако генерал достиг главного – армия постепенно выходила из состояния шока, возрождался ее боевой дух. В условиях лишений, оторванности от Родины, унижения возникла частица прежней России.

Галлиполийский лагерь стал понемногу оживать. Возвели церковь с иконостасом из одеял, лампадами из консервных банок и звонницей из снарядных гильз. Начали работать мастерские по починке одежды и обуви. Была отлажена гарнизонная и патрульная службы. Частям предписывалось соблюдение своих полковых праздников, проведение смотров и парадов. Запрещалась нецензурная брань, «порожденная разгулом войны». В частях стали выпускать рукописные журналы и газеты, была организована фехтовально-гимнастическая школа. Командир второго батальона Корниловского полка Михаил Левитов вспоминал спустя годы: «Особо популярными у нас были выступления футбольных команд. Всего их было 23. 30 марта 1921 года состоялся розыгрыш кубка Первого армейского корпуса, который выиграла команда нашего полка под командой поручика Рыбалко. Но затем «общая сборная» победила корниловцев».

В Первом армейском корпусе выработали даже дуэльный кодекс. В приказе Кутепова, утвержденном Врангелем, отмечалось, что к поединкам чести следует прибегать лишь в тех случаях, когда это окажется действительно необходимым. Ни дуэльных пистолетов, ни шпаг не было, да и офицеры за время Гражданской войны привыкли к другому оружию. И в Галлиполи, когда оказывалась оскорбленной чья-то честь, традиционным стало фехтование в штыковом бою. По воспоминаниям очевидцев, всего господа офицеры сходились у барьера не больше 15 раз – хватало других забот. Не было возможности бороться со вшами, часто умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных гимнастерках. Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Положение усугублялось тем, что армия, по большому счету, осталась без главнокомандующего. Будучи фактически изолированным французами, Врангель смог приехать в Галлиполи только 22 декабря 1921 года. Выступил перед войсками, принял парады и вновь вернулся в Константинополь, где обосновался на последнем русском корабле – яхте «Лукулл».

Русская армия в Галлиполи.

Белая армия готовится к продолжению борьбы

Генерал Витковский в своих воспоминаниях отмечал: *«Первый армейский корпус еще крепче сплотился вокруг Врангеля. В единении наша сила, с неизменной и непоколебимой верой, наш командир обещал вывести армию из новых испытаний»*. В самом деле, барон был вынужден превратиться из военачальника в политика и дипломата. Борьбу за будущее Белого движения приходилось вести не только с иностранцами, но и со своими, русскими. На Врангеля давило и левое, и правое крыло эмиграции. Одни добивались «демократизации» армии, другие, наоборот, обвиняли главнокомандующего в «либерализме».

Сразу несколько политических группировок, претендующих на роль правительств в изгнании, старались взять армию под свой контроль. Врангель достаточно жестко высказался по поводу этих организаций: *«Передавать армию в руки каких-то комитетов я не имею нравственного права, и на это я никогда не пойду. Мы должны всемерно сохранять то знамя, которое вынесли. Разве может даже идти речь о том, чтобы войска находились в зависимости от тех, которые уничтожили, опозорили армию, кто, несмотря на все уроки, до сего времени продолжают вести*

против нее войну».

Штабы Врангеля и Кутепова все еще пробовали разрабатывать планы операций. Недостатка в вариантах не было: высадка в Грузии, перевод на Дальний Восток, объединение с армией Булак-Балаховича, которая собиралась в Польше. Оптимизма добавляли сообщения с Родины о крестьянских восстаниях на Тамбовщине, Украине, в Сибири. Начали даже готовить для переброски в Россию летучие отряды из лучших офицеров-добровольцев, которые смогли бы добраться до бунтующих районов и стать центрами организации антибольшевистской борьбы.

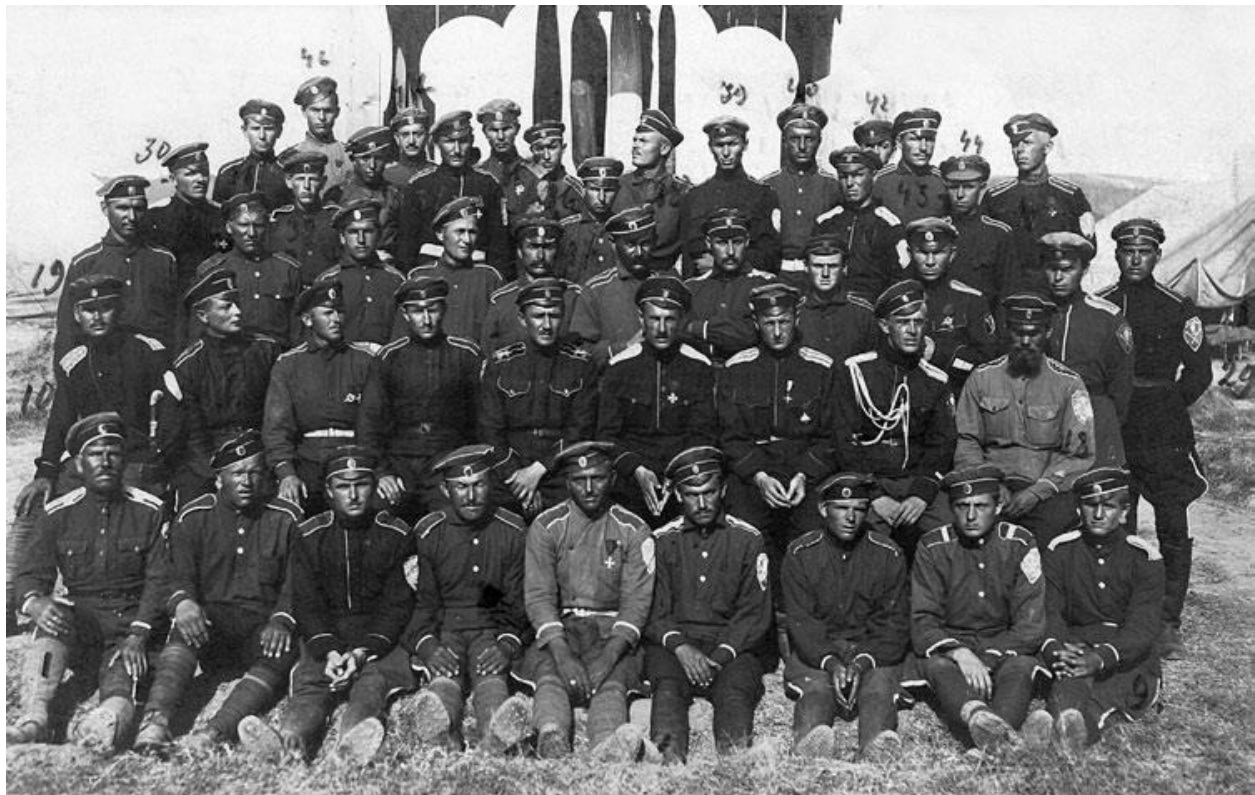

*Генерал А. П. Кутепов.
Создатель галлиполийского чуда*

Однако жизнь внесла свои коррективы в планы Белой гвардии. Сухопутные дороги в Россию были блокированы войсками победивших большевиков. Возможность морских десантов целиком зависела от союзников, которые не проявляли в этом плане ни малейшей заинтересованности. переброска войск на Дальний Восток стоила слишком дорого. Англия и Франция вообще боялись армии Врангеля – этих

истинных воинов, умевших доходить до пределов самоотверженности и драться с десятикратно превосходящим противником. Русская армия оказалась никому не нужна. Более того – она всем мешала.

Уже в конце 1920 года Франция сочла свои союзные обязательства выполненными до конца и решила избавиться от обузы, которой стали для нее белогвардейцы. Врангелю настойчиво приказывали разоружить армию, сложить с себя командование и распустить войска, переведя их на положение гражданских беженцев. Генерал категорически отказывался. Лишить офицеров довольствия французские оккупационные власти боялись – невозможно было заранее предвидеть, что в ответ предпримут эти нескгибаемые русские. Союзники старались закручивать гайки постепенно, уменьшая продовольственные пайки и довольно подло предлагая восполнить разницу «за счет средств главнокомандующего». Финансов у генерала Врангеля не было никаких. И борьба за армию приняла еще одно направление – поиска денег. Представители генерала обращались за помощью к состоятельным гражданам, сумевшим сохранить капиталы, к правительствам и общественным организациям. Дороги были каждый франк, доллар, фунт и золотой царский червонец, которые бы позволили лишний день прокормить добровольцев.

Корниловцы в Галлиполи.

Все мысли только о продолжении борьбы

У 30 офицеров сдали нервы. Они решили с оружием пробиваться в славянские страны. Когда их попытался задержать отряд жандармерии, те с отчаянной руганью пошли в атаку и рассеяли греков. Об этом инциденте через префекта было сообщено по телефону в Галлиполи генералу Кутепову. Пока победители праздновали свой триумф в местном кабаке, подошел высланный из лагеря патрульный наряд и арестовал их. И все же большая часть армии стойчески переносила трудности. А весной 1921 года Белое движение воспрянуло духом. Французы не верили своим глазам: вместо уставших и обреченных людей, которые прибыли полгода назад в Галлиполи, непонятно откуда взялись прекрасно подготовленные полки. Во время одного из парадов Кутепов с улыбкой наблюдал за реакцией союзников. А офицер штаба первого армейского корпуса, отвечая на вопрос пораженного французского генерала «Как такое возможно?», скромно заметил: «Мы просто отдохнули».

Стал оживать и заброшенный Галлиполи. Сюда, как к частице старой России, потянулись беженцы из Константинополя. Из мужчин, пожелавших вернуться в армию, был даже сформирован отдельный батальон.

Вечерами набережная, которую окрестили «Невским проспектом Туретчины», заполнялась гуляющей публикой. Особенно многолюдно было в «Голом поле» по воскресеньям, когда пароход привозил продовольствие, газеты, почту. Играли оркестры «цветных полков». Было открыто семь церквей. Распахнули свои двери кадетские корпуса, гимназия, самодеятельный театр. Периодически наезжали и артисты-эмигранты из Константинополя. Организовывались рукописные журналы, начали работать клубы. Но одновременно осложнились отношения с французскими властями.

Генерал Шарпи принял решение о переводе донцов из Чаталджи, где они к тому моменту хоть как-то обустроились, в гораздо более худшие условия на острове Лемнос. Казаки лопатами и кольями разогнали сенегальских стрелков, прибывших для их усмирения и переселения. Лишь после распоряжения Врангеля, призвавшего донцов успокоиться, инцидент удалось погасить. Хорунжий Иван Сагацкий в своих воспоминаниях писал: «Мы чувствовали себя оскорбленными, наше возмущение нарастало. Жили впроголодь, спали на земле в шинелях, плотно прижавшись друг к другу.

Погода стояла дождливая, иногда с морозами, с ветрами и бурями. Политика Франции объяснялась общим международным положением и благорасположенностью к большевикам».

Вскоре генерал Шарпи отдал приказ русским частям сдать оружие. На это Кутепов заявил: пусть приходят и попробуют отнять силой. Французы, сославшись на более чем обременительные расходы по содержанию армии Врангеля, недвусмысленно намекнули на прекращение снабжения. В Галлиполи тут же стали усиленно заниматься смотрами и парадами. Союзники встревожились: не собираются ли русские идти на Константинополь? «Нет, – отвечал помощник начальника лагеря генерал Штейфон. – Мы просто тренируемся». В результате французское командование решило выселить непокорных русских. Была сформирована мощная эскадра из двух линкоров, трех крейсеров, миноносцев и транспортных судов с пехотой с целью провести операцию по взятию лагеря.

Однако телеграмма Кутепова заставила союзников побледнеть. *«По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком полуострова»*, – писал он. Эскадра тут же сочла нужным уйти от греха подальше. В гневном письме союзникам барон Врангель отмечал: «Армия, проливающая в течение шести лет потоки крови за общее с Францией дело, есть не армия генерала Врангеля, а Русская. Желание французского правительства, чтобы в лагерях не выполняли приказы своих начальников, не может быть обязательным. Офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменять своим знаменам и своим начальникам».

Генерал А. В. Туркул. Последний начальник Дроздовской дивизии

Добиться от русских неподчинения своим командирам, подорвать их авторитет союзники так и не смогли. Больше того, неотлучно находившийся при войсках и деливший с ними все тяготы генерал Кутепов пользовался огромной популярностью. Его в шутку даже называли «Кутеп-паша, царь Галлиполийский». Когда он по вызову штаба приехал в Константинополь, на пристани его встретили громовым «Ура!», подхватили на руки и понесли по улицам. Однако французы не успокаивались. Они

запретили въезд в русские лагеря, аннулировали все ранее выданные пропуска и вновь потребовали немедленно сдать оружие. В ответ на это Кутепов сформировал в каждом «цветном» полку ударный батальон из лучших бойцов в 600 штыков и пулеметную команду в 60 стволов. Больше всего желающих оказалось среди корниловцев. Контрразведка постаралась, чтобы это распоряжение стало известно союзникам.

В результате отношения Главнокомандующего русской армией генерала Врангеля с союзниками были близки к полному разрыву. От более решительных действий французов удерживал страх столкнуться в бою с «цветными» полками, о стойкости которых они были наслышаны. А еще их настораживала и неопределенность: на что, собственно, рассчитывает барон, почему продолжает упорствовать? Французы считали, что у Петра Николаевича был в запасе некий козырь. Но какой именно? Договор с Германией или с Японией? А может быть, с Америкой? Никто тогда и подумать не мог, что все гораздо проще. В той критической ситуации Врангелю оставалось уповать только на Бога, счастливый случай и своих офицеров, моряков и казаков.

О жизни казачьих корпусов генерала Врангеля на чужбине рядовой россиянин сегодня почти ничего не знает. А между тем Лемнос – короткая, но особая глава в истории Белого движения, сравнимая разве что с Галлиполийским сидением.

При этом кубанцы, донцы и терцы не оставили на греческой земле величественного каменного памятника своего пребывания там. Да и нужен ли он? Как писал генерал Богаевский, вечно будут существовать не монументы, а стойкость добровольческого духа. Казаки жили в палатках, которых было так мало, что едва хватало на всех. Не только офицеры и нижние чины, но и женщины, и дети спали на голой земле или на тонких травяных подстилках.

Донцы страшно завидовали кубанцам, которые прибыли на Лемнос раньше и получили от союзников кровати и одеяла. Французы всеми силами старались расколоть армию Врангеля. Вот пример: единственная баня на острове находилась на территории казачьего корпуса с Кубани. Донцам сначала было вообще запрещено ею пользоваться. Лишь после настойчивых требований штаба барона им выделили специальные часы. Словно в насмешку, в ночное время. Да что там баня, если даже ближайшие резервуары с водой находились в версте от Донского лагеря и работали всего несколько часов в сутки.

В декабре 1921 года на Лемносе было еще сравнительно тепло, и от холода казаки не страдали, в отличие от чинов русской армии, которые оказались в Галлиполи. Но французский паек, и без того весьма ограниченный, выдавался не полностью. Особенно плохо было с хлебом. Дров союзники отпускали так мало, что их не хватало даже на кипячение воды, не говоря уже о приготовлении пищи. Поэтому казакам приходилось с первых же дней заботиться о топливе. На безлесном, каменистом острове со скудной растительностью это казалось неразрешимой задачей. Но гораздо тяжелее переживалась полная оторванность от остального мира. По свидетельству одного из офицеров, на этом острове казаки чувствовали себя словно в тюрьме. Повсюду находились французские часовые, лагерь был оцеплен, по нему даже не разрешалось свободно передвигаться.

Казак на Лемносе.

В тяжелейших условиях они сохранили все свои традиции

Никто из казаков не знал о судьбе остальных частей армии Врангеля, ни одна русская газета на Лемнос не доставлялась. Союзники, разумеется, предлагали свои издания, но читать их могли очень немногие. Тогда у бывшего редактора популярной газеты «Сполох» Куницына родилась идея переводить зарубежные статьи и самые интересные сообщения печатать в особых бюллетенях. Так появился «Информационный листок». Почти не было бумаги, поэтому рукописная газета выходила только в 10 экземплярах, которые расклеивались по лагерю.

Казаки встретили это начинание с восторгом. Они читали и тут же

обменивались впечатлениями, причем не только друг с другом, но и с союзниками. Один из офицеров через несколько лет так рассказывал об этом: *«Приходили от скуки и французские солдаты, и часто можно было увидеть среди казаков группы чернокожих сенегальцев, оживленно разговаривающих при помощи жестов, мимики и обрывков фраз, понятных любому солдату. Мы не питали к ним злобы и часто в таких случаях говорили: “Небось дома-то жена и дети остались. Эх, служба”».*

17 декабря 1920 года на борту броненосца «Прованс» на Лемнос прибыл Главнокомандующий русской армией генерал Врангель. Барон произвел смотр находившихся на острове воинских частей. Затаив дыхание, казаки слушали своего вождя: *«Что будет дальше, знает один Бог, но я твердо верю, что Россия воскреснет, и вновь мы послужим нашей Родине. Я такой же изгнанник, как и вы. Дайте мне возможность говорить от имени честного русского солдата, потерявшего все, кроме чести».* Добровольцы восторженно приветствовали своего командира, выражая полную готовность идти по первому требованию, куда он прикажет. Провожали Врангеля долго не смолкавшими криками «Ура!»

Поскольку новый поход против большевиков откладывался на неопределенное время, решили начать обустроить лагерь. Почти месяц потратили на то, чтобы разбить линейки, устроить площадки, лестницы, дорожки. Каменистый грунт поддавался с трудом. Для защиты от дождевой воды, которая могла затопить и снести палатки, пришлось рыть целую систему глубоких канав. И все же лагерь был разбит в срок, точно по указанному плану, и даже выглядел презентабельно. Ровными рядами, со строгими интервалами стояли палатки. Особенно выделялся правильностью линий и симметрией участок Терско-Астраханского полка, хотя он и располагался в самом неудобном месте – на склоне горы.

И все же, несмотря на относительную обустроенность, людей не покидала тоска по Родине. Через несколько лет на страницах журнала «Часовой» были опубликованы такие воспоминания: *«За этими проявлениями налаживаемой жизни прятали обратную ее сторону – угрюмую и мрачную. Настроение казаков день ото дня становилось все более и более отчаянное. Высоко приподнятое, чуть ли не до бурных восторгов, после приезда Врангеля, оно так же резко и упало, когда стало ясно, что вопрос с дальнейшим продолжением войны откладывается на долгое время».*

Оторванные от родных станиц, в тоскливом ожидании казаки старались хоть внешне чем-нибудь скрасить свою жизнь. Одним из развлечений был футбол. Юнкера Атаманского и Алексеевского училищ

организовали команды, постоянно состязавшиеся друг с другом. Временами удавалось даже проводить международные матчи против находившихся на острове англичан и французов. Однако футбольные баталии многих казаков не увлекали. Как вспоминал один из офицеров корпуса, они так и не смогли понять, в чем же заключается суть этой «басурманской игры». Большую часть своего времени донцы проводили в церкви, сооруженной в самой просторной палатке. Иконостас, светильники и вся утварь были сделаны из подручного материала: из простынь, одеял, банок, жестянок и ящичков из-под консервов. Организовали хоры, нашлись регенты, причем со специальным образованием.

Как вспоминали спустя несколько лет офицеры Донского корпуса, под влиянием тяжелых условий жизни религиозность казаков еще больше окрепла. Церковь всегда была полна усердно молящимися. По вечерам далеко за пределами лагеря, по окрестным горам разносились стройные звуки православной службы.

*Хор донских казаков Жарова.
Все они прошли Лемнос*

Французы, воспользовавшись настроением казаков, объявили запись в Иностраный легион. Волонтеры должны были быть в хорошей

физической форме и ростом не ниже 1 метра 55 см. При поступлении заключался обязательный контракт на пять лет и выплачивалось единовременное пособие в 500 франков. Союзники рассчитывали, что измученные пребыванием на Лемносе казаки с радостью воспользуются возможностью сменить обстановку. Причем запишутся наиболее боеспособные солдаты и офицеры Врангеля. Это вынудило генерала издать специальный указ, регламентирующий вступление в Иностраннный легион. Стать волонтером мог лишь тот, чье пребывание в русской армии признавалось нежелательным. Французы тут же начали призывать казаков не слушать начальников, которые привели Белое движение к краху. В итоге записывались в волонтеры и казаки, и юнкера, и офицеры. Лишь бы только вырваться из лагеря, а там будь что будет. Сколько народу вступило в Легион, до сих пор точно не установлено. Как вспоминал генерал Богаевский, только из Донского корпуса – более тысячи человек.

Волонтеры Иностранного легиона потом объясняли свое фактическое дезертирство из армии Врангеля нечеловеческими условиями пребывания на Лемносе. В какой-то степени их можно понять: ограниченное число палаток, по одной на 14 человек. Причем палатки были рваные, полуистлевшие, не защищавшие ни от дождя, ни от ветра. Ежедневный продовольственный рацион – 200 граммов консервов, 400 граммов хлеба, 4 грамма чая и 30 граммов сахара. Даже питьевой воды не хватало.

Еду невозможно было достать даже за деньги. Французское командование окружило лагерь двойным кольцом постов, за которое никого не выпускали. В близлежащие деревни отправлялись патрули с заданием арестовывать всех бродивших по острову казаков. Попасть в город можно было по особым пропускам, которые выдавались всего лишь на день, да и то не всем. Греческую церковь посещали только группами, причем французы внимательно следили за тем, чтобы люди не расходились по городу.

Немало неприятностей доставлял русским воинам и климат острова. Все чаще и чаще шли дожди, выпадал снег, порывистее становился ветер. От постоянной сырости дно палаток превращалось буквально в трясины, которая засасывала постели из соломы. Досаждали вши. Конечно, в лагере существовали бани, однако из-за отсутствия дров они почти все время не работали. Не спасали и дезинфекционные камеры. Не хватало одежды. Но все это меркло по сравнению с постоянным недоеданием. Хорунжий Иван Сагацкий вспоминал через несколько лет: *«Все же главные заботы – как утолить голод. Из интендантства довольно часто приходил совсем заплесневевший хлеб. Люди отоцали и ослабли от питания, погоды и*

вшей. Озлобленны и молчаливы. Сердце говорило: “Оставаться на Лемносе и, если нужно, помирать вместе”».

Весной 1922 года на Лемносе стали активно муссироваться слухи о Кемаль-паше, главнокомандующем турецкой армии в войне с Грецией. Дескать, он хорошо принимает казаков, берет их на службу и даже жалованье платит. Рассказывали, что один пароход во время исхода русской армии из Крыма бурей прибило к турецкому берегу. Кемаль гостеприимно встретил изгнанников, дал кров и пищу. Насколько правдоподобны были эти слухи, трудно сказать. Но между тем в газетных сообщениях не раз мелькали заметки о том, что бегущих греков преследовали конные казаки.

*Генерал Ф. Ф. Абрамов.
Командир Донского корпуса*

Некоторые решили пробираться к Кемалю, благо до Турции рукой подать – всего 50 километров. Бежали на парусниках, причем была даже установлена такса за переезд – 20 драхм. Удалось ли кому-то поступить на службу в турецкую армию – неизвестно. Большинство беглецов, наверное, погибли в море. Рассказывали, что кого-то ограбили и убили лодочники.

Одна группа беглецов вернулась обратно, так как на полпути им повстречались казаки, которых при попытке высадиться на берег встретили пулеметным огнем греческие посты. После этого случая бегство почти прекратилось.

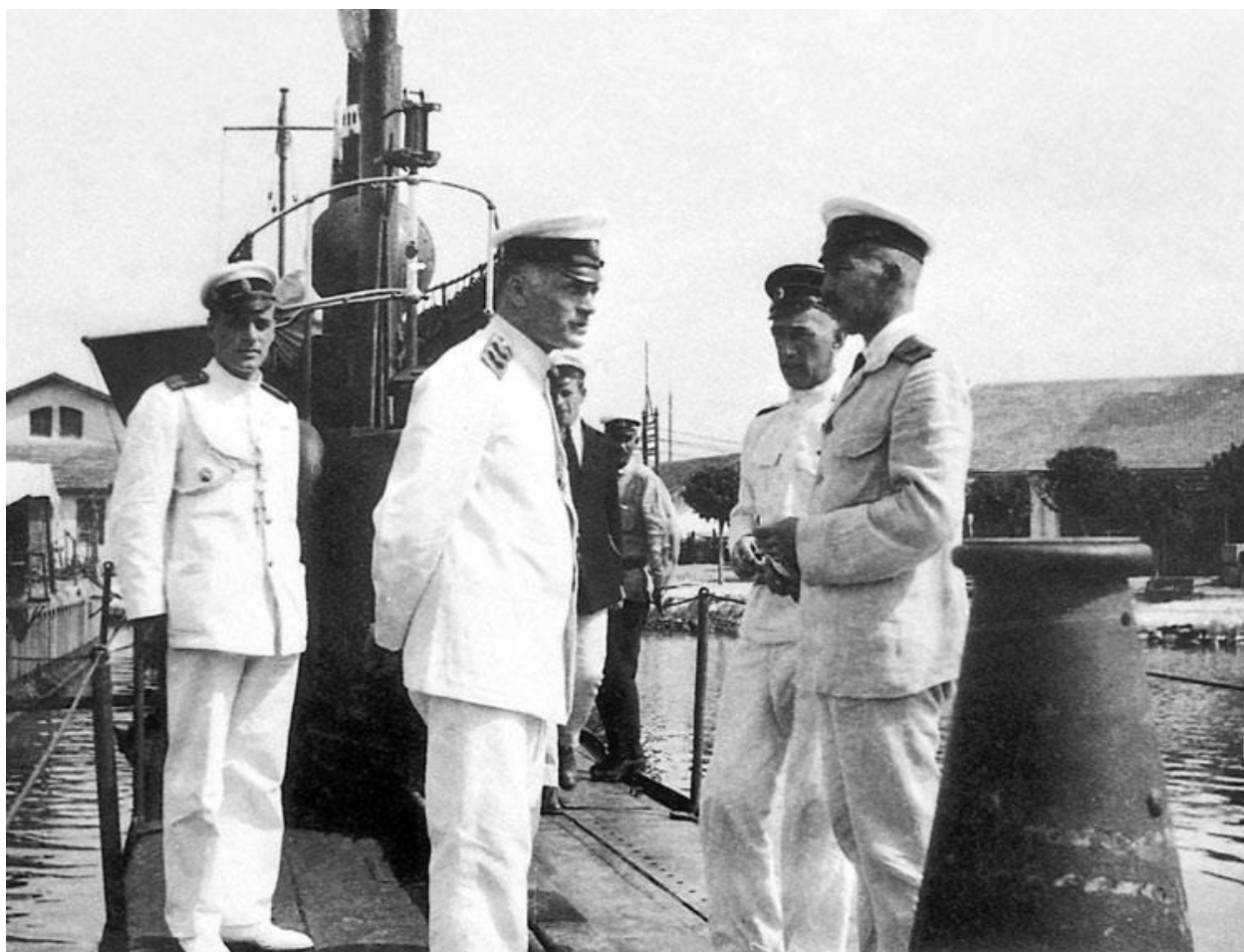
Стоит подчеркнуть, что пошатнувшуюся веру белого воинства старались укрепить его командиры. На многих отрезвляюще действовали слова генерала Абрамова: «Помните, господа, что историю полков творят их офицеры. Берите пример с юнкеров».

Федор Федорович имел в виду Атаманское и Алексеевское военные училища, которые любовно называли «маки» и «васильки». Именно о них рассказывал через несколько лет на страницах журнала «Часовой» один из казаков: *«Это был настоящий муравейник, который делился на две равные половины – алую, от бескозырок и погон алексеевцев, и голубую, от цветов атаманцев. “Будущая Россия, молодая, пока цветущая, не опоганенная, не заплеванная и не искалеченная большевиками” – восторженно сказал тогда кто-то».*

Французы, как уже говорилось, всячески стремились избавиться от русской армии. Была даже предпринята попытка уговорить казаков вернуться на Родину. Им давались гарантии, что правительства союзников сделают все, чтобы солдаты и офицеры не были репрессированы в Советской России как злейшие враги трудового народа. Дескать, Гражданская война закончилась, и большевики соблюдают законность. Со своей стороны, штаб Петра Николаевича Врангеля издал «Указ № 9», где особо подчеркивалось, что никаких переговоров с большевиками не было и не будет, и каждый, кто поддастся на увещевания французов, станет действовать исключительно на свой страх и риск. Но главное содержалось в конце: *«Борьба с большевизмом не закончена, и армия еще сделает свое дело».* Как вспоминали потом офицеры Донского корпуса, этих слов было достаточно, чтобы люди поверили – они еще вернутся в родные станицы.

Приказ Врангеля показал всему миру моральную стойкость Белого движения. И хотя в Советской России тогда писали, что войска «черного барона» полностью разбиты, а в эмиграции оказались единицы, которые окончательно пали духом, на самом деле только в двух лагерях, в Галлиполи и на Лемносе, находилось свыше 40 тысяч солдат и офицеров. Да и на чужбине русские воинские части, по признанию французов, оставались эталоном армии.

Тяжелее пришлось русскому флоту. 8 декабря 1920 года русская эскадра покинула Константинополь и направилась к месту своей новой стоянки в тунисском порту Бизерта. В авангарде шел баркас с гардемаринами и кадетами. У руля стоял капитан 1-го ранга Владимир фон Берг, на кормовом сиденье расположился новый директор Морского корпуса – вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов. Рядом с ним находился настоятель церкви – митрофорный протоиерей отец Георгий Спасский. С гардемаринами на судне плыли и все офицеры-преподаватели. Георгиевский кавалер Петр Варнек вспоминал спустя годы: «Хлеба не было, ели консервы и получали пару картофелин в день. Вшивые, в грязных и порванных при различных погрузках френчах, но гордые сознанием исполненного до конца долга».

Бизерта. Последняя стоянка Русского императорского флота

С приходом кораблей в чужие порты произошли и изменения в штабе эскадры. Так, старшим флаг-офицером стал мичман Андрей Лесгафт. Во

время Гражданской войны он служил у Юденича в отдельном танковом батальоне. Но «моряк волею Божьей», как называли его современники, тяготился сухопутной службой и при первой же возможности вернулся во флот. Вернулся, чтобы стать свидетелем его последних дней. Впрочем, тогда об этом никто и подумать не мог. Все считали, что после короткой передышки Петр Николаевич Врангель снова отдаст свой знаменитый приказ: «Орлы, за дело!» Пока же было решено как следует подготовить флот к будущей белой борьбе.

Префект французской колониальной администрации адмирал Варрней пошел навстречу русским: для учебы гардемарин и кадетов он предложил на выбор либо один из бывших военных лагерей в районе Бизерты, либо форт Джебель-Кебир. Отборочная комиссия под председательством капитана первого ранга Александрова остановила свой выбор на последнем. Там была строевая площадка, на которой гардемарини каждое утро поднимали флаг Морского корпуса. На ней же 6 ноября в День святителя Павла Исповедника проводились торжественные парады.

Всем проходящим мимо было хорошо видно, как на входе в форт дежурил гардемарин, вооруженный морским палашом, салютуя прибывающим в крепость. А в одном из казематов стараниями отца Георгия Спасского была обустроена Русская православная церковь. О ней сохранились такие воспоминания: *«С низкого сводчатого потолка спускаются гирлянды пушистого вереска и туи, в них вплетены живые цветы. Справа и слева две белые хоругви и знаменный флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную Вечерю над Царскими вратами».*

Семьи офицеров эскадры размещались на приспособленном под общежитие бывшем линейном корабле «Георгий Победоносец». Командиром этого судна, стоявшего у мола гавани Бизерты, был назначен контр-адмирал Подушкин. Казалось, жизнь в новых и весьма необычных условиях постепенно налаживалась. Моряки бывшего Императорского флота верили, что пройдет немного времени, и они смогут вернуться на Родину. О том, как жили в те дни бизертинцы, сохранилось не так уж много свидетельств. Но точно известно, что в церкви, обустроенной отцом Георгием, скромной и бедной, совершались все службы для чинов Морского корпуса и их семей.

Курс лекций для гардемарин состоял из дифференциального вычисления, морского дела, русского языка и истории. Всего в Бизерте постигали корабельную науку 340 человек, 60 офицеров и преподавателей

готовили будущих моряков. Для воспитанников устраивались гимнастические праздники, организованные поручиком Высочиным. Во рву крепости был создан любительский театр, в котором ставились пьесы, сочиненные моряками. Проводились даже балы. За помощью обращались к морскому агенту в Париже Владимиру Дмитриеву, который обеспечивал русский флот всем необходимым. Капитан второго ранга фон Берг вспоминал спустя несколько лет: *«Бодрый, молодой голос прокричал: “Вальс!” И нарядные пары прекрасных дам, гардемарин и офицеров плавно понеслись по цементному полу крепостного барака. Весело, искренно, непринужденно, как всегда у моряков. Адмиралы расположились вдоль стен, изредка выходя “вспомнить молодость”»*.

В русской колонии организовали «Дамский комитет», состоявший из жен офицеров. Начали работать пошивочная мастерская, корпусная библиотека и типография. На территории лагеря построили даже теннисные корты. Однако и здесь, в более благоприятных условиях по сравнению с Галлиполи или Лемносом, перед всеми чинами русского Морского корпуса неизменно вставал вопрос: «Как жить дальше?» Перемены не заставили себя долго ждать. В 10 часов утра 30 октября 1924 года морской префект вице-адмирал Эксельманс прибыл на эскадренный миноносец «Дерзкий», где собрались все командиры, свободные от службы. Им было объявлено о признании французским правительством нового государственного образования – СССР. Русская эскадра оказалась вне закона.

С заходом солнца на всех кораблях спустили Андреевские флаги. Больше они никогда не поднимались. Одновременно с этим ограничили и деятельность Морского корпуса. Гардемарин перевели в лагерь Сфаят недалеко от Бизерты. Дни русской колонии в Тунисе были сочтены. Сигнал «Разойтись» прозвучал 6 мая 1925 года. Именно в тот день выпустили последний курс. За время существования училища в нем обучалось 394 человека, 300 из них получили аттестацию.

В Приказе по Морскому корпусу за № 51 от 25 мая 1925 года отмечалась огромная заслуга этого уникального заведения, «где русские дети учились любить и почитать свою Православную Веру и Родину и готовились стать полезными деятелями при ее возрождении». Этот документ был последним в истории Императорского флота России. Как вспоминал потом один из гардемарин: *«Моряки в Бизерте стали последним звеном тех перипетий, которые испытала “Навигацкая школа”, созданная Петром Великим 14 января 1701 года»*.

То, что происходило в тунисском порту Бизерта, где в начале 20-х годов прошлого века оказался Белый флот, сегодня кажется удивительным. Русская колония превратилась в маленький островок православия в старинном мусульманском городе.

32 корабля, семь тысяч человек со своими радостями и горестями, честью, верой и надеждой. Все рухнуло в одночасье. С признанием Францией Советской России остатки бывшего Императорского флота перешли в собственность метрополии. Об офицерах, матросах и членах их семей никто тогда не думал. Что творилось в тот момент у них на душе, можно только догадываться, читая скупые воспоминания контр-адмирала Тихменева: *«29 октября раздалась последняя команда: “Флаг и гюйс спустить”. Молча мы наблюдали, как опускается крест Андрея Первозванного, символ флота. Нет – символ былой, почти 250-летней славы и величия Родины».*

Спустя полгода в Бизерте уже было не более 700 русских. Остальные разъехались по всему миру. Часть бывших моряков Белого флота вместе с семьями перебралась в тунисскую столицу, где в снятом на улице Зешегз доме оборудовали церковь Воскресения Христова. Туда привезли иконостас и утварь с кораблей. Служил в ней отец Константин Михайловский, ютившийся вместе со своей семьей в том же здании. Корабельная церковь с «Георгия Победоносца» была перенесена в снятую частную квартиру, в одной из комнат которой проходили службы.

Французы мечтали, чтобы русские как можно быстрее покинули Тунис и не останавливались ради этого ни перед чем. Так, начальник службы безопасности в Бизерте доносил колониальным властям: *«Поскольку из 7 тысяч человек большинство пропитано коммунизмом, мне кажется необходимым укрепить предписанную службу политической безопасности, которая явно недостаточна».* Донесение ретивого жандарма было моментально принято к сведению, и через несколько недель специально для надзора за русскими моряками и членами их семей из Франции прибыла группа полицейских агентов. Слежка велась скрупулезно и навязчиво. Вынюхивали дух большевизма. Худшего издевательства над белогвардейцами трудно себе представить.

В начале 30-х годов корабли русской эскадры, переданные французам, были отправлены на слом. В ответ на это в Бизерте немедленно создали «Морской комитет», который занимался строительством мемориала в память об Императорском флоте. Возглавлял его адмирал Беренс. Была в

этом горькая ирония судьбы. Его родной брат, служивший у большевиков, в свое время приезжал в Тунис торговаться с французами о покупке русского флота. Стороны не сошлись тогда в цене. Преподаватель истории в Морском корпусе Николай Кнорринг с горечью вспоминал спустя годы: *«Вот были грустные дни. Передавалось из одних рук в другие русское достояние. Чувствовалась какая-то глубокая, внутренняя неправда и жестокая обида. Настоящая, глубокая, а не мелкий удар по самолюбию. Корабли – живые организмы, и боль их страданий каждый из нас ощущал».*

В 1936 году «Морской комитет» получил разрешение французов на строительство храма. Закладку совершал митрофорный протоиерей Константин Маженовский. На церемонию были приглашены тунисские власти, последний командующий эскадрой контр-адмирал Беренс и капитаны всех кораблей, пришедших в Бизерту. Около места будущей церкви, строившейся во имя святого благоверного князя Александра Невского, гордо развевались два флага – морской Андреевский и национальный русский. В фундамент вложили икону Спасителя, коробочку с русской землей и кусок пергамента, на котором была указана дата начала строительства. Эта трогательная церемония произвела на присутствовавших иностранцев сильнейшее впечатление. «Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений», – считали тогда многие.

Прошли годы. Покосились кресты на могилах моряков в далекой стране. Разрушился форт, где когда-то жили русские гардемаринны. Не найти теперь даже места, где была их гарнизонная церковь. Воспоминания «бизертинских сидельцев» стали достоянием архивов и частных коллекций. Книги Берга и Кнорринга уже давно сделались такой библиографической редкостью, что купить их сегодня нельзя даже за очень большие деньги. Даже переиздания, и те достать непросто. В своих мемуарах Анастасия Ширинская-Манштейн с тоской писала: *«Когда в 1985 году скончался Ваня Иловайский, и его жена Евгения Сергеевна уехала к дочери во Францию, я принесла домой картонку с церковными бумагами, которые они мне оставили. Эта небольшая коробочка была все, что осталось от нашего прошлого, и это прошлое было поручено мне. Из нескольких тысяч людей, лишившихся Родины, оставалась теперь в Тунисе я одна – последний свидетель!»*

Что мы знаем о жизни русских моряков в Тунисе? Многие обзавелись подсобным хозяйством. Разводили кур, гусей и уток. Молодежь занималась спортом. Как с гордостью писала единственная местная газета, «два раза

был футбольный матч. Наша команда выиграла у французов». Бывшие офицеры Императорского флота брались за любое дело: занимались сельским хозяйством, строительством. В основном их использовали как дешевую рабочую силу. По-разному сложились потом их судьбы. Например, бывший капитан артиллерии Стефановский стал одним из самых известных в Африке геодезистов, а лейтенант Еникеев во время Второй мировой войны пошел добровольцем на французский флот и в ноябре 1942 года устроил диверсию на одной из германских подводных лодок.

Многие так и остались в Бизерте до конца своих дней, и были похоронены на русском кладбище. Перед отъездом из Туниса отец Георгий Спасский записал в своем дневнике: *«Никто не придет к ним помолиться. Несколько коленапоклоненных моряков стоят вокруг меня. Грустно звучит “Вечная память”. Одинокие могилы».*

Одна из главных реликвий бывшего Русского Императорского флота находится в Париже в соборе Александра Невского. Контр-адмирал Машуков передал туда редкую икону в виде несущегося по волнам корабля. На парусах изображены небесные покровители моряков – Николай Чудотворец и апостол Андрей Первозванный. В начале 60-х годов один из офицеров-бизертинцев, состарившийся на чужбине, с горечью сказал: *«Наша смерть унесет в небытие все вековые традиции – жизнь и воспитание целых поколений русских моряков».*

К счастью, этого не произошло. Традиции сохранились. Потом, уже в 90-х годах, они начали возвращаться на Родину. Тернист и долог был их путь. Но они вернулись. И это, пожалуй, самое главное.

Армия в изгнании

Даже наше незначительное колебание могло обернуться позором для наших знамен.

Профессор Даватц

Это самая печальная страница Гражданской войны. О ней не принято вспоминать. А ведь по сравнению с этими событиями меркнет эпопея в Галлиполи, Лемносе и Бизерте, которые сегодня хоть как-то известны в обществе. В принципе, я понимаю, почему так произошло. Остатки белых армий сполна изопьют горькую чашу унижений на чужбине. Приятного в таком рассказе мало. Но говорить об этом необходимо. Эту страницу нашего прошлого, включающую потрясающую гнусность бывших союзников по Антанте, нам нужно знать.

Во время Кронштадтского мятежа, возродившего было надежды эмиграции на продолжение борьбы с большевиками, все убедились, что европейские державы больше не окажут никакой поддержки армии Врангеля. И вооруженное сопротивление ленинской партии сразу же отодвигалось из ближайшего будущего на неопределенные сроки. Отношения с французскими властями обострились до предела. Срочно требовалось найти какой-нибудь выход. 4 апреля 1921 года на Балканы выехала миссия во главе с начальником штаба русской армии генералом Шатиловым для переговоров с правительствами Болгарии и Югославии.

Цель была обозначена лично бароном Врангелем: предоставить белогвардейцам общественные или частные работы, которые войска могли бы выполнять большими силами – полками или дивизиями. Сербь согласились принять 7 тысяч русских в пограничную стражу и 5 тысяч на общественные работы. Немного, конечно, но это было лучше, чем ничего. Собственно, правительство Югославии было готово принять гораздо больше белогвардейцев, если обязанности по их содержанию не лягут на правительство страны. То есть, чтобы финансировал русских кто-то другой. Но желающих не нашлось. Вместо этого «европейские партнеры» заявили, что, возможно, еще для какой-то части русской армии найдутся в будущем соответствующие работы, но в настоящее время они ничего предложить не могут.

В Софии переговоры прошли относительно успешно. Удалось

добиться поддержки царя Бориса, Болгарской Православной церкви и даже французского посла (он оказался большим любителем русской литературы). Обсуждали возможность принять несколько тысяч человек на строительство и ремонт шоссейных дорог. Казалось бы, все хорошо, вот только права царя в Болгарии были ограничены конституцией, и окончательное решение вопроса зависело от премьер-министра Стамболийского. Из-за его болезни конкретные соглашения задерживались. Переговоры пришлось прервать. Врангель срочно вызвал Шатилова в Константинополь в связи с серьезными событиями. 7 апреля 1921 года московское радио передало обещание амнистии солдатам, казакам и крестьянам, мобилизованным в Белую армию, а также всем желающим вернуться в Россию. Для Франции это стало великолепным предложением наконец-то отделаться от надоевшей обузы.

Амнистия вроде бы снимала все проблемы и обязательства по отношению к союзникам в глазах общественности. Одно дело – спасти белогвардейцев от верной гибели, и совсем другое – содержать людей, которым уже ничто не угрожает. 18 апреля последовала нота правительства Франции, в которой, в частности, говорилось: *«Все русские, находящиеся в лагерях, должны знать, что не существует больше армии, что бывшие их начальники не могут ими больше распоряжаться»*. Этот подлейший документ тут же стали распространять в Галлиполи и на Лемносе. Но армия продолжала существовать. Русские не сдавались.

Они демонстративно сохранили подчинение своим командирам и категорически не пожелали прислушиваться к мнению Франции. На генерала Врангеля обрушилась дополнительная масса проблем. Необходимо было срочно форсировать переговоры о перемещении в Балканские страны. И самое главное – достать деньги, чтобы армия смогла продержаться еще несколько месяцев, если не получится сразу устроить всех на работу. Бывший галлиполиец Сергей Резниченко вспоминал спустя десять лет: *«Люди, измученные постоянным недоеданием, распродавшие все, лишенные не только хлеба, но и клочка бумаги, не осведомленные о возможных перспективах в будущем, оставались армией, крепкой духом и готовой идти за своими командирами. Галлиполи стало самым ярким проявлением души добровольцев»*.

В Париже к деятельности по спасению армии активно подключился бывший командующий Северным фронтом Белого движения генерал Миллер. Он сохранил некоторые связи со времен Первой мировой войны, когда был представителем русской Ставки в Бельгии и Италии. В Париж выехал и Шатилов, где был принят французским главнокомандующим

Вейганом. Ближайший помощник Врангеля изложил убедительные просьбы об отсрочке прекращения снабжения армии, об указаниях союзническим войскам в Константинополе не оказывать давления на русское командование и не препятствовать перевозке войск в Сербию и Болгарию.

Марковский полк. Одна из самых прославленных боевых единиц Белого движения

Вейган обещал содействовать, хотя и подчеркнул ограниченность своих возможностей в мирное время. К чести французов, немедленного снятия с довольствия не произошло. Но и поводов для радости было мало. Союзники методично продолжали практику постепенного сокращения помощи русским, сняв для начала с довольствия еще 2,5 тысячи человек. Им порекомендовали «питаться из средств Врангеля или Лиги Наций», прекрасно зная, что у первого денег нет, а вторая не стремилась содержать белогвардейцев в должном объеме.

Судьба любит упрямых и благоволит им. Финансовая проблема начала постепенно решаться. Миллер сумел получить 600 тысяч долларов от русского посла в Вашингтоне, в распоряжении которого еще остались кое-какие средства не только царского и Временного правительств, но и правительства Колчака. Миллион франков перевели на нужды армии из Токио. Было принято также решение, за которое Врангель тут же подвергся

жесточайшей критике эмигрантских кругов, – о распродаже невостребованных ценностей Петроградской ссудной кассы, эвакуированной во время Гражданской войны. Все законные владельцы к тому моменту почти все погибли. Но «голубая кровь» русской эмиграции, не принимавшая участия в тяжелейших боях трех последних лет, возмущалась нарушением права собственности.

Согласимся, это не очень этично. Но потомки изящных фамилий забыли самую малость – «собственником» этих ценностей пыталось выступить советское правительство, славшее ноту за нотой и добивавшееся возврата ценностей в свое распоряжение. Таким образом, эти самые противники большевизма готовы были помочь ленинскому правительству, лишь бы только насолить Врангелю. Не случайно барон писал в приказе по Первому армейскому корпусу: *«Вновь травят армию. На нее клеветают, ей грозят. Сомкнув свои ряды, мы ответим презрением. Родные знамена, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Да помнят это те, кто дерзнет на них покуситься».*

Вскоре завершились переговоры в Болгарии, продолженные после отъезда Шатилова генералом Вязмитиновым. Несмотря на активное ежедневное противодействие местных коммунистов, правительство все-таки решило принять белогвардейцев. Оно лишь выставило условие – прибывать организовано, с командным составом, который должен поручиться своей офицерской честью за благонадежность. Конечно же, сыграли свою роль и традиционные мотивы славянского братства, и симпатии к русским со времен Шипки и Плевны.

Приют армии Врангеля рассматривался как ответная помощь России в беде. Но при этом не нужно тешить себя излишними иллюзиями. Ключевую роль в согласии Софии играли чисто практические соображения: надежда улучшить финансовое положение за счет обмена валюты, переводимой союзниками на содержание белогвардейцев. К тому же после капитуляции по условиям мира большая часть болгарской армии была расформирована. А как минимум границы охранять было нужно.

Для Врангеля согласие Софии означало долгожданное решение самой главной проблемы – финансовой. Из-за низкого курса лева стоимость содержания одного человека в Сербии равнялась обеспечению четверых военнослужащих в Болгарии. 29 октября галлиполийцы получили специальный приказ главнокомандующего русской армии: *«На славянской земле, среди братских народов, я вновь увижу родные знамена, вновь услышу громовое “Ура” русских орлов».*

Галлиполийский крест.

В истории русской армии было много знаков, но такого – никогда

Армия начала готовиться к переезду на Балканы. Первыми в Югославию отправились чины кавалерийской дивизии Барбовича для службы в пограничной страже и строительства железных и шоссейных дорог. Приказ Врангеля гласил: «Белое движение должно существовать в полускрытом виде, но сохранено во что бы то ни стало». Интересно, что отдан он был за несколько дней до открытия в Галлиполи памятника русским, умершим на чужбине. Согласно распоряжению генерала Кутепова, каждый галлиполиец должен был принести камень весом не менее 10 килограммов, в результате чего образовался курган из 24 тысяч камней. Он был увенчан мраморным крестом, а спереди на нем помещались русский герб и мемориальная доска с надписью на русском, французском, турецком и греческом языках: «Первый корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный приют на чужбине, и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену».

Памятник в Галлиполи – один из символов русской армии на чужбине

16 июля прошло торжественное открытие памятника: богослужение, парад, возложение венков в виде тернового венца из колючей проволоки и жести, передача коменданту города акта об охране русской святыни. Эти торжества стали и прощальными. «Галлиполийское сидение» кончалось, несколько зафрахтованных пароходов начали развозить армию Врангеля в разные стороны.

Союзные власти и здесь пытались унижить русских. Условием посадки на корабли поставили разоружение. Назрел новый конфликт.

Выход из положения, как и всегда, нашел генерал Шатилов. Не желая обострять отношений, он приказал сдать неисправное оружие, а исправное незаметно переносить на пароходы в ящиках. Конечно, это был секрет Полишинеля, но все формальности при этом строго соблюдались. Французские офицеры, осуществлявшие непосредственный контроль за

посадкой, предпочли закрывать глаза на проносимые винтовки и пулеметы. В отличие от своего начальства, пытавшегося не только поспеть за веяниями международной политики, но даже и обогнать их, они смотрели на вещи проще. Лишь бы убирались поскорее и подальше эти упрямые русские.

Когда в Салоники прибыли первые пароходы с пятью тысячами белогвардейцев для следования далее в Югославию по железной дороге, случился очередной скандал. Генерал Шарли придрался к тому, что, по его сведениям, приехать должны были не более трех тысяч человек. Остальных он запретил пускать на берег. Напрасно он так поступил. Врангелевским офицерам не составило значительного труда самовольно выгрузиться и начать пробиваться к железнодорожной станции по всем правилам ведения боевых действий. Греки смотрели на вещи трезво и транзиту русских не противились. Французам пришлось смириться. Но параллельно они усилили агитацию за переход офицеров Врангеля на положение беженцев.

Дроздовцы в Болгарии. Легендарный полк и в эмиграции оставался военной частью

Им обещали проезд в те же Балканские страны, но уже в гражданском виде, независимо от армии. Набрав тысячу таких желающих, французы выделили им пароход и со спокойной душой отправили их в Варну. Но тут уж с возражениями выступила Болгария, напомнив о собственных условиях приема русских: в страну был нежелателен въезд неорганизованных элементов, за которых не может поручиться штаб Врангеля. А французы, естественно, ни за каких русских гарантии давать не собирались.

Это, кстати, очень распространенный миф, что Врангель под страхом расстрела запретил покидать ряды армии. Напротив, действовал принцип «вольному воля». Люди, пожелавшие оставить ряды вооруженных сил, лишь обязаны были в трехдневный срок перебраться в отдельный лагерь и до отъезда строго соблюдать все требования воинской дисциплины. Полковник Марковского полка Павлов напишет впоследствии: *«И в армии возникали кризисы, но их разрешали тем, что предоставляли желающим полную свободу уйти на все четыре стороны. Французы нажимали, и кто-то не выдерживал. Тысячи покинули нас, но десятки тысяч остались»*.

Осень 1921 года. Галлиполи. Здесь еще остаются более 10 тысяч чинов русской армии барона Врангеля. Но им было уже легче, чем прежде. Место стало своим, хоть как-то обжитым. Ко второй зиме они уже готовились капитально: рыли землянки, копили редкое здесь топливо, использовали для благоустройства вещи уехавших. И самое главное – у русских больше не было вечной гнетущей неопределенности и безысходности. Появилась надежда на скорое улучшение, и оставалось только ждать своей очереди отъезда.

Никто не забывал в Галлиполи и о главном: их борьба не закончена. Всем, кто думал иначе, сразу же советовали вспомнить про покушение на их главнокомандующего. От захваченного Францией русского флота у Врангеля осталось одно судно – яхта «Лукулл». По международным законам – последний форпост правительства Юга России. 15 октября 1921 года в 16.30 большой пароход «Адрия», шедший под итальянским флагом, при хорошей видимости и спокойном море внезапно повернул на полном ходу в сторону «Лукулла», стоявшего на рейде. Тревожных гудков пароход почему-то не давал, лишь пытался выбросить якоря в 200 метрах от яхты, когда столкновение было уже неизбежным. Удар пришелся на левый борт – точно в помещение, занимаемое Врангелем. Совпадения и случайность сразу бросаются в глаза, не правда ли? Но на этом они не заканчиваются.

Не спустив шлюпок и не бросив спасательных кругов, пароход немедленно отошел от места происшествия. Сам барон с женой и

адъютантом по счастливой случайности незадолго до катастрофы съехал на берег в одно из посольств, и только по этой причине остался жив. В ходе следствия капитан Симич и лоцман Самурский ссылались на сильное течение, лишившее пароход возможности маневрировать. У русских не было сомнений, кто истинный виновник происшествия. Но прямых улик не было, и все списали на «несчастный случай». Полковник Корниловского ударного полка Михаил Левитов в своих воспоминаниях отметил: *«Всюду руководят красные агенты. Но мы никогда не опустим своего знамени и донесем его до родной земли. Сильна наша армия, есть еще порох в пороховницах, есть силы для борьбы. От этой пилюли поперхнет не один большевик».*

И все же, несмотря на все удары и трудности, Врангель сумел выиграть очередной этап борьбы за будущее русской армии. Ее переброска на Балканы постепенно завершалась. Новогодний приказ Главнокомандующего гласил: *«Наш пароль – Отечество. Мы выполним свой долг!»* Сам барон выехал в Сербию 26 февраля 1922 года с последним эшеленом. И, несмотря на запрет союзнических властей, Врангель остановился в Галлиполи и выступил перед войсками. Как вспоминали потом участники прощального парада русской армии перед своим Главнокомандующим, на всех огромное впечатление произвели его слова: *«Спасибо и низкий поклон вам за вашу службу, преданность, твердость, непоколебимость».*

Из-за нехватки транспортных средств в Галлиполи оставалось около тысячи человек под командованием генерала Мартынова. Из лагеря они переселились в город и небольшими группами постепенно переезжали в Венгрию. Последний белый офицер покинул Турцию в мае 1923 года. Согласно приказу барона Врангеля «В память пребывания русской армии в военных лагерях на чужбине» был учрежден специальный знак – черный крест, с датами 1920–1921 года и надписями «Галлиполи», «Лемнос», «Бизерта». Первые экземпляры были самодельными, из консервных банок, но ценились владельцами иной раз даже больше ордена Святого Георгия. Как говорил генерал Кутепов, наш дух веры в Россию бережет этот крест.

Мне доводилось держать в руках один из знаков, сделанных в Галлиполи. Он производит очень сильное впечатление. Грубая, кустарная работа. Никакого изящества. Но сколько же в этом знаке любви к Родине и верности своим идеалам! Не убежден, что в истории мировой фалеристики найдется хоть один знак, сопоставимый с галлиполийским крестом.

После переезда из турецких лагерей Донской корпус расположился на юге Болгарии. Самые боеспособные белые части – корниловцы, марковцы

и дроздовцы – были расквартированы на севере страны. «Цветные» полки заняли пустые казармы распущенной по итогам Первой мировой войны болгарской армии. Врангель депонировал в Софийском банке сумму, достаточную для пропитания частей в течение года. По приказу генерала Кутепова с 20 января 1922 года войска приступили к регулярным занятиям по программам мирного времени. Казалось бы, жизнь постепенно налаживалась. Но это только на первый взгляд.

Надо сказать, что отношение к себе белогвардейцы встретили двоякое. Со стороны правительства, правой и умеренной общественности – действительно весьма теплое. Звучали речи о «потомках Шипки и Плевны, которые воскресят Русь и по-братски, рука об руку, пойдут вперед вместе с братьями-славянами». На параде, устроенном генералом Кутеповым, присутствовал болгарский военный министр, а осиротевшее интендантство безвозмездно отпустило армии Врангеля сукно и кожу на обувь. Среди гражданских беженцев была организована регистрация добровольцев для пополнения белых частей.

Но в Болгарии были очень сильны позиции коммунистов. Щедро подпитываемые Москвой сторонники мировой пролетарской революции позволяли себе даже диктовать условия правящей Земледельческой партии. В результате на врангелевцев посыпались яростные нападки, начиная с митингов и демонстраций и заканчивая требованиями к правительству немедленно силой посадить всех белогвардейцев на корабли и отправить с глаз долой в Россию. Одна из парижских газет писала в те дни: *«Горько было слышать, как толпа скандирует: “Вы всю жизнь пили русскую народную кровь, а теперь приехали пить нашу”»*.

Масла в огонь активно подливало и большевистское правительство. 3 апреля 1922 года последовала дипломатическая нота Украинской ССР, в которой выражался решительный протест против приема армии Врангеля в Болгарии. Большевики недвусмысленно дали понять, что воинские части, размещенные и снабжаемые Софией, в случае любых их действий против Советской России будут рассматриваться как регулярные части болгарской армии. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Выстрел, что называется, в десятку.

Уже в то время на Балканах была широко развита агентурная сеть ГПУ, которая координировала и направляла действия местных коммунистов. Сторонники диктатуры пролетариата тут же стали проводить митинги против грядущей войны Болгарии с Советской Россией.

Правительство пребывало в растерянности. Оно не знало, как на это следует реагировать. А болгарские коммунисты не успокаивались. Буквально через несколько дней после протеста Украины начал функционировать «Союз возвращения на Родину». Всем офицерам армии Врангеля, пожелавшим порвать со своим преступным антинародным прошлым, гарантировалась амнистия. Больше того, им даже предлагались деньги, чтобы они с комфортом смогли покинуть чужбину.

Многие на это согласились. Кто-то с радостью, кто-то с заметным облегчением. Да, большинство из пожелавших вернуться на Родину не имели отношения к элитным частям, но факт остается фактом. С огромным трудом генералу Кутепову удалось заставить правительство Софии не отходить от прежних договоренностей. Командир офицерского Марковского полка генерал Пешня в своих воспоминаниях писал: *«Александр Павлович своими веселыми фразами в вовсе не веселой обстановке всегда давал понять и чиновникам и армии, что его вера в успех Белого движения безгранична. Болгары очень быстро поняли, что спорить с Кутеповым бесполезно, он все равно добьется своего».*

Неприятности множились. По завершении перевода войск на Балканы вышел в отставку начальник штаба генерал Шатилов. Один из творцов успешной эвакуации из Крыма, один из немногих, кто был с Врангелем на «ты» и называл его Петей. Крым, Константинополь, поиски пристанища для белых офицеров – этого оказалось достаточно, чтобы надорвать моральные и физические силы 42-летнего человека. В своих воспоминаниях он с грустью отметил: *«Мне надоело выглядеть молокососом в глазах старых представителей русской эмиграции. Хотя я сделал все, чтобы армия сохранила свою организацию и была готова к дальнейшей борьбе за Родину».* Новым начальником штаба главнокомандующего стал генерал Миллер, в годы Гражданской войны возглавлявший борьбу с большевиками на Севере России. Большинству офицеров армии Врангеля генерал был в связи с этим совершенно не знаком. Приняли его окончательно лишь после сразу же ставших легендарными слов: *«Купленные Германией большевики сокрушили все, что веками создавалось усилиями лучших русских людей. Они довели народ до полного одичания».* Так же считало абсолютное большинство белогвардейцев. Миллеру досталась тяжелейшая работа: необходимо было в кратчайшие сроки приспособиться к новым условиям, когда Белая армия оказалась рассеянной по всей Европе.

Официальные представители Врангеля находились в Праге, Софии, Париже и Белграде. Для связи с ними и с Кутеповым при штабе

Главнокомандующего создавался отдел дипкурьеров. На несколько человек удалось даже получить официальное разрешение Антанты. Но большинство путешествовали под видом коммивояжеров или негоциантов. Капитан Владимир Каменский, бывший курьером Врангеля, позднее будет вспоминать: *«Русскому ездить по странам Европы было трудно, получение визы всегда доставляло массу хлопот. Да и большевики проявляли интерес к почте барона. Однажды они даже предложили мне за хорошее вознаграждение одолжить им на ночь переписку Петра Николаевича с генералом Миллером. Разумеется, я ответил категорическим отказом».*

Между тем, разбросанные по всей Европе белогвардейские части все еще оставались армией и сохраняли поразительную для тех обстоятельств боеспособность. Согласно мобилизационным планам, первые четыре дивизии могли быть развернуты в течение пяти дней. Таким темпам можно лишь завидовать. Штаб Врангеля начал налаживать контакты с Румынией. Задача номер один была совершенно очевидна всем: заручиться поддержкой правительства о пропуске белогвардейцев через территорию страны в случае возобновления войны с большевиками. Зондировалась также возможность размещения поближе к русским границам 15-тысячного белого контингента. Полковник-корниловец Михаил Левитов в своих воспоминаниях писал: *«Старые добровольцы по-прежнему готовы идти на смерть и лишения ради великой Родины. Мы ни на секунду не опускали трехцветный флаг».*

В этих словах нет ни малейшей рисовки. Напрасно многие сегодня считают, что Белое движение в первые годы эмиграции состояло из уставших и морально опустошенных людей. Напротив, они представляли собой монолит, скрепленный идеей и общей кровью. Запала многим хватило и до 1941 года, когда множество ветеранов армии Врангеля оказалось в рядах Русского охранного корпуса на Балканах. Да и после их неудавшегося реванша за Гражданскую войну ситуация не изменилась. Многие были готовы продолжать войну с большевиками, только возможности такой им уже потом не представилось. Но мы забегаем вперед.

Некоторые румынские лидеры склонялись к серьезному обсуждению предложений Врангеля и подписанию с ним договора. Такой позиции способствовало не сочувствие Белому движению, как многие поспешили подумать, а очень непростые отношения с Советской Россией. Больше того, они продолжали ухудшаться с каждым днем благодаря усилиям Москвы по приближению мировой революции. Размещение белогвардейцев могло стать для Бухареста ответной мерой на подобные действия, позволяющей

держат противника под постоянной угрозой. Как писал впоследствии один из офицеров армии Врангеля: «В нас ощущалась обреченность людей, отдающих жизнь Родине. И если судьба сохранила нам жизни, то значит, мы еще понадобится России в будущем». Многие даже шутя называли себя членами «Клуба самоубийц», которые готовы сражаться против всего мира, если это хоть на один день приблизит падение большевизма.

Русский корпус. Многие ветераны Белого движения в 1941 году выступили на стороне Гитлера

По прогнозам штаба Врангеля, война с большевиками должна была возобновиться уже в 1922 году. Предполагалось, что красные наконец-то перейдут к мировой революции, о которой постоянно говорили их лидеры, и европейские страны начнут оборонять основы своей государственности. Тут-то и пробьет черед белогвардейцев, которые усиленно готовились к продолжению борьбы. На основании разведанных и анализа политической ситуации делался вывод, что румынская армия, слабая духом и разболтанная, продержится при нападении Советской России в лучшем случае не больше двух недель. А при ее отступлении и приближении красных войск к болгарской границе может последовать грандиозный взрыв – коммунистический переворот в Софии и Будапеште, а возможно, и революция в Турции.

В такой ситуации единственной реальной силой, способной спасти Европу от диктатуры пролетариата со всеми вытекающими последствиями, многим совершенно справедливо представлялась армия Врангеля. Корниловский, Марковский и Дроздовский полки, составляющие ее основу, обладали колоссальным опытом противостояния в пять раз превосходящему их по численности противнику. Далеко не случайно в своих воспоминаниях капитан Гетц отметил: *«Даже в окружении дух “цветных” полков был высок, и большевики знали, что ничего хорошего их в атаке не ждет»*.

Данные, полученные штабом Врангеля, были доведены до военных и правительственных кругов Франции с предложениями незамедлительно обратить внимание на удручающее состояние румынской армии и приложить все усилия к подъему ее боеспособности. Если это окажется невозможно, то использовать силы Первого армейского корпуса генерала Кутепова. Врангель просил разрешения начать экстренную переброску 15 тысяч белогвардейцев к Бухаресту и Белграду. Соответствующие консультации представители генерала немедленно начали и в Балканских странах.

А. П. Кутепов. Генерал был настолько опасен советской власти, что в 1930 году был похищен агентами ОГПУ

Интересно, что в то время большевики действительно планировали очередной этап мировой революции. Контрразведчики Белой армии ошиблись только в одном, хотя и главном моменте: пролетарская революция должна была начаться не с наступления Красной армии, а изнутри – путем разжигания народных восстаний в Румынии, Болгарии и Югославии. Аналитики штаба Врангеля странным образом упустили из виду бросающуюся в глаза закономерность: всегда все начиналось со

взрыва недовольства пролетариата.

Сложнее всего было договориться с Югославией. Позиции коммунистов там были, безусловно, слабее, нежели в Болгарии, однако правительство буквально еженедельно получало запросы из Москвы: почему Врангель управляет судьбами русских эмигрантов? Если Белград не находится в состоянии войны с Советской Россией, то зачем оно содержит на своей территории формирования, ведущие подготовку к такой войне? Отвечать пришлось министру иностранных дел Пинчичу: *«Генерал Врангель пользуется здесь правом гостеприимства. Его пребывание не носит ни политического, ни военного характера. Мы не признали Врангеля, когда он был главой русской армии и победоносно двигался на Москву. Мы не признали его и теперь. Мы воздержимся от принятия на себя каких-либо обязательств, которые могли бы вовлечь нас в войну с Россией».*

Врангелю приходилось выдерживать и борьбу другого рода – внутри русской эмиграции. К 1922 году ее политическая часть окончательно распалась на остро конфликтующие между собой группы. Только в Харбине было 22 политические партии, которые активно боролись друг с другом.

Особой активностью отличались сторонники великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича, кадеты и либералы. С выбором средств не церемонились. К примеру, в Берлине монархисты устроили покушение на лидера конституционных демократов Милюкова, в результате чего погиб закрывший его своим телом Набоков, отец знаменитого писателя. Каждая партия старалась увидеть в своих рядах барона Врангеля. Такой серьезный козырь, как русская армия, давал бы огромное преимущество в борьбе за роль «правительства в изгнании». В то же время все политики русского зарубежья мечтали вывести Врангеля из игры из-за опасений, что он может сам претендовать на главенство в эмиграции. Вся эта борьба разворачивалась на фоне сложностей, назовем их так, внешнеполитического характера.

К примеру, приезд генерала в Югославию в 1922 году вызывал опасения белградских властей. Считалось, что барон обязательно примет участие в эмигрантской междоусобице. Однако этого не произошло. Врангель сознательно дистанцировался от склок и тут же получил ворох обвинений со всех сторон – от реакционеров до либералов. Хотя позиция генерала ни для кого не была секретом. На одном из собраний высших чинов своей армии он недвусмысленно заявил: *«Как бы ни сложилась*

обстановка, армия призвана играть особую роль в возрождении России. Лозунг, начертанный на наших знаменах – “Мы боремся за Отечество, народ сам решит, какой быть России”, – единственно верен. Вокруг армии начинается политическая борьба. Я решил сделать все, чтобы не дать вовлечь ее в такую борьбу».

Разногласия в рядах русской эмиграции стали благодатной почвой для деятельности Москвы, которая активно стравливала противников. Огромный вред контрреволюционным силам нанесли успешные операции советской контрразведки «Синдикат-2» и «Трест», а также движение «Смена вех», которое проповедовало поддержку советской власти, поскольку она выражает интересы державной России.

Заявление Врангеля о том, что армия остается вне политики, в целом вызвало одобрение в рядах Белого движения. Генерал Кутепов, никогда не скрывавший своих монархических убеждений, заявил тогда: *«Мы, служившие при императоре во дни славы и мощи России, мы, пережившие ее позор и унижение, не можем не быть монархистами. Но нельзя допустить, чтобы, прикрываясь священными для нас словами “За веру, царя и отечество”, офицеров вовлекали в политическую борьбу».* Впрочем, нашлись и те, кто считал, что пора снять белые перчатки и использовать в том числе и механизмы политической борьбы. Раз уж для вооруженного противостояния время пока не пришло, то сражаться надо на идеологическом фронте. А если Врангель не хочет этим заниматься – его можно заменить на более современного лидера, тем более что недостатка в таковых не было. Молодые генералы Белого движения безудержно рвались вперед.

Пользуясь отсутствием единства в эмиграции, большевики неустанно выступали с призывами одуматься и вернуться на Родину, как поступили генералы Гравицкий, Клочкив и Зеленин. Оказавшись в стране победившей пролетарской революции, они немедленно подписали обращение, что Советская Россия дарует прощение всем бывшим белым офицерам. Однако, вопреки утверждениям советских историков, массового сокращения эмиграции не последовало. Из полутора миллионов вернулись лишь 120 тысяч человек. Уезжали к большевикам лишь те, кто захотел поверить в искренность красной пропаганды. Остальные свято претворяли в жизнь слова барона Врангеля: *«Хоть с чертом, но против большевиков».*

Мощным ударом по армии стала Генуэзская конференция. Нарком иностранных дел Советской России Григорий Чичерин делал с лидерами европейских стран все, что хотел. Он гораздо лучше их всех умел говорить, демонстрировать неожиданные логические ходы и играть на внешних

эффектах. Это был подлинный триумф молодой советской дипломатии. Английские газеты писали в те дни: *«Большевики получили трибуну и умело ею пользуются. Своим участием в конференции в качестве равных среди равных они достигли политического престижа, который им нужен».*

Лидеры европейских стран вынуждены были идти на уступки своим недавним смертельным врагам. Первым, чем с необычайной легкостью пожертвовали страны Антанты, стало, естественно, Белое движение. Англия и Франция усилили давление на Белград, чтобы король Александр как можно быстрее добился роспуска армии Врангеля. Так всем будет спокойнее. В результате 22 апреля 1922 года генерал был вынужден выступить со специальным заявлением: *«Единственная моя цель – обеспечить жизни моих старых соратников, пока Господь не даст нам возможность снова послужить Родине».*

В Югославии белым частям запретили именоваться армией. Официально они низводились до уровня обычных эмигрантских организаций, таких как клуб любителей русской старины. Генерал Кутепов получил ультиматум, что его войска больше не могут пользоваться правами боевых частей, должны во всем подчиняться гражданским болгарским властям и разоружиться. Всем желающим вернуться в Россию предлагалась депортация, желающим остаться – перевод на сельскохозяйственные работы. Врангелю въезд в Болгарию запрещался.

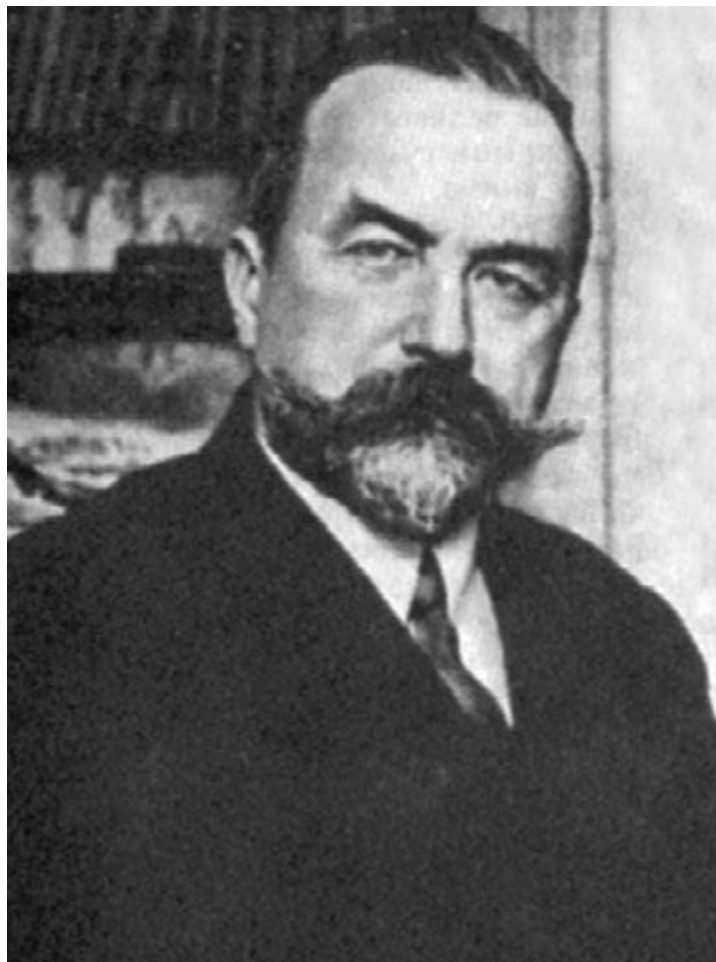
Кутепову удавалось успешно саботировать настойчивые требования правительства Софии до 17 мая 1922 года. В этот день советская делегация в Генуе нанесла очередной серьезный удар по Белому движению. В подкомиссии, обсуждавшей общеевропейские обязательства о ненападении, большевики потребовали дополнить обязательства мерами «против бандитов». Под этой формулировкой имелась в виду, разумеется, русская армия Врангеля. В европейские газеты были переданы добытые советской разведкой секретные документы белогвардейцев, относящиеся к их связям с правительственными и военными кругами других государств.

Подборка была сделана весьма искусно, преподнося документы в нужном для большевиков свете. Лондонская «Таймс» 18 мая писала: *«Это самый сильный удар, который большевики нанесли под занавес Генуэзской конференции».* И тут же белогвардейцам выпало новое испытание – в Болгарии ситуация обострялась с каждым днем. Вообще, события 1922 года в Софии очень напоминали Петроград 1917-го. Разница была лишь в том, что все происходило в послевоенной обстановке. Генерал Витковский в своих воспоминаниях писал: *«От корниловцев требовали снять форму. Избили 9 молодых офицеров инженерного училища. В довершение всего,*

чинам русской армии запретили проезд по железной дороге. Результатом большевистской работы стала напряженная обстановка в стране. Помнившие революцию в России понимали, что будет дальше».

Сходство с переворотом в Петрограде действительно было сильным. Москва активно помогала болгарским коммунистам. Правительство шло на одну уступку за другой, во многом повторяя прежние ошибки Керенского. Вся страна была опутана революционным подпольем и его агентурой, в которую, по данным контрразведки Кутепова, входил даже софийский градоначальник. Коммунисты полным ходом готовились к захвату власти. Естественно, армия Врангеля, накопившая за годы Гражданской войны богатейший опыт вооруженной борьбы со своими идейными противниками, была для болгарских коммунистов главной опасностью, тем более что «софийский Корнилов», как называли современники Цанкова, сразу заявил: уроки из революции в России он извлек и надеется, что Белое движение поможет братьям-славянам не допустить местных большевиков к власти.

Кутепов моментально заявил, что Первый армейский корпус в принципе не допустит никаких коммунистических волнений и подавит все в зародыше. Он не был ни политиком, ни дипломатом. Последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, столкнувшийся с большевиками еще весной 1917 года, Кутепов хорошо понимал, что ждет Болгарию. Естественно, местные сторонники Ленина тут же стали кричать, что в стране готовится правый переворот. Государство было на грани гражданской войны. Штаб Врангеля призывал к осторожности. Был срочно возвращен в строй и направлен в Болгарию лучший дипломат Белого движения – генерал Шатилов. В своем рапорте Главнокомандующему он писал: *«Положение русской армии в Болгарии в случае вооруженного выступления местных большевиков будет чрезвычайно затруднительным. Ведь первым последствием прихода их к власти будет расправа с нами».*

Генерал Е. К. Миллер.

Председатель Русского Обще-Воинского союза будет похищен агентами НКВД в 1937 году

Генерал Миллер подготовил от имени Врангеля приказ находиться в состоянии полной готовности, но не принимать участия в боевых действиях, а в случае чего отступать в Югославию. Только большевики не собирались начинать форсировать события до тех пор, пока не будут нейтрализованы белые войска. В газетных статьях и в выступлениях на бесконечных митингах они до предела раздули опасность правого переворота, подтолкнув правительство к акциям против врангелевцев. Началось все с обыска в контрразведке Первого армейского корпуса. Полиция обнаружила приказы о том, как следует себя вести в случае начала большевистского восстания. Полковника Самохвалова, который пытался возмущаться против незаконных действий, жестоко избили. Последующие протесты Кутепова ни к чему не привели. Русская армия была вынуждена молча снести очередное издевательство. Генерал Витковский в своих

воспоминаниях отметил: *«Дисциплина наших частей оставалась на высоте. Порывы негодования держали при себе».*

Одновременно власти произвели налеты с обысками на Русскую военную миссию и квартиру Кутепова. Охрана, поднятая по тревоге, вооружилась винтовками и пулеметами, намереваясь принять бой за своего командира. Только жесткий приказ Кутепова остановил потенциальное кровопролитие. Генерал приказал сдать оружие. Начальник штаба болгарской армии по телефону вызвал Кутепова в Софию, гарантируя возвращение. В очередной раз обманули. Александр Павлович был арестован. Узнав об этом, Врангель направил гневную телеграмму болгарскому правительству: *«В сознании своего бессилия ищете опоры у тиранов России и в жертву им готовы принести русскую армию. Встанет вновь жуткий призрак братоубийства. Бог свидетель, что не мы вызвали его».* Реакцию премьер-министра Болгарии понять не очень сложно. Он-то хорошо знал, что немногочисленное Белое движение в Крыму в течение года сражалось против превосходящего в шесть раз противника. Перспектива испытать на себе боевые качества корниловцев и дроздовцев Софию пугала.

На следующий день после этой телеграммы европейские газеты вышли с сенсационными заголовками: *«Барон объявляет войну», «Ультиматум главнокомандующего».* Болгарские власти немедленно обвинили белогвардейцев в шпионаже (правда, не уточнив, в чью пользу) и подготовке государственного переворота, который врангелевцы как раз и пытались предотвратить. Коммунисты тут же организовали митинги по всей стране с требованием немедленно отправить русских на Родину. Для сглаживания конфликта в Болгарию прибыл генерал Миллер.

Он пытался убедить кабинет министров, что телеграмма Врангеля лишь указывает на несправедливое отношение к белым офицерам и что *«русские контингенты ни при каких условиях не будут участвовать в политической жизни страны».* Однако правительство Болгарии в очередной раз пошло на поводу у коммунистов и выслало Кутепова из страны. Чтобы предотвратить возможные вооруженные столкновения, генерал, несмотря на запрещение контактов со своими частями, отправил приказ с требованием сохранять спокойствие и дисциплину. Первый армейский корпус принял генерал Витковский. Болгарское правительство предписало ему разоружить части и начинать мирный труд в специально создаваемых рабочих артелях.

Русская армия Врангеля как организованная сила постепенно

начала угасать. Солдаты и офицеры, устроенные на общественные работы, вынуждены были со временем расходиться по разным местам в поисках другого заработка.

Кто-то находил потерянные семьи, кто-то создавал новые. Некоторые, поднакопив денег, уезжали в другие страны, надеясь устроиться там лучше. Жизнь вносила свои коррективы, и Врангель, учитывая это, начал создавать воинские союзы. Начало было положено еще в 1921 году в Константинополе, когда Главнокомандующий стал получать много писем и ходатайств от бывших офицеров других белых фронтов о зачислении в армию. Удовлетворить их он не мог по материальным соображениям – надо было как-то прокормить хотя бы имеющиеся войска. И Врангель приказал своим представителям в разных странах начать регистрацию желающих числиться в составе армии. Такая работа продолжалась и в следующие годы.

Целью союзов Врангель видел не создание политической организации, а сохранение до лучших времен кадров русской армии, готовых, когда понадобится, вернуться в строй. К возникающим в разных государствах воинским структурам стали примыкать независимые офицерские общества, образовавшиеся на чужбине, где по идейному принципу, где по соображениям взаимопомощи и совместного поиска средств к существованию. Полковник-корниловец Михаил Левитов в своих воспоминаниях отметил: *«Всюду в первую очередь кумиром являлся его величество франк. Все покупается и продается оптом и в розницу, и для нашего брата такая обстановка была непривычна. Некоторые ради карьеры стали отходить от прямого долга. Видовой лоск еще сохранялся, но работа по подготовке «нового Кубанского похода» сильно хромала. Почти все деньги шли на устройство личной жизни».*

К воинским союзам русской армии Врангеля присоединился и ряд монархических организаций, начавших появляться еще во время Гражданской войны как оппозиция белым правительствам демократического и либерального толка. Условно, конечно, потому что ни теми, ни другими режимы Колчака или Деникина не были априори. Несоответствие между приказами барона о непринадлежности к политическим партиям и собственными убеждениями участники обычно объясняли тем, что верность русскому престолу – не политическая программа, а единственно возможный для них образ мышления. Однако они во многом лукавили, о чем весьма точно свидетельствуют дальнейшие события вокруг Русского Обще-Воинского союза.

Генерал П. Н. Шатилов.

В эмиграции – один из лидеров Русского Обще-Воинского союза

С первого же дня вокруг Врангеля началась политическая борьба. Высший монархический совет в Берлине настаивал на принятии остатками белых армий присяги дому Романовых. Генерал, будучи сам убежденным сторонником государя императора, с опаской относился к деятельности совета. Однажды в разговоре с Шатиловым он даже сказал: «Лучше бы они помогли нам тогда, в Крыму». Не стоит забывать, что в тот момент как раз и разгорелась борьба между великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем. Сторонники обоих претендентов на русский престол старались склонить на свою сторону прежде всего армию Врангеля – единственную на тот момент силу, которая могла бороться с большевиками.

Положение усугублялось еще и тем, что 31 августа 1924 года Кирилл Владимирович издал «Манифест о восшествии на престол». Нельзя сказать, что это было неожиданно. Еще за два года до этого он объявил себя

блюстителем русского трона и призвал великого князя Николая Николаевича к сотрудничеству. Однако бывший главнокомандующий Русской Императорской армии считал подобные действия незаконными. Эмиграции грозил раскол. Поэтому Врангель поступил так, как велела ему честь офицера: 16 ноября он признал великого князя Николая Николаевича верховным руководителем русского зарубежного воинства. Круг замкнулся.

Белое движение начиналось во многом как республиканское благодаря личному авторитету Корнилова и Деникина. И лишь после окончания вооруженной борьбы, когда лозунги «непредрешенчества» канули в Лету, вернулись к своему духовному началу – императорской России. Сам Врангель писал по этому поводу: *«Вставшая по призыву царя армия ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России. Пока не кончена эта борьба, пока нет верховной русской власти, только смерть может освободить воина от выполнения долга. Этот долг – собрать и сохранить русское воинство за рубежом»*.

Начиналась другая эпоха. Ей закономерно требовались иные герои. При всем уважении к его боевым и политическим заслугам, Врангель был в сложившейся конфигурации лишним. Но и его преемникам так и не удалось сделать главного – реабилитировать в массовом сознании роль Белого движения. Не в эмиграции, а на Родине. Обыватель и спустя 100 лет относится к ним так же, как и в годы Гражданской войны. А вот почему так получилось – давайте разбираться. Ведь без этого сложно говорить о примирении в обществе.

Во-первых, несмотря на ренессанс Белого движения в начале 90-х, его популярность так и не смогла распространиться дальше очень узкого круга интеллигенции. Не помогли ни сотни изданных книг, ни фильм «Адмиралъ» (с сериальной версией на Первом канале). Фактически образ белого офицера, возвращенный советским кино, так и остался на той же отметке: красивый мундир, рестораны, проникновенные романсы... А для национального героя требуется иное.

Во-вторых, даже промежуточные тактические успехи (разгром конного корпуса Жлобы или удачно завершённый второй Кубанский поход) не отменили главного: белые проиграли войну. Можно долго обсуждать причины поражения, но суть от этого не меняется. Не говоря уже про то, что в исторической ретроспективе победные операции Гражданской войны не идут ни в какое сравнение с битвами времен Великой Отечественной. Едва ли кому-то придет в голову всерьез сравнивать бои за Харьков 1919 и 1943 годов.

В-третьих, даже личные нравственные качества вождей Белого

движения оказались запятнанными совершенными их войсками преступлениями. Каким бы хорошим ни казался Колчак своим последователям и поклонникам, именно при нем зверствовали Анненков и Розанов. Здесь, конечно, можно начать долгую полемику на тему «красный или белый террор страшнее», но она принципиально ничего не меняет в восприятии социумом этих исторических личностей.

И, наконец, общество получило сильную прививку от пересмотра истории на примере Западной Украины и стран Балтии. Все в курсе, что многие русские эмигранты в 1941 году присоединились к крестовому походу Гитлера против большевизма. Только в рядах Русского корпуса служили свыше 50 генералов Белого движения. Были они и в окружении Власова, что дополнительных симпатий к белогвардейцам у широких народных масс в нашей стране по понятным причинам вызвать не может.

Доказать это необычайно легко на примере генерал-майора Туркула. Вне всякого сомнения, это одна из главных легенд у белогвардейцев. Человек исключительной храбрости, он много раз был ранен в атаках. Командир знаменитой Дроздовской дивизии, в 27 лет произведенный в генералы. Его воспоминания «Дроздовцы в огне», блестяще обработанные известным русским писателем Иваном Лукашом, входят в золотой фонд русской эмиграции. Это все правда и никаких сомнений не вызывает. Я лично знаю десятки людей, которые заинтересовались историей Гражданской войны именно под влиянием прекрасных мемуаров Туркула. Читаются они очень легко и крайне увлекательно. Книга эта многократно издавалась в современной России, чтобы все прониклись жертвенным патриотизмом Туркула и чинов Дроздовской дивизии.

То, что воспоминания заканчиваются на эвакуации из Крыма в 1920 году, никого не смущает. Но спросите у восторженных читателей Туркула: известно ли им, чем занимался генерал потом? Впрочем, можете не утруждаться. Я и так вам скажу – им это неизвестно. Больше того – они никогда этим не интересовались. Равно как и подавляющее число публицистов, написавших многочисленные панегирики Туркулу. Из них, по вполне понятным причинам, выпали почти все некрасивые подробности. Так чем именно занимался генерал с 1933 по 1945 год? А мы с вами – люди педантичные и восполним этот пробел.

Председатель эмигрантского Русского Обще-Воинского союза генерал Миллер в своем приказе от 2 января 1937 года отмечал: *«Мы являемся как бы естественными, идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно»*. Активнее всех начал воплощать этот тезис в жизнь генерал Туркул. Ради этого он даже со скандалом вышел

из рядов РОВС, потому как устав врангелевского союза запрещал заниматься политикой. Его кипучей натуре категорически претила статичность. А действие в нужном направлении мог тогда предложить только канцлер Третьего рейха. Именно его идеологию Туркул и взялся трансформировать под собственные взгляды. Как и во время Гражданской войны, генерал действовал с привычной ему лихостью. В своей речи в Берлине, произнесенной 18 мая 1938 года, Туркул обозначает цель и способ ее достижения: *«В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм, доказавшие на деле свою жизнеспособность и победивших у себя на родине коммунизм. Но, конечно, доктрины эти мы преломляем в русской истории и применяем к русской жизни, к чаяниям и нуждам Российского народа».*

Предвижу возражение. Это выступление может быть исключением из правил, вызванным поиском Туркулом путей для освобождения России от большевизма. Не мог убежденный патриот России вот так взять и поменять свои убеждения на немецкую идеологию. И действительно, в 1939 году он принципиально заявил: *«Мы не сможем участвовать в действиях противокommунистического блока – если он пойдет по линии чистого сепаратизма».*

Согласимся, очень красиво и патриотично звучит: никакого союза с теми, кто хочет расчленения России. Но это – только в теории. На практике же было несколько иначе. Нападение гитлеровской Германии на СССР Туркул, естественно, поддержал. Конечно, можно всегда сказать, что он ничего не знал про планы немцев по истреблению народов страны и колонизации исконных русских земель. А если бы знал, был бы категорическим противником. Это все красиво, но, к сожалению, неубедительно. Предлагаю посмотреть, что именно фактически поддержал ярый патриот своей Родины Туркул, взявший за основу своего политического мышления фашизм. В знаменитом немецком генеральном плане «Ост» от 15 июля 1941 года разграничение новых областей Третьего рейха проводилось в расчете на 30-летний период их заселения. *«На основании указаний рейхсфюрера СС колонизации подлежат в первую очередь следующие области:*

- 1) Ингерманландия (Петербургская область),*
- 2) Готская область – Готенгау (Крым и Херсонская область, ранее Таврия); далее к заселению предлагается*
- 3) Мемель-Наревская область (район Белостока и Западная Литва).*

Представляется необходимым создать в этих трех областях особый правовой режим поселенческих марок, так как они играют особую роль в

решении задач рейха на переднем крае борьбы немецкой народности».

Обращаю ваше внимание на слово «колонизация». И задаю вопрос: как может патриот России находиться в союзе с теми, кто претворяет такие планы в жизнь? А Туркул это поддерживал не просто формально, но находился в рядах союзной Третьему рейху власовской армии. Об этом сегодня тактично не принято говорить. В лучшем случае вам расскажут, что генерал был в резерве, как и большинство русских эмигрантов. Да, действительно, Власов сотоварищи бывших белогвардейцев не жаловали. Но для Туркула и тут было сделано исключение. На этот счет существует безупречное свидетельство полковника Гордеева-Архипова, близко знавшего генерала. Вот что он пишет: *«По инициативе Власова состоялась его встреча с Туркулом. О чем они говорили, мне неизвестно, но после многочасового разговора он вышел оттуда командиром корпуса».*

Жгучая ненависть к политическому строю России в результате привела Туркула к союзу со злейшими врагами его Родины. И какими бы ни были его устремления, от этого упрямого факта никуда не деться. Советую задуматься об этом тем, кто сегодня готов на союз с кем угодно ради свержения правительства. Этот путь всегда приводит к одному – в стан врагов России. И едва ли нормальный человек от этого будет счастлив. Как не стал, вероятно, счастлив по итогам всей своей деятельности и генерал-майор Туркул, несмотря на все свои бравурные заявления.

Но современные последователи Белого движения этого категорически не хотят понять. Они умудрились унаследовать абсолютно все худшие черты русской эмиграции. Постоянные споры и склоки на тему «кто из вождей должен быть нашим знаменем?» разговоры через губу; жалобы на народ, который никак не хочет прозреть; ненависть ко всем, кто смеет иметь собственное мнение... Результаты этого не заставили себя ждать. Как и 100 лет назад, «народ не с нами, народ против нас». И это – главный невыученный урок той истории.

Комиссары в пыльных шлемах

Лучше всех об этом могли бы порассказать Троцкие и иже с ними, расплатившиеся своими боками за попытку подменить своей мелкобуржуазной идеологией великое учение Маркса-Ленина.

Маршал Ворошилов

Революция в первую очередь всегда уничтожает своих отцов-основателей. Счастлив тот из дантонов, кто успеет умереть своей смертью. Соратники отдадут ему все возможные почести. Назовут его именем пионерский отряд или даже набережную. Потом, спустя десяток лет, тихо переименуют в честь нового героя, и от памяти об этом человеке останется в лучшем случае скупая строчка в энциклопедии. А многие и без нее обойдутся. Потомки возмущаться не будут, для них та эпоха – ретро. Не татаро-монгольское иго, но что-то вроде этого.

Именно поэтому подавляющее большинство сегодняшних россиян не в силах сразу назвать хотя бы десять деятелей русской революции, не говоря уже про Гражданскую войну. Прошло то время, когда фамилии Щорс, Пархоменко, Котовский, Городовиков говорили сами за себя. Да что там лихие кавалеристы, если обыватель убежден, что Рабоче-крестьянскую красную армию создал если не товарищ Сталин, так наверняка Ленин. Троцкий был успешно вычеркнут из истории. Происходило это поэтапно. И надо признаться, Лев Давидович сам во всем виноват.

Закончилась Гражданская война. Надежды на мировую революцию растаяли, как девичьи грезы. Троцкому стало нестерпимо скучно. Некому грозить децимацией, не нужно носиться на бронепоезде по всей стране. Даже к классовой борьбе можно не призывать, потому что товарищи и недобитый еще буржуазный элемент и так только этому и посвящали все свое время. «Демон революции» все чаще манкировал многочисленными партийными мероприятиями, ссылаясь на болезни и не проявлял былого рвения. Он уверовал в собственный исключительный вклад в победу и стал зарываться.

Осенью 1924 года Троцкий опубликовал статью «Уроки октября», в которой кроме привычных ритуальных пинков

Зиновьеву и Каменеву посмел выставить себя как единственного и законного преемника Ленина.

И все было бы ничего, но компанию двум старым партийным оппонентам Льва Давидовича в тот исторический момент составлял Сталин. А он Троцкого безмерно ненавидел еще со времен обороны Царицына. Естественно, выкурив трубку и злобно сощурившись на портрет Ильича, он решил ответить в партийной печати по полной программе. Эта программа включала напоминания про меньшевистское прошлое Троцкого и содержала подозрения, что всю сознательную жизнь Лев Давидович только и делал, что вредил Ленину. Даже в случае с созданием победоносной Рабоче-крестьянской красной армии. Зиновьев и Каменев в стороне от склоки не остались и выступили в том же ключе, используя лишь более витиеватые выражения.

Партия сигнал услышала и поняла его правильно. Немедленно развернулась всесторонняя дискуссия в диапазоне от Центрального комитета до деревенских комитетов бедноты по развенчанию недопустимого среди подлинных большевиков культа личности. Изменения не заставили себя долго ждать. Портреты Троцкого и лозунги в его честь были торжественно вынесены из казарм несокрушимой и легендарной. На смену им пришли, разумеется, портреты Ленина и транспаранты, восхваляющие мудрое Политбюро родной партии, под чьим бдительным идейным руководством и был разгромлен многочисленный вредительский буржуазный и контрреволюционный элемент.

Красная гвардия. Из этих разрозненных частей Троцкий создаст ту самую легендарную Красную армию

Еще раз повторяю: на дворе – осень 1924 года. Механизм, который мы привыкли целиком и полностью отождествлять с репрессиями следующего десятилетия, уже полностью отлажен. Просто не все тогда понимали, что вслед за моральной ликвидацией неугодных скоро начнется и физическое их устранение. Партийная бюрократия привычно все единодушно одобрит, и обыватель на многочисленных митингах и собраниях подтвердит свою преданность общей идее. Тем более что она проста и понятна любой аудитории: все и всегда делал один Ленин. Иногда ему, конечно, немного помогал Сталин. Например, Деникина и Колчака титаны громили вдвоем. Но в целом Ильич бы и один управился.

Чтобы никто не смел сомневаться в такой единственно верной исторической правде, был немедленно мобилизован на важнейшую государственную работу бывший член Реввоенсовета Первой конной армии Бубнов. К Троцкому он относился понятно как. Возглавив политическое управление РККА, он проявил себя во всей красе. Трудился не покладая

рук. Начал, разумеется, с главного. Молниеносно Бубновым был составлен и одобрен на самом верху сборник «Ленин и Красная армия». Поступили с подлинно большевистской смекалкой. Сначала отстранили от работы всех, кто позволял себе помнить о вкладе Троцкого в создание армии. Потом изыскали ленинские выписки из богатого теоретического наследия Клаузевица, снабдили их многочисленными записками товарищам по партии и директивами губернским комиссарам, и результат вышел превосходный – не придерешься. Никто больше не смел спорить о решающем вкладе Ленина в защиту республики от белогвардейских полчищ.

Но это было только начало большого и долгого пути. Бубнов пришел всерьез и надолго. Он в значительной степени обогатил скудный лексикон красноармейцев пока еще непривычными для них лозунгами «Помнить, любить и изучать Ильича» и «Партия не позволит извращать великое учение». Каждый должен был быть одухотворен подлинной большевистской правдой, если не хотел оказаться в позорном ряду отщепенцев от генеральной линии партии. За это пока еще не расстреливали, но неприятные последствия гарантировались.

Троцкий в борьбу за свою роль в русской революции не вступил. Напротив, попросил освободить его от должности наркома, что коварный Сталин с нескрываемым удовольствием и исполнил. На место Троцкого торжественно заступил Фрунзе. А дальше будущий великий учитель всего советского народа делает гениальный ход: он увеличивает финансирование армии. Дело в том, что по итогам Гражданской войны и военного коммунизма РККА была в шаге от нищеты. Иосиф Виссарионович, хитро прищурившись, выделил дополнительные ассигнования, чтобы повысить жалованье всему комсоставу. Нужно ли объяснять, что после этого большинство красных командиров воспыало поистине сыновней любовью к вождю родной коммунистической партии?

Не забывали и о борьбе с товарищем Троцким. Войска получили циркуляр политуправления РККА с призывом внимательно отнестись к искоренению и разоблачению опасных для пролетарского государства тенденций. Снимаемых с постов сторонников Льва Давидовича в расстрельный подвал пока не волокли – социалистическая законность не позволяла. Их массово отправляли на хозяйственную или дипломатическую работу. С глаз долой, но и из сердца не вон. Придет время, и о них вспомнят. У будущего генералиссимуса Сталина память была – дай Бог каждому. Никого и никогда не забывал.

Вообще, передвижение сторонников Троцкого по различным должностям в те годы – тема интереснейшая. Куда только не заносило рыцарей революции!

Они все могли, на любом поприще они находили применение своим разносторонним дарованиям. Взять, например, бывшего заместителя председателя Реввоенсовета республики товарища Склянского. Вы ни за что не догадаетесь, чем он занялся! Ладно, не буду мучить понапрасну. Эфраим Маркович стал председателем треста «Моссукно». Прочувствовали всю мощь? Но это еще не все. Арестовывавший Временное правительство Антонов-Овсеенко отправился полпредом в Чехословакию, хотя не имел ни малейшего представления об этой непростой сфере деятельности. А вождь червонного казачества товарищ Примаков поехал в Китай – передавать свой богатый опыт борьбы с контрреволюцией местным карбонариям.

Это, кстати, было вполне обычной практикой для той эпохи. Куда только не забрасывал верную ленинскую гвардию рабоче-крестьянский долг! Бригадный комиссар Фрумин был начальником Государственного центрального института физической культуры, а дивизионный комиссар Кальпус трудился заместителем председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркомом СССР. Дивизионный интендант Берзин работал директором треста «Дальстрой», а известный чекист Фриновский был отправлен развивать Военно-морской флот. За любую работу готовы были взяться. Правда, зачастую это приводило к плачевным результатам.

Но мало просто изгнать из армии всех сторонников Троцкого, отправить на новые участки борьбы за пролетарское счастье и подобрать им достойную замену. Нужно возвеличить и нового руководителя, чтобы его престиж смотрелся не совсем уж бледно на фоне Ленина. Согласимся, задача не самая простая. Рядом с почившим вождем товарищ Сталин в то время смотрелся довольно бледно. Но нет такой задачи, которую не способен решить пытливый ум. Фрунзе с этой точки зрения подходил идеально. До революции в активе этого старого большевика имелось два смертных приговора. За каждый из них он расплатился сполна с ненавистным ему режимом, последовательно сокрушив войска Колчака и Врангеля. Боевой путь Михаила Васильевича стал обязательным к изучению в молодой Рабоче-крестьянской красной армии.

Фрунзе прочно занял заслуженное место среди большевистских вождей. Ему посвящали множество статей, в которых называли не иначе

как виднейшим красным командиром и даже великим теоретиком военного строительства. Немного переусердствовали в похвалах, но так и задача стояла непростая. Ведь помимо восхваления Фрунзе непременно следовало постоянно подчеркивать, что его взгляды были прогрессивнее позиций Троцкого. Доля истины в этом, безусловно, присутствовала.

Фрунзе мечтал подарить человечеству новую теорию военного искусства. И не простую теорию, а настоящую пролетарскую, без посторонних примесей. Чтобы у буржуев кровь холодела от одного только взгляда на этот трактат. Чтобы просыпался недобитый помещик в холодном поту и понимал – дни его сочтены. Так, собственно, и вышло. Во всем мире вздрогнули, когда получил известность следующий пассаж: *«Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть. Ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда сложится благоприятная обстановка».*

Что мы видим? Все та же мечта о мировой революции, только в иной, нежели у Троцкого, трактовке. Если создатель Рабоче-крестьянской красной армии считал, что подъем производства в России может начаться только после полной победы пролетариата во всех странах, то его сменщик, напротив, призывал сначала создать в СССР военно-промышленную базу, и только потом переходить к экспансии. Сталин, разумеется, был целиком и полностью за второй вариант. Ему, в отличие от Троцкого, спалось пока относительно спокойно без лицемерия рейдов Первой конной армии по Парагваю или Аравийскому полуострову.

Доктрина Фрунзе, разумеется, получила полное и всеобщее одобрение политического руководства молодой советской страны. Но воплощать ее в жизнь пришлось уже совершенно другим людям. Победитель Колчака и Врангеля странным образом погибнет на операционном столе. Причем сразу же после получения записки от Сталина: *«Дружок! Был сегодня в 5 часов вечера (я и Микоян). Хотели к тебе зайти – не пустили, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем. Коба».*

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов.

После смерти Ленина они станут официальными создателями Красной армии

Разумеется, тут же поползли слухи. Гуляют они и сегодня. Дурь за почти 100 лет никак не выветрится. Простой вопрос: а зачем Сталину ликвидировать Фрунзе, который и так был более чем лоялен и активно продвигал в Рабоче-крестьянской красной армии позицию именно Иосифа Виссарионовича? А за тем, ответит мне иной либеральный ум, чтобы поставить на место наркома еще более преданного Ворошилова. Согласимся, это плодотворная дебютная идея, как сказал бы Остап Бендер. Тем более что тот самый 1925 год ознаменовался чередой странных смертей видных партийных функционеров.

Список имен поражает воображение: один из председателей ЦИК СССР Нариманов, уполномоченный наркомата почт и телеграфов Атарбеков, председатель правления акционерного общества «Амторг» Хургин, председатель Авиатреста Павлов. Наконец, венчает этот своеобразный синодик неоднократно упоминавшийся на страницах этой

книги Склянский. Все они погибли при разных обстоятельствах, но тенденция просматривается. Но это с одной стороны. А с другой – совпадения в жизни случаются значительно чаще закономерностей. И даже построение первого в мире государства рабочих и крестьян эту тенденцию изменить не смогло.

Процесс реформирования победоносной Красной армии между тем продолжался стахановскими темпами, хотя до появления этого феномена оставались еще годы.

В руководстве вооруженных сил закрепились Климент Ворошилов и Иосиф Уншлихт. Последний, одна из будущих жертв кровавого сталинского беззакония, был вполне себе человеком Иосифа Виссарионовича. Конечно, не таким преданным, как первый красный офицер, но все же. Компанию им составит еще одна жертва последующей в 30-х годах волны репрессий – уже упоминавшийся мною Бубнов. Ему повезло особенно. Перемены коснулись и возглавляемого им Политуправления Реввоенсовета СССР.

Прежде всего Бубнов стал секретарем ЦК. Согласимся, заслужил своим ежедневным трудом по очищению армии от всяческого наследия Троцкого. Кроме этого, Политуправление выводилось из Реввоенсовета и теперь подчинялось непосредственно ЦК ВКП(б). Для тех, кто еще не догадался, для чего понадобилась такая перестановка, объясню. Отныне все политические органы РККА напрямую замыкались на руководство страны. То есть, фактически на товарища Сталина лично. Оценили изящество комбинации?

А теперь посмотрим внимательно на фигуры командиров Рабоче-крестьянской красной армии. Рожденные в СССР или выросшие на творениях своеобразных публицистов уже в XXI веке приняли за догму знаменитые слова маршала Буденного: *«Самым слабым местом в организации Врангеля были генералы. Я хорошо знал и Покровского, и Шатилова, и Улагая, и других: нам приходилось их бить. Это были не очень храбрые вояки, с узким военным кругозором, с ограниченным оперативным мышлением»*. Мысль ценная. Очень она ласкает слух любителям теории классовой борьбы. Однако в реальности все было иначе. Нет, разумеется, Буденный знатно умел махать шашкой и мог спокойно разрубить противника напополам. Только перед этим кто-то должен был спланировать операции. И тут выяснится, что это делали совсем другие люди. Возьмем для примера Фрунзе – великого военного практика, если верить советской пропаганде. Так вот, заместителем у него был генерал

Новицкий, а начальником штаба служил генерал Махров. И это вовсе не исключение из правил.

Генерал русской императорской армии Сытин командовал Южным фронтом красных. Его коллега генерал Ольдерогге занимался ровно тем же самым на Восточном фронте. А указания им отдавали полковники Генерального штаба Вацетис и Каменев. Это они имели полное право рассуждать об узости чьего-то военного кругозора, а вовсе не Семен Михайлович Буденный.

Но еще дальше в проявлениях вопиющего хамства зашел Тухачевский. Этот деятель в 1921 году изволил написать: *«Мы не получили в наследство от царской армии хороших приемов общевоинского обучения, и нам самим надо настойчиво их разрабатывать применительно к условиям Красной армии»*. Если Михаил Николаевич что-то и не получил, то исключительно по своей вине. Николаевская академия Генерального штаба работала без сбоев. И именно благодаря ее выпускникам тот же Тухачевский не закончил свои дни на виселице лет на двадцать раньше.

Но они в силу своего социального происхождения не могли быть в героях Гражданской. А свято место пусто не бывает. Слава сокрушителей мировой буржуазии досталась другим. Например, бывшему студенту лесного института Роберту Эйдеману. Свою службу в рядах Красной армии он начал со скромной должности начальника дивизии. Невероятной природной застенчивости был человек. Именно ею и объясняется его культовая фраза *«Оперативная мысль Деникина была слишком дряхлой, отражавшей вырождение отживающего строя»*.

Все всякого сомнения, Эйдеман имел полное право на такую точку зрения. Но точно так же любой разбирающийся в теме может считать сего былинного воина лжецом, потому что при нем начальником штаба 13-й армии состоял не кто-нибудь, а лично генштабовский генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский. Он, и только он имел моральное право рассуждать о дряхлости чьей-либо оперативной мысли. Поскольку разбирался досконально в этом вопросе, чего невозможно сказать про недоучившегося студента лесного института.

Ладно, скажут мне, Эйдеман – исключение из правил. Затесался наглец в славные ряды. Но остальные-то ведущие красные командиры были силищи богатырской и нравственны донельзя. Вот и давайте посмотрим пристально на персоналии. Даже не станем все их биографии подробно изучать. Достаточно отдельных эпизодов. Поверьте, общая картина станет предельно ясной. Она, безусловно, будет сильно отличаться от привычного взгляда на комиссаров в пыльных шлемах, но автор этих

строк здесь не виноват. Не я составлял им рафинированные биографии для многолетнего бездумного тиражирования.

Начнем с народного комиссара, первого красного офицера Климента Ефремовича Ворошилова. Ему по статусу положено быть первым. С этим спорить не буду. Но вот с чем категорически не соглашусь – уникальные военные дарования. Огромный опыт подпольной работы у Ворошилова, безусловно, был. Это глупо отрицать. Организационный талант присутствовал. Харизма, без которой революционными массами не завладеть, имелась. А вот с военными дарованиями у Ворошилова как-то не срослось.

*К. Е. Ворошилов.
Тот самый «первый красный офицер»*

Лето 1919 года. Климент Ефремович исполняет обязанности командующего 14-й армией. Действует решительно, с подлинным большевистским задором. Только вот результаты не радуют. Нет, они, конечно, были, но вовсе не те, которыми стоит гордиться. Антонов-Овсеенко докладывал в Реввоенсовет республики: *«Приписывать себе успех борьбы с Григорьевым он может лишь по большому недоразумению. Утверждения Ворошилова в области его собственных успехов постыдно*

преувеличены».

Но то, что не получилось на фронте, сполна удалось в тылу. За подавление Кронштадтского мятежа Климент Ефремович был награжден уже вторым орденом Красного Знамени. Завидная карьера, даже по меркам революционного времени. Многие прославленные красные командиры и одного ордена от советской республики не получили. Но при этом никто из современников не зачислял Ворошилова в классики военной теории. Все разговоры об этом – уже позднесоветский миф. В интересующий нас промежуток времени Большая советская энциклопедия откровенно сообщала гражданам страны: *«Ворошилов не получил систематической военной подготовки. Впервые с военным делом он познакомился в ожесточенной революционной борьбе того класса, из недр которого он вышел. Высоко развитое классовое чутье, глубокая принципиальность – вот основные черты его политического профиля».*

То есть, считать Климента Ефремовича советским Мольтке или Шлиффеном пролетарским массам не рекомендовалось. И сам он себя в величайшие полководцы не записывал.

Потому что искренне считал, что полученной им практики революционной борьбы в подполье и опыта Гражданской войны сполна хватит, чтобы разгромить любое буржуазное войско. А значит, не нужно тратить столь нужное для развития пролетарской республики время на изучение какой-то там военной теории. Классовое чутье обязательно подскажет нужное стратегическое решение.

Не берусь судить, как часто оно указывало Ворошилову гениальные планы по разгрому Деникина и Врангеля, но вот культ его личности выстроить помогло. Страна была в буквальном смысле переполнена Климентом Ефремовичем – от «ворошиловской пшеницы» до «ворошиловского стрелка». Любимому наркому посвящали песни и стихи, статьи, книги и скульптуры. Сам герой всенародного поклонения в долгу не оставался и неустанно благодарил своего благодетеля: *«Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, – там не было видно Сталина. Но там, где трещали красные армии, где контрреволюционные силы грозили самому существованию Советской власти – там появлялся товарищ Сталин».* В иных жанрах товарищ Ворошилов не творил в принципе. Если, конечно, не считать творчеством любовь к балету.

Первая конная армия. Главная ударная сила Рабоче-крестьянской красной армии

Следующим в иерархии красных командиров гордо шел будущий маршал Советского Союза Александр Ильич Егоров. Начало его карьеры было исключительно неблагоприятным с точки зрения новой рабоче-крестьянской религии. В годы Первой мировой войны был ранен пять раз, награжден орденами и Георгиевским оружием за храбрость. Вполне заслуженно стал командиром полка. Но на Дон к Корнилову не спешил, а напротив – вступил в партию большевиков.

Ему необычайно повезло. Но благодарить за это он должен был не свои военные таланты, которые действительно были, а генерала Мамантова. Уверен, что многие о нем никогда не слышали. Или вспомнят многочисленные мифы советского времени, имеющие весьма косвенное отношение к подлинной истории Гражданской войны. Давайте хоть сейчас восполним этот пробел.

Биография Мамантова полна неточностей и разночтений, а порой и просто легенд. Взять хотя бы фамилию. В Советском Союзе ее писали с одним «а», которое приходилось на первый ударный слог, тогда как в правильном написании должно быть два «а» – «Мамантов». Дело в том, что

инициатором изменения имени легендарного атамана был Троцкий, который по одному ему ведомой причине сознательно искажал фамилию «белобандита» в своих приказах. Он же почему-то причислил Мамантова к потомственным казакам. Говорят, что уж очень не нравились пламенному трибуну революции знаменитые на всю Россию усы Константина Константиновича. Но носил их генерал вовсе не по донской традиции, а в память о лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, где и начинал свою службу еще в конце XIX века в чине корнета.

Именно с его именем многие связывают успехи белых армий летом 1919 года. Его знаменитый казачий рейд по большевистским тылам моментально оброс легендами, причем до такой степени, что установить истину сегодня чрезвычайно сложно. Начать хотя бы с того, что, по воспоминаниям участников, план похода был разработан лично Мамантовым, который дерзко проигнорировал распоряжения руководства Вооруженных сил Юга России. Не случайно барон Врангель в своих мемуарах впоследствии отметил: *«Действия его считаю не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в подчинении массу прекрасной конницы, Мамантов не только не разгромил противника, но явно избегал боя с большевиками».*

На всем пути партизанского рейда Мамантов уничтожал склады большевиков и взрывал железнодорожные мосты. Красных обуяла паника. Троцкий, очутившийся в районе набега, предпочел сразу уехать в Москву. По дороге он писал: *«На облаву, рабочие, крестьяне. Ату белых! Смерть живорезам!»* Призыв пламенного трибуна революции, однако, остался не услышанным. В том числе и потому, что Мамантов распорядился немедленно распустить по домам десятки тысяч крестьян, насильно мобилизованных в Красную армию. На Тамбовщине и в окрестностях Липецка запылали антисоветские восстания. Большевикам срочно понадобились контрмеры: против Мамантовского корпуса был создан Внутренний фронт. Органам ВЧК в приказном порядке предлагалось расстреливать на месте взятых в плен участников рейда.

Впоследствии точно такое же зверство стали приписывать Константину Константиновичу. Действительно, пощады многим не давали. Для Гражданской войны это было, увы, повсеместной практикой. Но справедливости ради стоит сказать, что известно и другое: Мамантов приказал взять с собой всех пленных чекистов и комиссаров. После окончания рейда их сдали командованию Добровольческой армии, которое и устроило в Харькове суд над большевиками. Не всех из них расстреляли, многие из захваченных коммунистов досидели в тюрьме до нового

появления в городе Рабоче-крестьянской красной армии.

Мамантов вообще всячески подчеркивал освободительный характер своего похода, соблюдение законности и свою близость к простому народу. Он демонстративно раздавал рабочим и крестьянам захваченные у большевиков «керенки» и советские «пятакówki». Генерал в тот момент вообще настолько проникся ролью лидера антибольшевистского сопротивления, что даже отдал приказ о подготовке похода на Москву. В телеграмме атаману Краснову он писал: *«Дела наши блестящи, пленных забираем тысячи. Ведем бои без потерь и скоро сокрушим комиссарское царство»*. А в самом деле, мог ли Мамантов дойти до столицы? Большинство его подчиненных свято в это верили. Среди них был и полковник Добрынин: *«Можно считать вполне вероятным, что коннице удалось бы взять Москву. Вопрос же ее удержания находился бы всецело в руках населения и готовности его к борьбе с большевиками. Опасности для нас никакой не было, так как поймать отряд советская власть не могла, да и в случае угрозы конница легко могла в любом месте выйти на фронт и соединиться с армией»*.

В сентябре 1919 года Тихий Дон торжественно встречал героя похода генерала Мамантова. Его наградили почетным оружием – серебряной шашкой. На эфесе красовался вензель «КМ» и герб Всевеликого войска Донского – олень, пораженный стрелой. На клинке красовалась надпись «Герою Родины от правительства за беспримерные в мировой истории рейды казачьей конницы в войне с большевиками». Однако далеко не все считали этот поход триумфальным. Так, барон Врангель открыто раскритиковал действия генерала, назвав рейд издевательством над мирным населением. Ведь не секрет, что полки вернулись с богатыми трофеями – возами мануфактуры, столового и церковного серебра. Мамантов счел нужным ответить. В своей телеграмме Петру Николаевичу он писал: *«Доколе вы будете распоряжаться донцами как пешками, я не считаю возможным занимать ответственную должность»*. Через несколько недель генерал был отправлен в отставку.

Так вот, именно тот легендарный рейд сыграл ключевую роль в судьбе Егорова. Троцкий начал спешно формировать красную кавалерию. Именно Сталин вместе с Александром Ильичом и развернули конный корпус Буденного в Первую конную армию и утвердили Ворошилова членом Реввоенсовета. Потом на протяжении многих лет эта четверка будет идти по жизни неразлучно. Будущий маршал Советского Союза Василевский напишет в своих воспоминаниях: *«Многие из нас, знавших Егорова, помнят его покоряющую улыбку, его мягкий, истинно народный юмор, человеческое*

обаяние, какую-то особую душевность, сочетающуюся со стальной полководческой волей». Но только ли этим запомнился современникам один из создателей красной кавалерии?

Разумеется, нет. Особых теоретических трудов по военному искусству он не оставил. Если, конечно, не считать за таковые совершенно правильный вывод, что грядущая война станет битвой моторов, а не кавалерии. Но в чем Егоров действительно преуспел, так это в написании многочисленных панегириков товарищу Сталину. Вот ярчайший образец его творческого наследия: *«С каким восторгом я вспоминал эту тесную совместную боевую работу, проходившую под тактическим руководством нашего горячо любимого вождя. Когда взвесишь, что история для решения своих задач потребует еще людей, способных проявить великие качества ума, воли, твердости, решительности – становится еще радостнее, и бодрость, как живая струна, наполняет все фибры организма».*

Гитлеровского фельдмаршала Кейтеля за глаза все называли «Лакейтель» или «Секретарь». И было за что. Его услужливость перед фюрером не знала границ.

Он был готов выполнить любое указание Гитлера и отличался умением принципиально не иметь перед начальством своего мнения. Согласимся, для военного мыслителя это качество, мягко говоря, не полезное. С этой же точки зрения следует подходить и к Егорову. Он был правильным коммунистом, но не самым блестящим полководцем. Классический продукт той эпохи со всеми своими плюсами и минусами.

Про Тухачевского и Буденного говорить подробно не приходится. Они и так не уходят с медийного пространства. Приглядимся лучше к тем, кто вниманием потомков незаслуженно обделен. Например, на Иону Якира. В 1957 году эту жертву политических репрессий торжественно реабилитировали. Нынче он, конечно, в ряду великих военных теоретиков и лихих кавалеристов не значится. Все больше про другое рассказывают. Каким, например, он был замечательным оратором, как умел замечать ошибки и советовать, как их устранять.

Не спорю, это прекрасное качество. Каждому стоит им обладать. Но мы ценим Якира все же не за умение произносить пространные монологи. Он ведь у нас активный деятель Гражданской войны. Так чем же он знаменит? В первую очередь тем, что первым освоил практику привлечения наемников. Да, вы не ослышались. Забудьте навсегда про глупый штамп «воин-интернационалист» в отношении событий 1918–1920

годов. Он существовал только в многочисленных работах советского агитпропа. Реальность была иной. Китайцам платили, разумеется, не «керенками», а золотом. Сам Якир об этом с гордостью поведал всем в своих мемуарах: *«На жалованье китайцы очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Приходят это ко мне их уполномоченные и говорят, что их нанималось 530 человек и, значит, за всех я и должен платить. А скольких нет, то ничего – остаток денег, что на них причитается, они промеж всеми поделают. Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по-нашему. Все же они свое получили. Много хорошего было у нас с ними в долгом многострадальном пути через всю Украину, весь Дон, на Воронежскую губернию».*

Вдумайтесь в эту малопривлекательную картину. Выражаясь сегодняшним языком, полевой командир сколотил вооруженное формирование из иностранных наемников, которые и пошли насаждать новые революционные порядки. Никто из руководителей страны его за это не то что под трибунал не отдает, но даже и не критикует. Громит контрреволюцию – и прекрасно. Это сейчас главное. С остальным потом разберемся. И надо сказать, действительно разобрались.

Еще один видный деятель Гражданской войны Иероним Уборевич. И он станет жертвой политических репрессий, и потом получит посмертную реабилитацию в 1957 году. Во времена Хрущева этого участника «дела Тухачевского» начнут активно возвеличивать и так же попытаются записать в выдающиеся военные теоретики. Старались на славу. Вот, например генерал-полковник Покровский выдал такой панегирик: *«Он был удивительным человеком крупных дарований. Сейчас Жуков и Конев вошли в историю, сделали очень многое, а тогда они казались рядом с этим человеком маленькими. Он учил их, они учились у него».*

Уверен, что перед вашими глазами уже возник образ титана мысли и дел, который в одиночку в 1941 году сокрушил бы танковые армады Гудериана и Гепнера. От реальности, правда, этот образ будет страшно далек. Спору нет, в Гражданской войне части Уборевича хорошо себя проявили и на Южном фронте, и во время наступления на Варшаву. Но вопросы остаются ровно теми же самыми – а кто у него был начальником штаба? Кто планировал операции, чтобы бывший подпоручик Русской императорской армии смог насладиться любовью всего рабоче-крестьянского государства?

А потом выяснятся совсем уж неприятные подробности. Дело в том, что в январе 1920-го на великого стратега обозлился Ленин. Было за что. В своем письме к Орджоникидзе он не скрывает чувств: *«Получил сообщение,*

что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Скандал и позор! А я-то Вас направо-налево всем нахваливал! И Троцкому доложено. Ответьте тотчас: 1) Кто Вам дал вино? 2) Давно ли в Реввоенсовете 14 у вас пьянство?» Командарм 14 – это как раз Уборевич. Сей эпизод немного пятнает белоснежные ризы этого революционного деятеля. Но дальше – больше.

Во время подавления Тамбовского восстания он будет уже заместителем Тухачевского. На пару они много чего в тех местах сотворили. Губерния от такого удара так до конца и не оправилась.

Полный букет военных преступлений – от взятия заложников и уничтожения деревень до создания концлагерей и массовых расстрелов. Подобные бесчеловечные методы не сильно укладываются в общую картину построения нового прекрасного общества и поэтому не особо афишировались в годы советской власти. Не любим мы вспоминать об этом и сегодня.

Несколько лет назад нынешний министр культуры Владимир Мединский сделал заявление по поводу Тамбовского восстания. В частности, он сказал: *«Я обязательно постараюсь инициировать принятие постановления Госдумы, в котором сам факт подавления с применением химического оружия – а это оружие массового поражения – было бы приравнено к безусловному акту геноцида русского народа, проведенного большевиками»*. Казалось бы, все предельно ясно. Методы действительно применялись людоедские. Но на Мединского тогда ополчились десятки деятелей, которые до этого в пристальном изучении истории замечены не были.

О чем говорит этот факт? Прежде всего о том, что мы по-прежнему рассматриваем Гражданскую войну через призму разнообразных мифов. Если Уборевич или еще кто (нужную фамилию вписать) воевал за красных – он по определению хороший человек и в чем-то даже пример для подражания. В этом направлении никакого движения вперед на ниве понимания собственного прошлого быть не может. Я уже говорил на страницах этой книги, но в очередной раз повторю: в Гражданской войне героев не бывает. Нам нужно научиться уважительно относиться ко всем участникам тех событий, но не слепо восхвалять их деяния, а трезво оценивать последствия для страны. Только таким путем можно достичь согласия и примирения в обществе.

Ведь не один Уборевич такой плохой. Кого ни возьми – сразу же обнаружатся многочисленные, как говорили в советскую эпоху, факты и сигналы. Смотрим на Ивана Панфиловича Белова. Храбро воевал, помогал устанавливать советскую власть в Средней Азии. Но какими методами! Военком 1-й Туркестанской кавдивизии Винокуров докладывал по итогам его деятельности в Москву: *«Положение сейчас крайне плачевное, теоретически мы здесь закрепляем Советскую власть, а практически рубим бедноту тысячами. Я теперь совершенно не представляю, какие нужны колоссальные труды, чтобы примирить с нами население»*.

Ничего особенного красный командир Белов не совершил. Так действовали все. Практика Гражданской войны иной не бывает. Подтверждается кем угодно и когда угодно в истории русской смуты.

Приглядимся к Ивану Федоровичу Федько. Прославленный красный командир? Не то слово! И на Северном Кавказе повоевал против Деникина, и в академии Генерального штаба РККА поучился, и в разгроме Врангеля поучаствовал. Трижды был награжден орденом Красного Знамени. Чем не пример для подражания? Только вот был в его карьере один незначительный эпизод. Пустяк, о котором и вспоминать-то не стоит. Но озвучу этот самый факт. Называется он «подавление Тамбовского восстания». За умелое руководство 187-й стрелковой бригадой Федько был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Как действовали на том фронте красные командиры, вы уже знаете. И чтобы выделиться даже на их фоне – это нужно было уметь.

Не менее яркой с этой точки зрения была карьера Михаила Великанова. После разгрома колчаковских войск он действовал на Кавказе. В частности, подавлял Гянджинский мятеж в Азербайджане. Действовал по-большевистски решительно, не проявляя волокиты и не терзаясь сомнениями. На практике за этой лукавой советской формулировкой скрывались привычные методы. Казнь нескольких сотен офицеров и строжайший приказ населению немедленно сдать все оружие. За слушание – расстрел на месте. Без суда и следствия. Таковы законы революционного времени.

Вот это первые красные командиры умели делать. Со всем остальным периодически возникали значительные сложности. Это и понятно – военного образования не хватало. Не случайно член Реввоенсовета республики Вацетис тогда же заметил, что он не выдвигал бы наверх тех, кто не имеет хотя бы трехлетнего опыта командования полком. Замечание справедливое, но, увы, невыполнимое в условиях первых лет советской власти. Большинство воспетых агитаторами комиссаров в пыльных шлемах

сразу стартовали с очень неслабых должностей в молодой Рабоче-крестьянской красной армии. И попытка поставить их на места, соответствующие их интеллектуальным возможностям, закономерно закончилась сначала глухим недовольством, потом отдельными публичными заявлениями и закономерно привела многих к участию в деле Тухачевского.

Ровно то же самое происходило, кстати, и в ВЧК. Возьмем для примера такого видного чекиста, как Георгий Атарбеков. Организатор и активный участник «пятигорской резни», он лично изрубил кинжалом генерала Рузского. Поступком этим Атарбеков чрезвычайно гордился. Он получил повышение и стал членом Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. Неплохо для 27-летнего человека, который никогда не служил в армии. Он действовал решительно и бескомпромиссно, но не совсем так, как многие сейчас подумали. Его пришлось снять с должности по требованию ударной коммунистической роты с формулировкой «за грубое попрание прав человека». Не знаю, что нужно было сделать, чтобы в эпоху красного террора быть обвиненным в жестокости. Это как быть изгнанным из палачей за свирепый нрав. Такой вот был боец за счастье всего человечества.

Или посмотрим на легендарного деятеля чрезвычайной комиссии Глеба Бокия. Нынче и он – жертва политических репрессий, реабилитированный советской властью. На него сегодня уже не призывают равняться даже самые упертые левые публицисты. Понимают, что не все ладно в биографии этого одного из первых чекистов. Но детали не уточняют. А мы поинтересуемся подробностями. Одной будет вполне достаточно. В разговоре со своей знакомой писательницей Алтаевой он честно признался: *«Я присутствую при расстрелах для того, чтобы работающие рука об руку со мною не смогли бы говорить обо мне, что я, подписывающий приговоры, уклоняюсь от присутствия при их исполнении, поручая дело другим, и затыкаю ватой уши, чтобы не расстраивать нервы».*

В дальнейшем Бокий оставался верен себе. При девятом отделе Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР он создал лабораторию по разработке ядов и препаратов для влияния на сознание арестованных или устранения неугодных. Работал старательно, с подлинным большевистским энтузиазмом, пока его самого не прислонили к стенке. Во времена Сталина демонстрировалось исключительное презрение к былым заслугам.

Тем же маршрутом последовал в дальнейшем и Григорий Мороз. О

нем нынче вообще не вспоминают – непопулярный деятель времен революции. А между тем он возглавлял следственный отдел ВЧК, находился на острие борьбы за торжество диктатуры пролетариата. Образование он имел низшее, но когда и кому это мешало в эпоху террора? Советская власть по достоинству оценила его работу. Орден Красного Знамени украшал его могучую грудь. Только вот в новые реалии Мороз категорически не вписался. Его пассионарность, пусть и сугубо отрицательная, годилась только для эры массовых кровопролитий. К какой-либо созидательной деятельности подобные люди тягу не испытывают.

Это, кстати, не моя оценка деятельности подобных типов. Ровно в то самое время нарком внутренних дел Петровский категорически потребовал устранения произвола в деятельности ВЧК – организации, «напичканной преступниками, садистами и разложившимися элементами люмпен-пролетариата». Таким образом, среди первых большевиков было четкое понимание того, что в партии и в карающих органах далеко не все являются образцами кристальной чистоты.

Именно на этом сегодня активно играют многочисленные современные срыватели покровов с советского прошлого. Наиболее рьяные выстраивают простейшую смысловую конструкцию: первые большевики (чекисты, комиссары... – нужное вписать) были такими зловными душегубами, поскольку русских среди них не наблюдалось. И крушили они не свою страну, и убивали не своих соотечественников. В той или иной степени данная модель гуляет по неокрепшим умам уже без малого сто лет. За все это время рассуждающие про национальный состав большевиков не удосужились его изучить. Даже не детально – хотя бы просто бегло проглядеть длинные списки имен. Что же, сделаю это за них.

Начнем с Реввоенсовета республики. Имеются в наличии три председателя: Троцкий, Фрунзе и Ворошилов. С точки зрения теории «все большевики были инородцами» (под этим, разумеется, подразумеваются исключительно евреи) можно предъявить претензии Троцкому и Фрунзе. Но и то, пока не начнешь изучать их биографии. Потому что сразу выяснится: в детстве будущий «демон революции» разговаривал исключительно на русском и украинском, идиша не знал. Фрунзе по происхождению был молдаванином.

Спустимся на уровень ниже. Заместители председателя реввоенсовета. Конечно, тут имеются Склянский, Уншлихт и Гамарник. Но чтобы картина была более целостной и внушающей, срыватели покровов добавляют к ним Каменева. Тут мы сталкиваемся с фальсификацией. Дело в том, что это не Лев Борисович Розенфельд, как многие привыкли считать, а Сергей

Сергеевич. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, один из участников разгрома Деникина.

Обычно на этом исторические изыски этих своеобразных публицистов и заканчиваются. Дескать, все ясно, чего тут обсуждать? А мы – не поверим. Откроем список членов Реввоенсовета и внимательно его прочтем. Много времени на это не уйдет. В нем 49 человек. Разные люди присутствуют – и сыновья священников, и дворяне, и даже целый контр-адмирал Русского Императорского флота имеется. Есть и евреи, целых трое. Еще раз повторю: 3 на 49 человек. О каком подавляющем большинстве тут можно говорить?

Точно такая же картина и примерно в той же пропорции наблюдается и во Всероссийской чрезвычайной комиссии. Несколько лет назад вышел в России малоприметный сборник «Энциклопедия ВЧК». В нем содержатся многочисленные биографии сотрудников центрального и губернских аппаратов, партийных руководителей и даже представителей науки и культуры, чья деятельность была связана с чрезвычайной комиссией. Полюбопытствуйте, книга того стоит. На очень многие ответы дает однозначные вопросы.

Открою страшную тайну: при изучении состава Совнаркома вы придете к тем же самым выводам. Фамилии и биографии всех руководителей советского государства без ретуши давно не являются тайной. Открыты архивы, опубликованы тысячи документов. Но многие почему-то не хотят читать, предпочитают дальше тиражировать ахинею о том, как три еврея подчинили своей несокрушимой воле 46 членов Реввоенсовета РСФСР. Это ведь так удобно. Только от реальной истории первых большевиков данная доктрина так же далека, как и сюжеты многочисленных советских кинофильмов о Гражданской войне. Но кому-то нравится жить мифами. Красивыми, многолетними. И это самое неприятное накануне 100-летия тех очень сложных событий. Но исправить ситуацию вполне возможно, все в наших с вами руках.

Послесловие

Подведем итоги. Белое движение, несмотря на ряд блестящих военных операций, было обречено. Отсутствие внятной идеи, которая была бы привлекательна для широких слоев общества, не дало Деникину и Колчаку возможности победить большевиков. Партия Ленина шла к триумфу сквозь череду жестоких поражений и роковых просчетов, но была убеждена в конечном результате. Путь к строительству принципиально нового общества был открыт. Дальше все зависело только от большевиков.

Многочисленные роковые события вместились в три года. Все действующие лица, невзирая на партийную принадлежность и собственные убеждения, последовательно и безостановочно превратили вторую русскую смуту в тотальную войну на уничтожение. В дальнейшем выжившие напишут сотни воспоминаний, в которых постараются не акцентировать внимание на неприятных эпизодах, словно их и не было. Но они были. И были сотни тысяч убитых, повешенных, замученных.

Говорить и спорить о том, почему так вышло, можно бесконечно долго. Легко строить предположения, как сложились бы события, будь чья-то политика гибче, а у кого-то принципиальность не превращалась в догматизм. Только подобный подход ничего не даст. И не потому, что историю еще никому не удавалось переиграть. Современники тех событий напрасными иллюзиями себя не тешили. Гражданская война была неизбежностью. Точно такой же неизбежностью было массовое презрение к собственной жизни, как ни грустно это сознавать нам сегодня в XXI веке. Потому что речь идет о наших с вами прадедах.

Вдумайтесь в ставшие сегодня уже знаменитыми строки Николая Туроверова, точнее всего описавшего ту эпоху. Слова поэта, очевидца и участника тех событий, не нуждаются в моих дополнительных комментариях. Их просто стоит осознать. Выучить наизусть, как заповедь. Передать ее всем знакомым. Чтобы стараться никогда потом не допускать подобного развития событий. Это несложно, не так ли?

*Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.*

*Нет, не мученьями, страданиями и кровью
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.*

*С тобой, мой враг под кличку «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?*

*Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.*

*Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?*

Список использованной литературы

- Адмирал Колчак. Протоколы допросов. СПб.: Питер, 2014.
- Белый Крым. М.: РГГУ, 2000.
- Белая борьба на северо-западе России. М.: Центрполиграф, 2003.
- Буденный С. Первая конная армия. М.: Вече, 2013.
- Великий сибирский ледяной поход. М.: Центрполиграф, 2004.
- Ворошилов К. Сталин и Красная армия. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
- Воробьев В. Товарищ Сталин – организатор побед на фронтах гражданской войны. М.: Правда, 1949.
- Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004.
- Врангель П. Воспоминания. М.: Вече, 2013.
- ВЧК уполномочена сообщить. М.: Кучково поле, 2004.
- Гагкуев Р. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012.
- Галлиполийский крест русской армии. М.: Сибирская благовонница, 2009.
- Ганин А. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М.: Русский путь, 2009.
- Герои гражданской войны. М.: Молодая гвардия, 1968.
- Гладков Т. Артур Артузов. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Городовиков О. В рядах Первой конной: рассказы конармейца. М.: Воениздат, 1939.
- Декреты советской власти. М.: Едиториал УРСС, 1999.
- Деникин А. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2015.
- Дроздовский М. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1923.
- Дроздовский и дроздовцы. М.: Достоинство, 2012.
- Донская армия в борьбе с большевиками. М.: Центрполиграф, 2004.
- Дуров В. Орден красного знамени. М.: Collector's Book, 2004.
- Егоров А. Разгром Деникина. М.: Вече, 2012.
- Зуб Э. Харьковская ЧеКа. Прощание с мифами. Харьков: Райдер, 2012.
- История гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1936.
- Исход русской армии генерала Врангеля из Крыма. М.: Центрполиграф, 2003.
- Какурин Н., Вацетис И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.:

Полигон, 2002.

Кирмель Н. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. М.: Вече, 2013.

Красная книга ВЧК. М.: Политиздат, 1989.

Краткий курс ВКП(б). М.: Государственное издательство политической литературы, 1944.

Левитов М. Материалы по истории Корниловского Ударного Полка. Париж, 1974.

Ленин В. Избранные работы в двух томах. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Макаров П. Адъютант генерала Май-Маевского. Л.: Прибой, 1927.

Марков и марковцы. М.: Белые воины, 2012.

Мельгунов С. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990.

Найда Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1958.

Наумов В. Летопись героической борьбы. М.: Мысль, 1972.

От Орла до Новороссийска. М.: Центрполиграф, 2004.

Павловский П. По материалам судебного процесса в Семипалатинске 1927 года. М.: Государственное издательство, 1928.

Первый кубанский «ледяной» поход. М.: Центрполиграф, 2001.

Пионтковский С. Гражданская война в России. М.: Издание Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1925.

Плеханов А. ВЧК 1917–1922. М.: Вече, 2013.

Поход на Москву. М.: Центрполиграф, 2004.

Реввоенсовет республики 1920–1923. М.: Едиториал УРСС, 2000.

Рудиченко А. Награды и знаки белых армий и правительств. М.: Collector's Book, 2008.

Русская армия на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003.

Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов. М.: Гей, 1998.

Троцкий Л. Моя жизнь. ПрозаиК, 2014.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч.2. М.; Л., 1926.

Туркул А. Дроздовцы в огне. М.: Вече, 2013.

Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2015.

Хандорин В. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007.

Цветков В. Белое дело в России. М., 2008.

Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999.

Шкуро А. Записки белого партизана. М.: Вече, 2013.